

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

1. 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92
Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_azi@bk.ru
<http://www.vaynah.at.ua>
<http://www.j-vaynah.ru>

**Журнал выходит один
раз в месяц. 16+**

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
29.01.15

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

АКЦИЯ

Мы любим нашего Пророка.....2

ПОЭЗИЯ

Саидбек ДАКАЕВ. *...Юзь цагучу геналлера...* Поэма.....8

Шамсуддин МАКАЛОВ. *Кавказ*. Стихи.....27

Илмади ЦОККУЕВ. *Вай дацара уьй?* Стихаш.....36

Хеда МИЗАЕВА. *Воображение*. Стихи.....48

Асхаб АЛИЕВ. *Глазами мальчишки*... Стихи.....67

ПРОЗА

Арби УСМАНОВ. *Свет в подвале*. Рассказ.....12

Олег ДЖУРГАЕВ. *Полюби природу. Да любим ею будешь*.

Из блокнота писателя. Очерки.....53

ГОЧДАР

Важа ПШАВЕЛА. *Бух! Анаш муха евла дуьнен т!е
Дийцар*. Гочдинарг МАРГОШВИЛИ Султан.....28

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Заза ДАТИШВИЛИ. *Где-то не к месту запел сверчок...*

Рассказы.....38

Айтеч ХАГУРОВ. *Косолапый, Каурая, Асламбий и Я*.

Рассказ.....59

Лера МУРАШОВА. *Уходящая натура*. Стихи.....71

ДЕБЮТ

Амина САДЫКОВА. *Море волнуется в нас*. Стихи.....57

ПУБЛИЦИСТИКА

Вахид ИТАЕВ. *Может ли народ быть «крайним»?.....75*

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гилани ИНДЕРБАЕВ. *Социально-исторические и
политические предпосылки зарождения жанра
драмы в чеченской литературе
20-х годов XX в.*.....79

ИСТОРИЯ

Хасан ГАПУРАЕВ. *Телохранитель шейха*.....85

Вахит АКАЕВ, Мадина МАМАДИЕВА. *Особенности
проявления исламского возрождения на
Северном Кавказе*.....90

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Он остается твоим, Кавказ!.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Улыбка природы в картинах Дианы Ахмадовой.....95

Рубрики подготовил Саламбек АЛИЕВ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Мы любим нашего Пророка

19 января 2015 года в столице Чеченской Республики прошла масштабная акция, направленная против тех, кто поддержал публикацию карикатур на Пророка Мухаммада (мир ему). В ней приняли участие жители не только нашей республики, но и многих других субъектов Российской Федерации, а также стран СНГ. Участники акции читали аяты из Священного Корана и салаваты, восхваляя Посланника Аллаха (мир ему).

На мероприятии присутствовали Глава ЧР Рамзан Кадыров, прямой потомок Пророка (мир ему) шейх Хабиб Али Джифри, председатель Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ Равиль Гайнутдин и другие гости.

Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров заявил в ходе манифестации: «Я смотрю на эту площадь с чувством гордости за любимого Пророка Мухаммада (мир ему), за религию ислам, за народы России! Мы с вами собрались на манифестацию протеста. Это протест против тех, кто поддерживает публикацию карикатур на Пророка Мухаммада (мир ему). Это протест против тех, кто пытается оскорбить религиозные чувства всех мусульман мира. Это протест против тех, кто сознательно разжигает всемирный пожар религиозной и межнациональной вражды».

Он отметил, что участники акции решительно осуждают авторов карикатур и политиков, оказывающих им поддержку разговорами о свободе слова, которую на деле подменяют вседозволенностью.

«Сегодня мы видим, что Европа не сделала должных выводов из недавних кровавых событий в Париже. Вместо того, чтобы осудить тех, кто открыл стрельбу, и тех, кто своими карикатурами давал для этого повод, – власти Франции организовали уличное шоу с лозунгами в поддержку вседозволенности, ведущей к кровопролитию. В нем приняли участие президенты, премьеры и короли. Это дает законное право говорить, что за инцидентом с карикатурами могут стоять власти и спецслужбы западных стран, заинтересованных вызвать новую волну пополнения рядов ИГИЛ тысячами обманутых молодых людей со всего света! Мы твердо заявляем, что никому и никогда не позволим безнаказанно оскорблять имя Пророка (мир ему) и нашу религию!» – подчеркнул Глава ЧР.

«Если потребуется, мы готовы умереть, чтобы остановить любого, кто думает, что можно безответственно склонять имя Пророка (мир ему). Это должны четко усвоить все, кто бессовестно игнорирует мнение сотен миллионов мусульман. Мы с вами видим, что европейские журналисты и политики под фальшивыми лозунгами о свободе слова и демократии провозгласили свободу хамства, бескультурья, оскорбления религиозных чувств сотен миллионов верующих. О какой свободе слова твердят в Париже и в других западных столицах?» – отметил он.

Р. Кадыров сказал, что Россия осудила террор Америки и Европы против народов Ливии, Сирии и Ирака, а также развязывание войны на Украине.

«В ответ на это западные защитники демократии объявили санкции 146-ти миллионам граждан России, среди которых женщины, старики, дети! И после этого у них хватает совести говорить о свободе слова! История с оскорбительными рисунками в адрес Пророка Мухаммада (мир ему) тянется уже 10 лет. Одна из датских газет в 2005 году опубликовала первые карикатуры. Это вызвало затяжной политический кризис во всем мире. Руководство России заняло принципиальную позицию в этом вопросе. Власти нашей страны не позволили тиражировать оскорбительные для мусульман рисунки. А за отдельные факты призвали к ответу руководителей СМИ. Государственная Дума приняла Федеральный закон о защите чувств верующих», – сказал Р. Кадыров.

Он подчеркнул, что благодаря твердой воле президента Владимира Путина Россия и сегодня противостоит негативным явлениям, охватившим Европу и другие регионы планеты.

«Мы с вами на весь мир заявляем, что мусульмане ни в коем случае не позволят использовать себя для раскачивания ситуации в стране. Мы всегда были надежными защитниками России! И сегодня в состоянии дать достойный отпор любым врагам нашего Отечества! Ислам является религией мира и созидания! Он учит жить в мире и согласии со всеми народами нашей страны, с людьми разных вероисповеданий. Мы строго соблюдаем эти принципы, заложенные в Священном Коране и Сунне Посланника Аллаха (мир ему). В России созданы идеальные условия для верующих. Есть тысячи мечетей, медресе, исламские институты. Мы за мир и взаимное уважение культур и религий! Мы за стабильность в нашем Отечестве – России!» – заключил Р. Кадыров.

Отметим, что Рамзан Кадыров прибыл на митинг протеста вместе со своей семьей.

Поддержать акцию протеста против карикатур на Пророка Мухаммада (мир ему) прибыли и представители других конфессий.

Епископ Махачкалинский и Грозненский Варлаам, принимавший участие в манифестации, отметил, что православная церковь присутствует сегодня на этом мероприятии и поддерживает братьев-мусульман.

«Чувства верующего человека для нас всех – святая святых, которую мы особенно здесь, на Кавказе, и во всей России храним и охраняем, потому что

Фото М. Хадисова

у нас всегда были братские отношения, взаимная любовь, не было на почве религии никакой вражды», – сказал он.

Епископ отметил, что церковь осуждает карикатуры, задевающие чувства верующих.

В ходе манифестации, прошедшей в Грозном, известный религиозный деятель шейх Хабиб Али Джифри назвал Главу Чеченской Республики Рамзана Кадырова защитником Пророка Мухаммада (мир ему).

«Я обращаюсь к своему брату, Главе республики Рамзану Кадырову. Вы являетесь хранителем священных реликвий, служителем Священного Корана. Я знаю, что вы любите нашего Пророка (мир ему). Я хотел бы сказать, что к Вашим званиям я хочу добавить еще одно – «Защитник Пророка Мухаммада (мир ему)», – сказал шейх Хабиб Али Джифри.

«Я прошу Всевышнего помочь Вам в Ваших добрых делах, вести Вас по правильному пути. Пусть Всевышний примет все Ваши благие деяния. Пусть Аллах благословит Вас на пути защиты Пророка (мир ему)», – сказал шейх.

Он отметил, что на призывы Главы ЧР Р. Кадырова откликнулись не только жители республики и других регионов России, но и представители других конфессий.

«Я хочу поблагодарить наших братьев из христианской церкви. Пророк Мухаммад (мир ему), когда к нему прибыла делегация иудеев, встретил их в мечети и даже дал им помолиться в ней. Сегодня вы вместе с нами поддерживаете акцию протеста против карикатур на нашего Пророка Мухаммада (мир ему). Я благодарю вас за это. Я также хочу поблагодарить Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, который своим желанием направил вас в Чеченскую Республику поддержать нашу манифестацию», – сказал шейх Хабиб Али Джифри.

Председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев выразил благодарность Главе ЧР Р. Кадырову за проведение этой акции.

«Сегодня Грозный стал центром ислама. Здесь собрались представители различных национальностей не только Северного Кавказа, но и России. Все

пришли по велению сердца и любви к Пророку Мухаммаду (мир ему)», – сказал И. Бердиев.

«На земле есть служители, которые исполняют волю Всевышнего. Мы прекрасно видим, сколько сегодня собралось людей благодаря призыву служителя Корана Рамзана-хаджи, у которого хранятся вещи и волосы Пророка (мир ему). Значит, здесь вместе с нами находится и наш Пророк (мир ему). Хочу пожелать сил и здоровья Рамзану Кадырову на его пути! Мира вам всем и благословения Аллаха», – отметил он.

И. Бердиев подчеркнул, что именно благодаря религии сохраняются нравственные устои. «Почему именно религия стала объектом таких нападков? Да потому, что ислам – религия мира и добра, которая помогает нам быть нравственно чистыми. Я прошу Всевышнего, чтобы Он вывел на правильный путь людей, не знающих нашу религию и вышедших на улицы Парижа в поддержку тех, кто рисует карикатуры на нашего Пророка (мир ему)», – подчеркнул муфтий.

Он также выразил благодарность Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу за поддержку акции против оскорбления чувств верующих.

«Сегодня вместе с нами здесь находятся наши братья – православные христиане. Они пришли поддержать нас и вместе с нами сказать «нет» карикатурам, оскорбляющим религиозные чувства людей, какой бы веры они ни были», – отметил он.

И. Бердиев подчеркнул, что в России своевременно принят закон о запрещении ущемления чувств верующих.

«Мы можем с уверенностью говорить, что Россия является действительно демократической страной. И потому нам необходимо поддерживать наших руководителей», – сказал И. Бердиев.

Председатель Совета муфтиев РФ и Духовного управления мусульман РФ Равиль Гайнутдин отметил, что мусульмане приветствуют и поддерживают твердую позицию Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова по защите ценностей ислама.

«Дорогой наш брат, Рамзан Ахматович! Сегодня мусульмане с гордостью слушали Вашу речь. Они слышали и читали Ваши заявления. Мусульмане поддерживают и любят Вас. Они благодарят Вас за защиту ислама и мусульман, за защиту наших духовно-нравственных ценностей, за возрождение Чечни, за создание благ для народа Чечни, для россиян», – сказал он.

Р. Гайнутдин отметил, что взгляды всех мусульман мира обращены к Грозному, а представители других конфессий выражают солидарность в том, что нельзя оскорблять чувства верующих.

«Мы собрались вместе для того, чтобы всему миру сказать, что мы против карикатур, против оскорблений религиозных чувств мусульман. Мы – и мусульмане, и представители других религий нашей страны – солидарны в том, что нельзя оскорблять чувства верующих вне зависимости от вероисповедания. Мы должны уважать чувства верующих, ценить наши духовно-нравственные ценности», – заметил он.

Р. Гайнутдин подчеркнул, что западный мир, к сожалению, гниет и теряет духовно-нравственные основы. «Они строят бездуховный мир, где пренебрегают семейными ценностями. Они принимают законы, которые разрешают однополые браки», – сказал он.

Муфтий уверен, что «те, кто хотят оскорбить, унижить, осквернить нашего святого Пророка Мухаммада (мир ему), терпят поражение».

«Сотнями, тысячами в западном мире принимают ислам. Именно к этому приводит то, что пытаются оскорбить нашего Пророка (мир ему)», – сказал он.

Р. Гайнутдин напомнил, что ислам распространяет мир и согласие, призывает к уважительному отношению между религиями. Он обратил внимание на то, что неприемлемо проецировать преступления отдельных людей на целые религии и народы: «Нельзя обвинять религию в том, что есть террористы и другие лица, совершающие преступления. Террористы есть у представителей

Фото М. Хадисова

каждой религии. Убивают, совершают преступления представители разных народов. Из-за этого никто не имеет права обвинять религию, обвинять целые народы».

При этом он подчеркнул, что мусульмане выступают против терроризма.

«Мы – все здесь собравшиеся, мусульмане нашей великой России, мусульмане всего мира, говорим, что ислам – это мир! Аллах требует распространения мира и любви. И все мы выступаем против террора, против убийств», – сказал он.

Муфтий отметил, что чеченцы хорошо знают цену жизни: «Вы прекрасно знаете к чему приводят убийства, террористические акты. Это горе, разрушения, скорбь, трагедия».

Он отметил высокую роль первого Президента ЧР, Героя России Ахмат-хаджи Кадырова и Главы ЧР Р. Кадырова в установлении мира и порядка в регионе.

«Наши современники называют Ахмат-хаджи и Рамзана Ахматовича великими сыновьями чеченского народа, великими сыновьями России», – сказал он.

Председатель Совета алимов республик СКФО Хож-Ахмед Кадыров отметил, что рад и горд, что сотни тысяч людей собрались здесь, чтобы выразить свою любовь к Пророку Мухаммаду (мир ему): «По воле Всевышнего, благодаря праведному пути, по которому нас направил первый Президент Чеченской Республики, Герой России Ахмат-хаджи Кадыров, а также благодаря стараниям Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова мы все видим происходящее на этой площади. Сотни тысяч людей собрались здесь, чтобы выразить свою любовь к нашему Пророку Мухаммаду (мир ему). Ислам – религия мира, справедливости и свободы».

Он также отметил, что мусульмане России имеют возможность свободно исповедовать ислам. «Посмотрите, сегодня здесь собрались, чтобы поддержать нас, представители разных конфессий. Это говорит о том, что мы находимся на правильном пути. Рамзан Кадыров по воле Аллаха следует по праведному пути, указанному Пророком Мухаммадом (мир ему) в свои времена. Сегодня

мы имеем возможность свободно исповедовать ислам, собираться на различные мероприятия. Те, кто пытался оскорбить нашего Пророка (мир ему) во Франции, никогда не смогут этого сделать. Ведь невозможно закрыть солнце, которое сейчас светит нам всем, точно так же невозможно оскорбить лучшего из людей – Пророка Мухаммада (мир ему), потому, что его послал на нашу Землю сам Всевышний», – сказал Х.А. Кадыров.

«Люди, не имеющие ничего святого, под маркой защиты демократии и свободы слова попытались оскорбить Пророка (мир ему). Это все потому, что у них нет своих духовных принципов, основанных на нормах чести, морали и совести. Наоборот, от таких тщетных попыток как-то задеть нашего Пророка (мир ему) его почитание только увеличивается. Мы все видим, как день ото дня увеличивается умма Пророка Мухаммада (мир ему), как приезжают люди в нашу мечеть принимать ислам из различных уголков России, а также из СНГ. Таким образом, во всем мире идет распространение ислама. Те, кто рисуют оскорбительные карикатуры, пытаются помешать распространению ислама. Если бы это была действительно та старая Франция, которая провозгласила настоящую демократию, то ее руководство решительно осудило бы действия карикатуристов, заявило бы о том, что их действия принесут только зло и посеют вражду между национальностями и призвало бы к прекращению этого беспредела с карикатурами. Но этого не произошло», – сказал Х-А. Кадыров.

Он также добавил, что мусульмане мира никому не позволят шутить с исламом.

«Когда впервые появились карикатуры, президент Владимир Путин не позволил их перепечатку и распространение в стране. Сегодняшняя наша акция показала Европе, что все мусульмане мира очень любят Пророка Мухаммада (мир ему) и никому не позволят шутить с нашей религией», – сказал Х-А. Кадыров.

В акции протеста в связи с публикациями западными СМИ материалов, преследующих цель оскорбить Пророка Мухаммада (Да благословит его Аллах и приветствует) в Грозном приняло участие более одного миллиона человек.

Чтобы принять участие в акции «Любовь к Пророку Мухаммаду (мир ему)» в Грозный прибыли тысячи жителей Дагестана, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, Москвы, многих других регионов России и из-за рубежа.

Люди многочисленной колонной прошли от площади «Минутка» к центральной мечети им. Ахмат-хаджи Кадырова. В руках они несли транспаранты с лозунгами «No Charlie Hebdo», «Руки прочь от нашего любимого Пророка Мухаммада», «Мы против карикатур! Вам просто никогда не понять, как мы любим нашего пророка», «Мухаммад – лучший из людей». На многих автомобилях были наклейки «Мы любим нашего Пророка». Также демонстранты держали в руках воздушные шары, на которых было написано имя Пророка (мир ему). По сигналу с трибуны они одновременно выпустили их из рук, и шары поднялись в небо над центральной площадью столицы.

Вдоль дорог были выставлены ящики с угощениями. С трибуны, установленной на центральной площади, звучали слова любви к Пророку (мир ему). Их в едином порыве подхватывал многотысячный хор демонстрантов.

Кроме лозунгов в поддержку Посланника Аллаха (мир ему), люди также скандировали и имя Пророка Исы (Иисуса) в знак его почтения.

Акция в Грозном, собравшая более одного миллиона человек, завершилась коллективной молитвой.

Подготовил Саламбек АЛИЕВ

Дакаев Саидбек

...Юьхь цагучу геналлера...

Поэма

Б1аьра хьожий
Хотту соьга хийла:
«Маса шо ду,-
Хьан мел хан ю?» – олий
Са ца 1ебаш
Шерийн кьурдаш мийларх,
Зама-м йоьду
Ког ма-боллу, йолий.

Суна хаац
Сан мел хан ю ала.
Дукха хан-м ю
Кху дуьнент1е ваьлла.
Х1етахь дуьйна,
Шерийн хьесап лара,
Юьхь ца гойтуш,
Сан некь генабаьлла.

Теш вац дийна,
Хаьий? – аьлла хатта,
Стигла кхийда
Лекха лаьмнаш дацахь.-
Царна-м хуур
Дара иза атта,
Хетарш доцуш,
Ша ма-дарра дийца.

Сан хетарехь
Дато х1ур т1ебуьллуш,
Коьртан чкьурах
Боьлла хьаса, х1ора,
Сан дахаран
Шерийн метта буьллуш,
Замано сан
Хенан хьесап лору...

Хаац, маца
Дуьйна йог1аелла,
Сан некьан лар
Кхузахь муха сецна-м.
Х1окху махке
Марзо лацаелла,
Со ву кхузахь
Синан орам теснарг.

Т1ехь ц1е язлуш
«Нохчо ву хьо» – аьлла,
Аг1о хорцуш,
Делладелла тептар.

Хьаам хилла,
Ойла парг1атгьяьла,
Синан маршо
Кхузахь дагах кхетта.

Хи ма-х1утту,
Куьйган канахь эцна,
Ломан ц1онгех
Дуьйлу шовда мелла,
Х1аваь локкху
Аьзнаш лерехь сецна,
Ойла хьаош,
Сан садекьаделла.

Ас мукьамца,
Ломан белшах туьйсусш,
Маьрша аьрзу
Кхузахь хелхадаьхна.
1а ма йоллу,
Матта т1ера кхуйсусш,
Нохчийн маттахь,
«Нохчо ву со!» – баьхна.

Саб1арздина,
Акха уг1арш лобцуш,
Мохо идош,
Суна герга кхехьна.
«Х1ун бах?» – ала,
Кхойкху хезе йоцуш,
Ломан хьехах
Воьлла зама яьхна.

Куьйса кьожах,
Баржош, бинчу меттахь,
Вуьжуш, г1оттуш,
Ас буьйсанаьш яьхна. –

Бода башош,
Маълхан чиркхо летта,
Сан беснеш тIехъ
ЗIаьнарш серла яьхна.

Ломан некхак
Когийн айраш туьйсусх,
Гора-бергал
Еха ирхеш яьхна.
Халонашна
Дуьхьал тIа марш кхуьйсусх,
Со кху мехкан
Верас хилла ваьхна.

Хене вала
Акха хьаннаш толлуш,
Акхарошца
Къуьйсусх ижу лехна.
ГIайракх-тIулган
ЧIагIо гуонах юьллуш.
Ас дуьхьара
Кхузахъ Iойла йобгIна.

Дехьа-сехьа
Вийла гечо доккхуш,
Тача дижош,
Лела некъаш даьхна
Лаьттах летта,
Куллан боьлак йоккхуш,
Хьаннаш юккъехъ
Аха ирзош даьхна.

Орам тоьдуш
Лаьттан, чкъурах боккхуш,
Алхаш йийшош,
БаIал берталтоьхна
Луьйдиг тилош,
Кенах чIанабоккхуш,
Кхоам бина,
Ялтин буьртиг боьгIна.

ДаьIнех даьжна,
Куьйган кховраш цоьстуш,
Мокхаз-тIулгех
Боккхуш, суй къадийна.
Попан хиэнаш
Товхин бага тоьттуш,
Кхерчаш бага
Алунаш латийна.

Куьйго карчош
Можа сацкъар хьийна
ЦIергахъ йоттуш
Йина кхийра пхьегIаш.
Ас дийгIина
Бошмийн дитташ кхийна,

Хьано муьйлуш
ХIокху лаьттан дегIах.

ЗIаьнарш туьйсусх,
Лаьмнийн баххьаш лотьцуш,
Кхузахъ маълхан
Беснеш сирла летта.
Стиглан корех,
Седарчашка хьобжуш,
ДегI дижийна
Iийна бецан меттахъ.

Ницкъ ца кхоош
Маълхан кIуьрехъ ваьцна,
Букъ башийна,
ДегIан хьацарш даьхна.
Хьаставелла,
Куьйгийн канаш лаьцна,
Ас доIийца
Делан дика дехна.

ХIокху мехкан,
Доьналлийца йогIу,
Айпе йоцу
Амалш дагчу эгна.
Ас Органан
Бердийн чхараш огуш,
ТIаьхьалонна
Билгалонаш тегна.

Гена, герга
Махкал аракхобхуш,
Уьйрех туьйсусх,
Гергарлонаш лехна.
ДегIан, синан
Оьздангалла оьхуш,
Юкъ ца йостуш,
Кьовлавелла ваьхна.

Лула-кулахъ
Дош داشера даьлла,
Собар, тоьттуш,
Ца тийсина юьстах.
БIаьргийн сирла
Хьежар бIангIардаьлла,
Даго ойла
Ца Iийшина муьста.

Сан хIусамехъ
НеIарш еллаелла,
Дог ца кхоош
Хьешан лерам баьхна.
Даа, мала
Хьанал рицкъа делла,
Цуьнан некъан
Хьашташ хьалхадаьхна.

Ойланашна
 Коча лаам туьйсуш,
 Са ца диьна
 Воцург вала г1ерташ.
 Ч1аг1аллийна,
 Шалха бердаш дуцуш,
 Къийлина ас
 Дайн г1иллакхийн керташ.

Ненан шурин
 Чомах санна воьлла,
 Х1окху лаьттан
 Хьена накха биьна.
 Къахьлур йоцу
 Марзо дагах йоьлла,
 Со кху махкахь
 Онда ваьлла, кхиьна.

Сутардаьлла,
 Ара б1аьрг ца кхийдаш,
 Гатте йоцуш
 Со кху маха хоьна.
 Шерет дина,
 Доккха дуьне доькъуш,
 Доладаьлларг,
 Кхачо хилла тоььна.

Теркан йистойн
 Ареш сенъеш долу,
 Х1ора бецан
 Хелиг кхоам хетта.
 Кхузахь 1алам
 Куьцехь серладолий,
 Дуьне доьллуш,
 Деган пенах летта.

Сирчу динахь,
 Мохо верта луьйсуш,
 Ас идийна
 Лаьмнаш, шера ареш.
 Б1аьстено кху
 Мехкан духар хуьйцуш,
 Тергалдина
 Бецан сийна дареш.

Замано со
 Оццул генавоккхуш,
 Харцо хьажарх,
 Берзош букъ ца тоьхна...
 Ямарт хилла,
 Безам херабоккхуш,
 Адам-дена
 Тешнабехк ца оьхьна.

Дуьне, 1алам
 Тоьшаллина лоцуш,
 Ч1аг1о йина ас:

«Нохчо ву», – аьлла.
 Дуьне духуш
 Доха таро йоцуш,
 Иза аьлла,
 Къовладелла даьлла.

Мокхаз хилла
 Амал яхчаелла,
 Ас лаьмнашца
 Эзар-бала лайна.
 Синош кхуллуш,
 Доьг1на, Дала делларг
 Къобалдина,
 Магош 1ийна сайна.

Доттаг1аллин
 Уьйрех марзо эцна,
 Лацаелла,
 Дагна мекха йоцуш.
 Дагчу доьжна
 Къовладелла, сецна
 Делах тешар,
 Доха амал доцуш.

Г1е-к1ел йохуш,
 Чучча-дашах юцуш,
 Г1алин г1ишлош
 Ца х1иттийна маттах.
 Озавелла,
 Юхавалар доцуш,
 Кийча хилла
 Орца кхойкхехь г1атта.

Синтем байна,
 Г1уьтту ойла луьйсуш,
 Безамах дог
 Даьгна тийна, таь1на.
 Г1улгех туьйсу,
 Шабарш лере кхуьйсуш,
 З1аьнарш лийчош,
 Сирла шовда хьаььна.

Шерийн борзан
 Когашкара дуьйна,
 Х1окху дийнан
 Баьрче кхачо г1ерташ,
 Со юьхь лаьцна,
 Замано идийна,
 Цкъацкъа хьоьстуш,
 Цкъацкъа дера терсаш.

Сан нохчалла
 Дуьнен т1ера яйа,
 Со цавезнарш
 Лаам хьаьгна лелла.
 Ц1ийнан, мехкан
 Бакъо йоцу лай а,

Чорхе тийсарх,
Сох ца тегавелла.

Юхатеттарх,
Легаш лаца кхийдаш,
Ас, цаваялла,
Коча ледна девнаш.
Мукъам боьхна
Айпе «ах1» – ца 1уьйдуш,
Текхаелла
Кегий яккхий чевнаш.

Сан майралла,
К1иллочуьнца кыййса
Б1о ца булуш,
Девнах юха яьлла.
Кхоам боцуш,
Эрна юьстахкхийса,
Дош ца лелла
Матта боьххье даьлла.

Сан мокхазан
Суйнах яьлла мажар,
Мостаг1чунна
Дега юккье кхетта.
Пхьалг1ахь динчу
Г1орда-туьран к1ажа,
Аг1о боьллуш,
Дег1ан дилхах летта.

Ас кьонахий
Кхиййна кху лаьтгахь,
Ц1ераш тохкуш,
Дуьне мел ду бовза. –
Мокхаз хилла
Дуьхьалонаш х1иттарх,
Синош делла,
Мехкан маршо кьовса.

Суо да волчу
Х1окху лаьмнийн мехкан
Сий ца дожош,
Со эзарза велла:
Дагах йоьлла,
Кхуьнан марзо кхехкаш,
Со х1оразза
Юха ден а велла.

Доцурш дуьйцуш,
Сан сий ц1армат даккха,
Шалха меттийн
Аларш, бахарш лелла.
Деган чкьюьйриг
Екьяелла эккхал,
Т1ехь цадог1урш
Коча охкаделла.

Ц1ий д1амала
Аьрта з1акарш туьйсуш,
Ямартлонаш
Лелла гона хевлла.
Х1ара лаьттан
Коржам соьца кьюьйсуш,
Екха синош
Хьяам байна лелла.

Б1аьрса мелла
Дуьне хьулдан лобцуш,
Г1аьржа кирхья
Б1аьргаш дуьхьал изьхна.
Цергах 1оттал
Карахь рицкья доцуш,
Тобтгуш 1уьтгуш
Пана махка кхехьна.

Лахьтин кийра
Берзо таро йоцуш,
Сан ц1ийх бара
Эрна арахь эгнарш.
Дорцан ткъевнехь
Т1ехь я когахь доцуш,
Ас сайн кьоман
Ирча вуонаш хьегна.

Гена, герга
Кхийдаш талла воьлча,
Дукха ду уьш
Еха раьг1наш йоттал.
Х1инцца, масех
Мог1а буьзна баьлча
Кьовлур ду сайн
Дийцар чаккхе х1оттош.

Хьан мел хан ю? –
Аьлла хьаттинчунна
Жоп ду х1ара дийцар
Кхачо хиллал.
Орамера
Нохчо велахь, цунна
Шех ца вогуш
Дега юккье диллал.

Хьянна хаьа,
Х1оккхул, оццул – аьлла
Ас листинчу
Шерийн хьесап лара.
Йист цагучу
Геналлера ваьлла,
Кхьячна-м ву со
Кху дахаран ара...

Арби Усманов**Свет в подвале**

Рассказ

I

Она шла по высокой насыпи, сооруженной по берегам Сунжи для защиты от паводков и превратившейся в ровную, укатанную дорогу. Она и раньше с удовольствием гуляла здесь, вспоминая прошедшие дни и часто отдыхая в тени огромных, раскидистых белых тополей. Каждый раз, когда после напряженной работы или нескончаемых домашних дел она приходила сюда, в памяти вставали дни безмятежной молодости, здоровья и счастья. Она не была уроженкой Грозного, но с тех самых

пор, когда в шестидесятые годы прошлого века молодой выпускницей Ростовского медицинского института была направлена для работы в Чечено-Ингушскую республику, прикипела к этому удивительному по красоте краю, с ее гостеприимными и открытыми людьми. А о первом селе, куда попала по распределению, до сих пор не может вспоминать без легкой грусти. Это было живописное предгорное село Шалажи, где она проработала несколько лет, а многие жители села помнят ее до сих пор. Потом – переезд в столицу, город Грозный, замужество, дети. А сколько радости было, когда получили квартиру почти в центре города!.. Но сегодня она не испытывала того удовольствия, с которым обычно гуляла здесь. Ее сухая, сгорбленная фигура, опустившиеся, как будто от груза прожитых лет, острые плечи, порой чуть заметно вздрагивали, слезы горечи и обиды душили немощную грудь. Шла и шла, не слыша ни шума реки, ни пения птиц над головой, ни чьего-то голоса, окликающего ее.

– Полина! – наконец, услышала она, оглянулась и увидела соседку Зуру, запыхавшуюся и недоумевающую.

– Ну, ты даешь! Бегу за тобой, кричу, кричу, а ты не слышишь! – начала она, но увидев лицо оглянувшейся Полины, сразу замолчала.

– Что с тобой, Полина? – взяла ее под локоть, заглядывая в глаза.

Зура была соседкой Полины по подъезду и, несмотря на то, что была намного моложе ее, здоровьем не отличалась. Полина была у нее постоянным неофициальным лечащим врачом. Со временем они крепко подружились, обнаружив еще и общность некоторых интересов. Иногда вместе гуляли здесь, делясь новостями. Они были одними из немногих оставшихся знакомых жителей дома № 43 по улице Трудовой, более тридцати лет проживших здесь, деливших и горькие дни непостижимой для ума нормального человека войны, и немногочисленные радости. Старых жителей этого большого дома осталось не больше десяти-пятнадцати. Все остальные разъехались, кто куда. Кто уехал в село, разочаровавшись в жизни в разрушенном городе, кто, вообще, укатил за границу, спасая своих детей от бомбежек и беспредела военных. Вот и Зура, наслушавшись разговоров о том, что творят они с молодежью, насильно отправив с группой выезжающих за границу своего единственного сына Асламбека.

Но все когда-то кончается. Жестокая и бессмысленная война, названная властью имущими «контртеррористической операцией» и которой, кажется, не видно было конца, – исчерпала свой ресурс. Грозный стоял в руинах, а оставшиеся в живых мирные жители превратились в бомжей. Однако и этому приходит конец. Сильно разрушенный дом под номером 43 по улице Трудовой через несколько лет восстановили. Впрочем, восстановили и весь город, назло злопыхателям, утверждавшим, что Грозный не подлежит восстановлению, что один только мусор из города нужно будет вывозить десятки лет. Восстановили благодаря неумной энергии молодого и амбициозного руководителя республики, назначенного на эту должность после трагических событий, развернувшихся на территории России в самом начале двадцать первого века. Разъехавшиеся по разным местам жильцы начали возвращаться в свои квартиры, обживать их заново. После нескольких лет скитаний вернулись и наши подруги...

– Полина! Что случилось? Ты плачешь? Ты меня пугаешь! – остановила ее Зура. – Давай, присядем вот здесь, – потянув за рукав, почти силой усадила на небольшую удобную лавочку, сооруженную каким-то добрым человеком в тени деревьев.

– Понимаешь, Зура, пришел ко мне опять этот мужик с соседнего подъезда, он и раньше приходил, – вытирая слезы и усаживаясь, заговорила Полина.

– А что ему надо-то от тебя?

– Пришел, расселся, как будто я его звала, и так беспардонно говорит: «Ты когда собираешься продавать квартиру?» Я ему говорю: «Я не собираюсь продавать квартиру, видишь, я живу в ней. И потом, у меня есть сын, который должен приехать». А он, как будто не слышит меня, твердит свое: «Ты квартиру, кроме меня никому не продавай! И, надеюсь, цену не загнешь большую, мы же соседи!» А я его почти не знаю, видела только несколько раз. Он из новых, неизвестно откуда понаехавших, жильцов.

– Ну, и пошли его, как у нас говорят, «туда, куда отец ушел!» Ты же можешь это даже на чеченском сказать! Стоит из-за этого так расстраиваться? – попыталась Зура перевести все в шутку.

– Нет, Зурочка, не так это все, не так просто! Надо было видеть его наглую рожу, и как он все это говорил! Только прямо не сказал: «И чего это ты тут, старая, так задержалась, живешь и не умираешь? Мне же квартира нужна!» – опять всхлинула, успокоившаяся было, Полина.

– О Аллах, ну что ты такое говоришь, Полина? – погладила ее седую голову Зура, – Ну, нашелся один толстокожий! Да плюнь! Ты же знаешь, как тебя все любят и уважают! Сколько ты добра сделала людям, скольких спасла, да и сейчас сколько помогаешь! Если бы тебя не было здесь во время войны, что бы все делали? А он ни войны не видел, ни людей не знает. Приехал откуда-то и ищет легкой добычи, как шакал. Тебя никто не даст в обиду. Пожалуйста, успокойся, Полиночка, ты и меня расстраиваешь!

– Понимаешь, Зура, дело не только во мне, я-то могу и уехать. Максим туда меня зовет, а я его – сюда, потому что трудно мне расстаться с этим городом, с которым у меня столько связано. Просто этот случай заставил меня еще раз задуматься, неужели, чтобы люди стали добрее, нужны какие-то постоянные войны и потрясения? Почему мы там – одни, а здесь – другие? Может мы только там – настоящие, а здесь только тени?.. Правда, и там были разные люди. В подвалах – одни, а наверху – другие, ты же сама все помнишь, – глубоко задумалась, ушла в себя Полина...

II

...Сквозь занавешенное белой тряпкой маленькое вентиляционное окошко подвала дома № 37 по улице Трудовой пробивался слабый свет. Массивная металлическая дверь, ведущая из подъезда в подвал, была приоткрыта, видимо, для того, чтобы поступал свежий воздух. Спустившись по крутым ступеням

шаткой, деревянной лесенки, можно было увидеть необычную картину. Подвал был почти до отказа заполнен людьми. В центре стояла хорошо растопленная буржуйка, изогнутая жестяная труба от которой была выведена во второе вентиляционное окошко. Рядом стоял покрытый клеенкой небольшой столик, на котором мерцала, поставленная в блюдце догорающая свеча. Резкий смешанный запах сырости, копоти и пота устойчиво стоял по всему подвалу и приоткрытая дверь мало что меняла. Почти по всему периметру подвала стояли грубо сколоченные из досок, фанеры и бог весть из чего, нары на которых лежали, полулежали, сидели, одетые кто во что люди – мужчины, женщины и даже дети. Несколько железных кроватей были расположены почти в центре, недалеко от буржуйки, на которой стояла большая алюминиевая кастрюля. Основная масса обитателей этого странного сообщества были люди пожилого возраста, которых трудно было различить по национальному признаку, да никто этим и не интересовался. Даже семья украинцев с тремя маленькими детьми, неизвестно откуда появившаяся здесь в последнее время, и казашка Айшат – не чувствовали себя чужими. Все здесь были равны, все оказались здесь не по доброй воле и делить им было нечего. Главное – спасти свои жизни. Это там, наверху, где все грохотало, отчего иногда даже содрогался подвал, чего-то не поделили. Наверное, там другие люди, из другого мира, с другими понятиями, с другими потребностями. А здесь, несмотря на условия, далекие от комфортных, полное взаимопонимание.

Сюда, в подвал дома №37, перебрались и жильцы дома №43, после того, как в него попала «глубинная» бомба, лишившая их не только своего обжитого жилья, но и подвала. При этом, под завалами погибла одна женщина, которую долго откапывали с помощью боевиков и похоронили на берегу Сунжи. Это была первая жертва из близлежащих домов, но очень скоро рядом с этой могилой вырос с десятков холмиков...

...Скрипнула и широко открылась входная дверь и по шаткой деревянной лестнице в подвал спустился крепкий мужчина в короткой куртке, на вид лет пятидесяти.

– Ну что, «подпольщики», как дела? Кто у нас сегодня дежурный? Что кушаем? – сходу засыпал он вопросами обитателей подземелья. Чувствовалось по всему, что он здесь не только свой, но и, определенно, имеющий вес человек.

– Дела, как сажа бела! Дежурная я! Кушаем гороховый суп! – также на все вопросы сразу, улыбаясь, ответила Полина, хлопотавшая около буржуйки с ложкой в руке.

– Молодец, Полина! По-военному докладываешь! Да ты, вообще, у нас, «и жнец, и швец, и на дуде игрец», – похвалил Полину вошедший, – откуда такая роскошь?

– Марьям домой бегал, пирнесла свой запас! Музикални блюда будим кушат! – за нее ответила, посмеиваясь средних лет женщина. – Ой, ни дай бох, Ибрагим услышит! – с опаской оглянулась назад в сторону деревянных нар, где лежал на боку с закрытыми глазами седобородый пожилой мужчина.

– Тебе бы, Яха, только поболтать, не выбирая слова! – беззлобно произнес старик, открывая глаза, – ты бы лучше вон Полине помогла, чем языком молоть!

– Вай, Дела, Ваша!* – сконфуженно обратилась к нему Яха. – Прости, ради Бога, я думала, что ты спишь!

– Если я сплю, значит можно что угодно болтать? Вон, детей хотя бы постыдилась. А, вообще, Руслан, – сев на нарах, обратился к вошедшему Ибрагим, – Полину надо освободить от этих дежурств, у нее других, своих дежурств хватает. Не проходит и ночи, чтобы ее куда-нибудь не позвали оказать помощь, то больному, то раненому. Да и в нашем подвале ей хватает работы. Почти не спит человек!

– Валлахи, правду говоришь, Ибрагим! Я сам об этом думал. Если человек безотказный, нельзя на нем все время ездить. Слышите, «женсовет»? Больше на эти дежурства Полину не ставить!

– Правильно, правильно, я тоже говорила, – писклявым голосом, не вязавшимся с ее тучной фигурой, заявила женщина, кровать которой была расположена ближе всех к буржуйке.

– Вай, – вздохнула Яха, – ти же, Валя, сама болши всех на ние ездидиш! «Полина, подай эта! Полина, сделай эта! Сбегай туда, бегай суда!»

– А что я сделала? Ну, попросила пару раз, мы же соседи! – обиженно поджала губы Валя. Судя по расположению кровати, она считала себя привилегированной особой, так как работала в молодости какой-то начальницей, а в последнее время стала постоянной прихожанкой местной церкви и пела в хоре.

– Здес все суседи! – парировала Яха.

К разговору подключились другие женщины, и спор мог затянуться, если бы Руслан не закончил его: «Ну, девушки, закрыли тему!» Он всегда называл всех женщин девушками.

– Как дела с водой, девушки? Капает еще?

– Ой, с водой началась проблема, Руслан, – выступила на шаг вперед Зура, – с утра перестала, она же самотеком поступала к нам по трубе. Сегодня мы принесли воду из пожарного водоема.

– Из пожарного?

– Да, это во дворе детсада! Оказывается, люди давно оттуда носят!

– Да, это новая проблема! Ни в коем случае не пейте ее не кипяченной. Чистая вода есть около Сунжи, через которую проходит большая водопроводная труба. Прямо около берега, где стоит пешеходный мостик, она пробита осколком и оттуда прямо хлещет вода. Но туда мало кто рискует подходить. На том берегу стоят федералы и обстреливают ее. Вчера, видимо, забавы ради, прострелили ведро мальчишки, который, набрав там воду, собирался уходить. Завтра мы выберем людей и пойдем на переговоры к командиру, чтобы позволили людям ходить за водой.

– Дядя Руслан, меня тоже возьмите туда завтра, – подошел к нему сын Полины Максим.

– Вот, нашелся переговорщик! Сиди уж на месте! – замахала руками Полина.

– А что? Возьмем! Только вместе с мамой! – повернулся Руслан к Полине.

– Ты же пойдешь, Полина?

– Я-то, конечно, пойду, но он...

– Ничего, может оно и лучше будет, чтобы федералы знали, что здесь в подвалах находятся разные люди, в том числе и дети.

– Правильно, – одобрил сам Максим, – и потом, мне же проще будет ходить за водой, они меня уже будут узнавать. Только я уже не ребенок, дядя Руслан!

– Нет, конечно! Это я так, к слову, сказал, извини, дорогой, – серьезно ответил тот.

...Максим перед войной окончил среднюю школу вместе с сыном Зуры Асламбеком хотел поступить в Чеченский госуниверситет, но война нарушила все планы и все перевернула. Когда над Грозным в очередной раз нависли тучи и люди поняли, что война неизбежна, те, кому было куда уезжать, спешно начали покидать город. Зура, можно сказать, насильно отправила Асламбека с выезжающими ребятами за границу, а Максима друзья забрали в Урус-Мартан. Через неделю он не выдержал и, прорываясь сквозь блокпосты федералов и территорию, контролируемую боевиками, с большим трудом добрался до матери, которая отказалась ехать с ними в село, хотя ребята очень уговаривали ее...

...Не откладывая на завтра, тут же решили, что на переговоры пойдут Руслан, Ибрагим и Полина с Максимом. Потом обсудили вопрос, у кого что осталось в квартирах из продуктов. Самая большая проблема была с хлебом,

его катастрофически не хватало. Почти все, у кого еще уцелели квартиры, уже принесли скудные запасы муки, чтобы сделать из нее лепешки. С остальными продуктами проблем не было, люди потихоньку приносили все, что у них осталось.

– Ой, совсем забыла, – Полина, поковырявшись в кошелке, достала две большие лепешки и положила их на стол.

– Откуда это, Полина? – удивленно воскликнул Руслан.

– Это дали мне боевики! Помнишь, приходили к нам за солью двое, Ваха и Муса? Так вот, в подвале девятиэтажки они, оказывается, пекут хлеб для своих, а Ваха серьезно ранен, и я ходила делать ему перевязку. К ним подвезли муку и они обещали с завтрашнего дня давать нам по четыре лепешки.

– Вот это здорово, большое им спасибо!

– Пусть зачтется им это на этом и на том свете!

– Да убережет их Аллах!

– Спасибо и тебе, Полина! Что бы мы все без тебя делали? – раздалось со всех сторон.

– Я выполняю только свой долг, человеческий и врачебный, не стоит меня благодарить, – скромно ответила Полина, – ну, подходите за супом, мое дежурство сегодня еще не закончилось.

– Ну, давайте, подпольщики, кушайте! Приятного аппетита! Не волнуйтесь! Живы будем – не помрем! У нас еще много дел впереди – Валю надо выдать замуж, дядю Ибрагима надо поженить! – закончил обычными шутками Руслан.

– А я пойду, попозже еще загляну!

– С женитьбой-то как-нибудь разберемся, Руслан, но ты сам покушал бы! И потом, не ходил бы ты ночевать в квартиру, это очень опасно, видишь, что творится каждую ночь! Я очень беспокоюсь за тебя. Вот у меня нары широкие и длинные, спокойно уместимся вдвоем, приходи ночевать сюда! – почти с мольбой обратился к нему Ибрагим.

– Правда, Руслан, не ходи! Спускайся к нам! Мы все беспокоимся! – заговорили со всех сторон.

– Разве ты не видишь, что сделали с моей квартирой и соседними? – присоединилась к просьбам Полина.

– Спасибо, Ибрагим! Спасибо всем! Я знаю, что вы беспокоитесь. Но, во-первых, я сыт, перекусил с одним товарищем, во-вторых, у меня квартира же бронированная! – опять отшутился Руслан. – И потом, с одного быка две шкуры не дерут, больше, наверное, не будут бомбить наш дом!..

...Словно опровергая сказанное Русланом и заглушая его слова, по улице пронесся сильный шипящий свист и потом грохнуло так, что вздрогнули все присутствующие и задрожали маленькие стекла вентиляционного окошка и труба от буржуйки. Послышался звон разбитых стекол...

– Вот видишь, что делается, – привстал Ибрагим, – подожди хоть немного, пока не закончится артобстрел.

– Это они до утра будут забавляться, пока спать не захотят! Ничего, я научился уже перебегать улицу между разрывами! Ну, все! Дожить всем до утра! – словно приказ отдал Руслан и исчез в проеме двери.

«Дожить до утра!» – это были постоянные слова Руслана, вместо «До свидания!»

Странно устроен человек. Ко всему он привыкает – к холоду, голоду, неудобствам, к людям, с которыми вольно или невольно встречается. И тянется к ним всей душой, движимый каким-то непостижимым чувством, особенно когда знает, что они нуждаются в нем, молчаливо ждут от него хоть какой-то помощи. Вот и Руслан не может уйти, оставить этих людей, почти беспомощных, хотя переехал в этот дом из России совсем недавно и со многими из них не был даже знаком. Познакомило, как он говорит, в «подполье». За ним уже дважды приезжали родственники, чтобы забрать его, но он отказался. И не стадный инстинкт движет такими людьми, а что-то высокое и чистое!

После ухода Руслана на мгновение в подвале стало тихо. Люди привыкли к нему, с ним как-то спокойней. Его оптимизм невольно передается всем, и люди начинают верить, что все будет хорошо, что весь этот кошмар когда-нибудь закончится, что каждый вернется в свое жилье, будет свет, газ, тепло, мягкая постель, нужная пища. И тишина. Тишина! Как много смысла, оказывается, заложено в это слово! Многие отдали бы эти люди за одну тишину, даже, наверное, последнюю пищу. Чтобы не слышать рокота проскакивающих танков, гула летящего самолета, заставляющего замереть и ждать, куда упадет бомба, зловещего шипящего свиста снаряда, оглушительных хлопков гранатометов, бесконечной трескотни автоматных и пулеметных очередей. Всего этого вдоволь наслушались наши «подпольщики» и каждому, не без основания, кажется, что каждый снаряд, каждый взрыв проходит именно через его бедное сердце, подтачивая его изнутри и обрывая тонкие ниточки нервов. И в то же время каждый знает, как тяжело было бы переносить все это одному. Ведь они делают каждый удар, каждый взрыв сразу на всех, как пищу, как воду, и от этого они легче переносятся, Хвала Всевышнему!..

В это время на улице раздался еще один, более мощный взрыв, совсем близко. Приоткрытая металлическая входная дверь с грохотом ударилась об косяк и снова открылась, открывая взору яркую вспышку от взрыва. Послышались звуки падающих на крышу дома осколков и каких-то предметов.

– Я, Аллах! Къинхетам белах!** – воздел руки кверху Ибрагим.

– Господи, спаси и помилуй! – запричитала Валя тонким, писклявым голосом, непроизвольно натягивая, зачем-то, на себя одеяло, как будто хотела защититься им. Полина резко опустила в кастрюлю поварешку, с которой стояла. Зура не села, шлепнулась на ближайшую чью-то кровать. Яха, закрыв уши обеими руками, прижалась к углу. Еще несколько взрывов прогремели, судя по звуку, немного дальше. Все застыли в ожидании. Так бывает всегда. К далеким, хотя и мощным взрывам они понемногу привыкли и продолжают разговаривать, ходить, что-то делать, не обращая на них внимания. Когда же они рвутся рядом, почти на виду у всех, когда видят, что они творят, когда не знают, куда упадет следующий снаряд или «глубинная» бомба, как, например, та, что разделила пополам сорок пятый дом, люди цепенеют. Только слышатся горячие молитвы на чеченском, русском, украинском, казахском языках и громкий плач детей.

Прошло некоторое время. Никто не сдвинулся с места.

Первым, словно устыдившись своей минутной слабости, вышел из оцепенения Ибрагим.

Он встал со своего места, подошел к плачущим детям, погладил по головке младшую девочку и стал успокаивать: «Не плачьте, не плачьте, детки, нельзя плакать! Ничего не будет, Инша Аллах!*** Видите, никто не плачет. Это же не в нас стреляют! Сейчас будем кушать. Полина, давай, наливавай суп, все в руках Аллаха!»

– Подходите, детки, несите свои тарелки, чашки, – оживилась Полина, помешивая поварешкой суп. Дети перестали плакать, нерешительно подошли к буржуйке и, разглядывая налитый суп, мелкими шажками направились в дальний угол, где сидела их мать. Полина, сосчитав присутствующих, включая и детей, разделила две большие лепешки и раздала их всем. Люди понемногу начали подходить к печке и, забрав свою порцию супа, рассаживаться в разных местах, опасливо поглядывая в сторону двери. Многие, даже после того, как расселись, подолгу не приступали к еде. Страх сковывал и движения, и сознание, не отпускал из своих объятий. Некоторые даже не подошли за супом, хотя и были голодны. Потом Полина, Зура и Яха собрали тарелки и миски у больных и раненых, разлили в них суп и разнесли им по местам. Зура отнесла суп также Ибрагиму.

– Баркалла, Дела реза хулийла хьуна!***** – Ибрагим поставил чашку на маленький столик и жестом пригласил нескольких мужчин за стол. – Давайте все кушать! Не будем малодушными! Не такое еще видали!

III

Прошло несколько дней, таких же тревожных, как и предыдущие. Каждый день люди ждали каких-то новостей. Прошли слухи о том, что приезжает большая комиссия из ООН, между воюющими сторонами идут переговоры, на днях прекратятся боевые действия, а для желающих выехать открыт «коридор» в сторону Ингушетии. Однако, буквально на следующий день, с быстротой молнии поступила новость о том, что большую группу беженцев, пытавшихся выйти из Чечни в сторону Ингушетии, обстреляли ракетами с вертолетов, есть убитые и раненые. Надежда умерла в очередной раз. А артобстрелы не стихали ни днем, ни ночью. Несмотря на это, боевики по ночам предпринимали вылазки в сторону расположения российских войск и часто заглядывали в подвалы. Общение это носило сугубо мирный характер: делились новостями, обменивались продуктами. Боевики часто помогали «подпольщикам» по необходимости перебежать из подвала в квартиры и обратно, прикрывая их огнем, а иногда забирали и привозили обратно Полину, помощь больным или раненым. Это были вполне адекватные, простые ребята, по зову сердца вставшие на защиту своей земли, или волею судьбы, или злого рока втянутые в эту чудовищную бойню, которой нет названия, кроме надуманной, аморфной формулировки «контртеррористическая операция». Но, как ни называй ее, а шла настоящая война и, как не парадоксально это ни звучало бы, шла война России против России. Одной России – в масках, другой – без них! А эти ребята – такие же бедолаги, как и те, что обитали в подвалах, только с оружием в руках и ежечасно, ежеминутно рискующие жизнями и готовые умереть.

Но однажды ночью в подвал явились те, которые «наверху». Руслан как раз проходил своеобразную «вечернюю поверку», когда, резко отворив дверь, по лестнице спустились трое в пятнистой форме, бородатые, обвешанные оружием. Впереди шел смуглый мужчина с длинной черной бородой и коротко постриженными усами, крепкого телосложения, с большим «Стечкиным» на боку, далеко не изможденный непосильным трудом, недоеданием или недосыпанием. Его новенькая униформа, казалось, была одета только что, для участия в параде или строевом смотре. Двое других, бородатые и без усов, были одеты так же. В руках у одного был автомат, у другого – тяжелый ручной пулемет, называемый в народе «Красавчик».

– Кто здесь Максим? – оглядывая удивленных обитателей подземелья и не здороваясь, спросил обладатель «Стечкина». И прежде чем Максим успел ответить, вперед выступил Руслан.

– Накьост,***** ты чеченец? – спросил он непрошеного гостя.

– Да, я чеченец, а ты кто? – злобно посмотрел на него вошедший.

– Я тоже чеченец, но, в отличие от тебя, меня с детства учили вежливости и такту, например тому, что с людьми надо здороваться! Или, по-твоему, здесь не люди?

– Вы посмотрите! Куда я попал? – обернулся бородач к своим спутникам.

– Кажется меня здесь собираются учить правилам хорошего тона!

– Тебе бы это не помешало! – смело посмотрел ему в глаза Руслан.

– Накьост, что за разговор ты ведешь? Нам некогда с тобой здесь дискуссию устраивать, – выступил на шаг вперед один из спутников вошедшего, поправляя автомат на груди.

– Ты знаешь, с кем разговариваешь? Это бригадный генерал! – встал рядом с ним второй.

– Да кто бы он ни был! Если ты чеченец, да еще мужчина, ты должен соблюдать обычаи своих предков!

– Чеченец? Мужчина? Это ты хорошо сказал! – жестом остановил своих спутников генерал. – А что ты тут делаешь, здоровый лоб, среди этих стариков, женщин и детей? Если ты чеченец и еще мужчина, почему не воюешь?

– Я бы объяснил тебе, почему я не воюю, да не считаю нужным, скажи лучше, что вам здесь нужно?

– Ладно, с тобой мы еще разберемся! Я задал вопрос: «Кто здесь Максим?» Мне на него не ответили.

– Это я, – встал со своего места Максим.

– Пойдем с нами, – поманил пальцем бригадный генерал, – почему молчишь?

– Куда? Среди ночи? – испуганно вскрикнула Полина, вскакивая со стула. – Ребята, да скажите же, в чем дело? Зачем он вам понадобился? – миролюбиво подошла она к ночным пришельцам.

– У нас есть сведения, что он шпионит, часто бывает у русских на том берегу и сообщает о расположении наших боевых групп, а потом нас бомбят!

– Какие сведения? Какой шпион? Он же мальчишка! Что ты несешь? – взорвался Руслан.

– Боже мой! – схватилась за голову Полина. – Что вы такое говорите, ребята?

– Я только один раз был на том берегу, с делегацией, – оправдывался Максим.

– Он за водой же ходит на наш берег! – вступилась испуганная Зура.

– Ничего, там разберемся, пойдем! – двинулся к мальчику тот, который с автоматом.

– Никуда он не пойдет! – встал перед ним Руслан. – Пока я жив, вы пальцем здесь никого не тронете!

– Тогда пойдешь ты, защитник! Наверное, всю жизнь русским прислуживал, – подошел к нему вплотную старший, – а может, ты и есть тот доносчик? С такими у нас разговор короткий!

Его спутник передернул затвор автомата. Вскрикнули, заплакали, завизжали женщины...

– Стойте! – неожиданно властным голосом воскликнул Ибрагим, быстрым шагом подошел и встал между ними. – Ради Аллаха, уймись, не наделайте беды! Разве вам не достаточно того, что делают с нами бомбы и снаряды? – оттолкнул он рукой автоматчика.

– Как тебя зовут? – спросил старшего, которого назвали генералом.

– Меня зовут Алхаз.

– Алхаз, какой-то мерзавец вам сказал неправду. Клянусь Аллахом, этот мальчик ничего подобного не делал и не сделает. Он вырос на моих глазах. Все его друзья – чеченцы. Вот эта женщина, Полина, его мать – врач. Без нее мы все здесь пропали бы!

При имени «Полина» второй спутник Алхаза, тот, который с пулеметом, подошел и что-то нашептал ему на ухо. «Бригадный» удивленно посмотрел на своих спутников и что-то сказал в ответ. Затем, обращаясь к Ибрагиму, сказал: «Хорошо, ваша, мы поверим твоему слову, но мы не сомневаемся, что кто-то доносит эти сведения. Лучше бы вы назвали его сами!»

– И за это я могу ручаться тебе, Алхаз – нет среди нас такого человека! Да и как это придет в голову несчастным людям, спасающим свои жизни?

– Ладно, ладно, разберемся, не сомневайтесь! А ты – мужчина среди женщин и детей, – презрительно посмотрел он на Руслана, направляясь к выходу – шел бы лучше воевать, чем здесь петушиться и русским прислуживать!

– Что-то и вы не сильно похожи на воюющих, слишком чистенькие и сытые! Воюют обманутые вами мальчишки, а вы – и русские, и вы – становитесь генералами, прячься за их спинами, да и за нашими. Клянусь, ты бы так не разговаривал со мной, если бы был без оружия!

– Руслан, пожалуйста, перестань, – снова бросился к нему Ибрагим, видя

как все трое, собравшиеся было уходить, обернулись назад. – И вы, Алхаз, ради Аллаха, идите своей дорогой, не испытывайте друг другу нервы и не пугайте детей и женщин, они и так напуганные!

– Ладно, ваша, сегодня мы послушаемся тебя, но мы еще встретимся, с оружием или без оружия, – кивнув в сторону Руслана, быстрым шагом направился к выходу «бригадный». Его спутники последовали за ним, бросая недобрые взгляды на человека, посмеявшегося оказать им сопротивление и откровенно высказавшего свое мнение о них. И это – человек без оружия в руках! Видимо, они не привыкли к этому.

После их ухода в подвале на какое-то время воцарилась тишина, как после очередной бомбежки или артобстрела. Люди не могли прийти в себя после неожиданного визита непрошенных гостей. Первым нарушил молчание Руслан.

– Ну, что притихли, «подпольщики»? Видите, как все оборачивается? Оказывается, мы же и виноваты, что нас загнали в эти подвалы, что они там чего-то не могут поделить! Нашел шпиона, идиот!

Затем он повернулся к Полине:

– Полина, Максима надо, все-таки, отправить к родственникам. Молодым без оружия здесь не место, они раздражают воюющих и с той стороны, и с этой. Они не понимают этого.

– Ой, сколько я его упрашиваю! Забрали его друзья в Урус-Мартан, так оттуда сбежал обратно сюда! Уезжали соседи, просила с ними уехать – не поехал. Но сейчас я поняла – надо срочно что-то делать, иначе не миновать беды!

– Мама, без тебя я никуда не поеду, – тихо, но твердо заявил Максим.

– Максим, сыночек, пойми, я не могу сейчас уехать! Здесь столько больных и раненых, что они без меня будут делать? Как врач, я не имею права бросать их на произвол судьбы! Я поеду с тобой до границы и вернусь, а как только здесь больным станет полегче, я приеду, обещаю тебе! А пока – поживешь у тети.

– Мы вместе проводим его до границы, – обещал Руслан.

Максим хотел еще что-то сказать, но тут в разговор вступил Ибрагим:

– Максим, надо сделать так, как хочет мама, сейчас не время спорить! Тебе, Руслан, тоже надо уехать, теперь они не оставят тебя в покое!

– Ничего они со мной не сделают, я тоже найду автомат, это не проблема, тогда посмотрим, как они заговорят!

– Я тебя умоляю, не спорь с ними, лучше обходи их стороной!

– Разве я искал встречи с ними, Ибрагим? Они же сами пришли, да еще с такими претензиями!

– Я понимаю, но все же остерегайся их. Идет война, люди нервные, убить человека им ничего не стоит, послушайся меня, не ходи туда, в квартиру, они наверное знают, что ты там один. Они выследят тебя!

– Ибрагим, пожалуйста, не проси меня об этом! Я тебя уважаю и готов выполнить любую твою просьбу, но если я, поддавшись их угрозам, смалодушничая, то перестану себя уважать. «Не будем малодушными!» Разве это не твои слова? А как говорили наши отцы и деды? «Один раз родился – один раз умрешь!» Но не больше! Так лучше уж прожить достойно и умереть, если надо, не стыдясь самого себя.

– Ты убедительно говоришь, и я не сомневаюсь, что искренне, но меня ты не убедил. Как старший, я запрещаю тебе возвращаться туда! Останься, хотя бы сегодня!

Руслан растерянно посмотрел по сторонам, как бы ища поддержки у окружающих, и на его лице явственно отразилась внутренняя борьба между гордостью и обычаем предков, обязывающим уважать старших. Однако поддержки со стороны он не получил, напротив, все дружно бросились его уговаривать остаться.

– Хорошо, буду вашим гостем сегодня, только окажите достойный прием!
– беспечно произнес он и уселся рядом с Ибрагимом. Все облегченно вздохнули...

...Утро следующего дня началось необычно. Многие еще спали, когда в дверь, крепко закрытую после вчерашних визитеров, негромко постучали. Максим, оказавшийся рядом, с большим трудом открыл дверь, выдвинув лом, служащий засовом.

– Вот он, беглец несчастный! – На пороге стояли двое юношей, указывая пальцем на Максима.

– Умар! Саид! – бросился обнимать их Максим. – Вы как сюда попали?

– Как мы попали? Ты лучше объясни, как ты сбежал! – схватив за шиворот, начал «допрашивать» Максима Умар.

– Ой, ребята, откуда вы, как вам удалось прорваться? – подошли и начали обнимать юношей Полина и Зура.

– Здравствуйте, тетя Полина! Вы его не побили? Сбежал наглým образом, мы так беспокоились! – одновременно заговорили оба.

– Нет, не побила, – засмеялась Полина, – и как побьешь, если приехал к маме?

– Ох, маленький сыночек! – Умар потрепал Максима за волосы.

– Тетя Зура, есть какие-нибудь вести от Асламбека? – подошел к ней поближе Саид. – Где он, как он?

– Да, Саид, прислал весточку ваш друг. Он в Австрии. Устроился нормально, но скучает, беспокоится за меня. Говорит, как только закончится война, приедет за мной. Спрашивал обо всех вас, привет передавал.

– Спасибо, тетя Зура! Как хорошо, что он нормально добрался и устроился. Я возьму у вас его адрес и мы свяжемся.

– Хорошо Саид, я найду сейчас его адрес.

Тут к разговору подключились подошедший Руслан и несколько женщин и мужчин, которых интересовала ситуация на дорогах.

– Так коридор же объявили вчера на три дня, – объяснил Саид, – мы свободно приехали на машине, правда, трасса забита выезжающими. А вы не знали? Так вот мы привезли вам источник информации, – достал он из сумки маленький транзисторный радиоприемник, – и еще кое-что из продуктов передали старики, – выложил на столик несколько булок хлеба, круг сыра и банку со сметаной.

– Ой, спасибо вам, дорогие, – обняла их сразу обоих Полина, – вы настоящие друзья! Давно мы такого не ели!

На импровизированном совещании было решено: Максима отвезут ребята без Полины и Руслана, чтобы не возвращаться обратно в город, потому что ситуация на дорогах меняется мгновенно и нет никакого доверия этим «коридорам». Максим долго сопротивлялся, не хотел уезжать, но вынужден был покориться под напором доводов всех участников разговора, в том числе и Ибрагима.

– Тетя Полина, не волнуйтесь за Максима, – успокаивал Умар. Он был на год старше Максима и Саида и решающее слово брал на себя. – Мы отвезем его не до границы, а во Владикавказ, а оттуда много поездов в сторону Ростова. Только сегодня переночуем у нас в Урус-Мартане, а завтра рано утром поедем, а то возвращаться нам ночью нельзя – комендантский час.

Это решение было встречено с одобрением. Полина спешно начала собирать Максима в дорогу, стараясь быть как можно спокойней, и только слегка дрожащие руки выдавали ее волнение... Максим, также пытаясь скрыть волнение, то суетился около нее, то невпопад заговаривал с ребятами о всяких пустяках. Наконец, сборы были закончены и ребята, попрощавшись со всеми, направились к выходу.

– Я провожу вас до машины, – пошла за ними Полина и, предвидя возражение Максима, стала успокаивать его, – не бойся, не заплачу!

– Я тоже пойду с тобой, – взяла ее под руку Зура.

Они вышли на улицу, подошли к стоящей прямо перед подъездом машине, быстро уложили вещи. Максим крепко обнял Полину: «Береги себя, мама!» – только и смог сказать. «Не волнуйся, сынок! Счастливой тебе дороги!» – также коротко ответила мать... И только когда машина скрылась за поворотом, Полина, рыдая, прислонила голову на плечо Зуры...

– Все будет хорошо!.. Все будет хорошо! – повторяла Зура, одной рукой утирая слезы, другой поглаживая Полину по спине...

...Еще не веря в зыбкое затишье, в подвале обсудили насущные вопросы: нехватка лекарств больным и раненым, обеспечение дровами, водой. Дали кое-кому поручения, некоторые сами вызвались заняться отдельными вопросами.

– Ну, товарищи подпольщики, я пойду, – быстро двинулся к выходу Руслан. – У меня тоже сегодня есть одно дело. «Дожить всем до вечера! – и в дверях добавил: – И до утра!»

– Руслан! – окликнул его Ибрагим. Тот оглянулся. – Нет, ничего, иди!..

Улыбнувшись, он взмахнул рукой и ушел, прикрыв за собой дверь...

...Целый день его никто не видел. Не появился он в подвале и вечером. Такое было за все это время всего несколько раз, да и то он каждый раз предупреждал об этом. Все обитатели подвала ждали, что вот-вот он появится на пороге со своими обычными шутками и неизменным: «Ну что, подпольщики!» Спорили, обсуждая слова, сказанные им перед уходом. Особенно волновался Ибрагим. Смутная тревога не давала покоя. Обычно спокойный и уравновешанный, он не находил себе места, то ложился на нары, пытаясь уснуть, то снова вставал и начинал ходить по подвалу между кроватями и нарами. Несколько раз он порывался пойти и удостовериться дома ли Руслан и все ли в порядке, но его отговаривали товарищи – ночью снайперы, снабженные приборами ночного видения, стреляли по всему, что движется. Трудно сказать, заснул ли он в ту ночь, но с рассветом, совершив утренний намаз, быстро начал одеваться.

– Ибрагим, подожди, я пойду с тобой, – встал также его сосед по нарам Асхаб. Ибрагим начал возражать, но тот был непреклонен: – Что ты говоришь, одного я тебя не отпущу, ты же даже не знаешь, в какой квартире он живет, а я знаю!

Это убедило Ибрагима...

В подъезде, с заколоченными фанерой окнами, еще было темно, когда они поднялись на третий этаж и постучали в дверь квартиры Руслана. Никто не ответил и не открыл. Постояв немного, они постучали более настойчиво и громко. Не дождавшись ответа и на этот раз, Ибрагим произвольно взялся за ручку и потянул на себя. Дверь свободно открылась. Удивленные, они вошли в комнату и увидели страшную картину. По всей комнате валялись вещи, перевернутые стол и стулья, разбросанные кругом стреляные гильзы, а посреди комнаты в луже крови, лицом вниз лежал Руслан. Его руки были вытянуты вперед, как в броске, а правая рука сжимала автомат. Ибрагим подошел и, со слабой надеждой, пощупал пульс. Он был мертв. Осмотревшись кругом, попытались представить себе картину произошедшего. Везде были следы борьбы. Рожок автомата, который сжимал в руке Руслан, был пуст. Входная дверь, которую они хорошо не разглядели в полумраке лестничной площадки, была изрешечена пулями и от нее на улицу шел кровавый след. Они осторожно перевернули Руслана на спину, нашли немного воды, смыли с лица кровь, перенесли на кровать и уложили, повернув лицом на юг. Подняв ладони на уровне груди, Ибрагим начал читать дуа.***** Судя по тому, как часто кадык на его шее двигался вверх и вниз, было видно, что он с трудом сдерживает рыдания, а непослушные слезы, скатываясь по бороде, капали в его открытые ладони. И, кажется, он их не стыдился. Закончив молитву, Ибрагим сел у изголовья Руслана, опустил голову и, с горечью, тихо произнес: «За что, за что? Чеченец – чеченца!..»

...Услышав о трагедии, прибежали боевики из подвала девятиэтажки. Выразив соболезнование Ибрагиму и Асхабу, Муса спросил: «Дядя Ибрагим, а вы не знаете, как звали тех, кто приходил вчера к вам в подвал?»

– Старшего звали Алхаз, – нехотя произнес Ибрагим.

– Да, это – из тех, ваххабитов, – боевики переглянулись и потупили взгляды, как будто сами были виноваты в произошедшем.

...К полудню приехали родственники Руслана и забрали его тело в родное село, а в подвалах оплакивало его все «подполье». «Дожить до утра!» – так и остались на слуху у всех его слова. Сам не дожил...

IV

Недели через две, в первых числах марта, бомбежки и артобстрелы в Грозном прекратились, слышны были только отдельные автоматные очереди и одиночные выстрелы. Прошел слух, что боевики полностью вышли из города. На следующий день в подъездах домов начали появляться небольшие группы по пять-шесть человек, совсем еще молодых и чумазных «лиц славянской внешности», сменившие «лиц кавказской национальности», как пишут в средствах массовой информации. Они бродили по разбитым и сгоревшим квартирам с автоматами наперевес, осматривали все углы, переворачивали зачем-то остатки мебели, взламывали двери уцелевших квартир, если не объявлялись хозяева, опрашивали тех, кто был дома. Узнав, что в подвале дома живут люди, одна группа спустилась вниз, сопровождаемая одним из жильцов. Нельзя сказать, что встречи эти носили теплый характер. Люди, уставшие от подвальной жизни и разных визитеров, сейчас встречали всех холодно и напряженно. Правда, увидев эти чумазные и совсем еще юные лица, обитатели «подполья» как-то оттаяли. Разговорившись, выяснили, что это солдаты срочной службы, и даже начали угощать их чаем и вареньем...

– А про вас такие страсти рассказывали! – добродушно заметила Полина, когда пришельцы собрались уходить.

– Не обольщайтесь, тетя! Всякое можете еще увидеть, когда придут контрактники! – усмехнулся один из них, который был, кажется, чуть постарше...

Через день появились другие. Грубые, самоуверенные и пьяные. Эти действовали деловито и масштабно, подгоняя тентованные «Камазы» прямо к подъездам и опустошая «бесхозные» квартиры, предварительно обстреляв их из автоматов. Видимо, увозили «арсеналы оружия». После окончания «операции» в ход шли огнеметы. Те, кто чином поменьше, довольствовались легкой добычей...

Не замедлили также явиться в подвал. Поздоровавшись, высокого роста, упитанный мужчина в полевой военной форме в звании майора, возглавлявший группу из пяти человек, внимательно огляделся вокруг. «Вас так много, – с удивлением заметил он, – почему не уехали, когда объявляли, чтобы гражданское население покинуло город?»

– Уехали те, кому было куда уезжать и у кого был транспорт и деньги, – после короткой паузы ответил Ибрагим, на которого после гибели Руслана возложили роль старшего.

– А вы знаете, что было с теми, кто выезжал? – задал вопрос кто-то из глубины подвала, на который, впрочем, никто не собирался ответить.

– А кто здесь Полина? – вновь окинул старший пытливым взглядом весь подвал.

– Ну, начинается! – проворчал тот же голос, который задавал вопрос.

– Я Полина, – она встала со своего места.

Высокий вплотную подошел к Полине, обдавая ее сильным перегаром.

– Так это вы здесь – Мать Тереза? – окинул он Полину строгим взглядом с головы до ног.

- Что вы имеете в виду? – Полина немного отстранилась от него.
- А то, что вы здесь устроили лазарет для бандитов!
- Мой лазарет – вот он, перед вами, здесь есть и раненые, и больные разных национальностей.
- Не делай вида, что не понимаешь! – грубо оборвал он ее. – Боевиков кто лечил?
- Молодой человек, вы когда-нибудь слышали про клятву Гиппократа?
- Я знаю одну клятву – присягу на верность Родине, а кто изменяет ей – мой враг! А кто помогает моему врагу – тоже мой враг!
- Клятва Гиппократа – это тоже присяга на верность врачебному долгу. Я лечила больных и буду это делать, пока жива! Это моя обязанность, как врача, а кто против кого воюет – для меня не важно!
- Зато для меня важно! И я разберусь, какому долгу ты служишь! Пойдешь со мной, когда мы здесь закончим!
- Послушайте! – встал и подошел к ним Ибрагим. – Как вы все надоели! Одни пришли сына забирать, вы пришли – мать хотите забрать. Что вы пристали к этой семье? Она – врач и хороший человек. Видите, сколько здесь больных! Что бы мы все делали без нее? Никуда мы ее не отдадим!
- А тебя, старый, кто спрашивать будет? – ошетинился военный, подойдя к нему вплотную и дохнув на него перегаром. – Если надо, и тебя заберем!
- Не дадим никого забрать!
- Что, делать вам нечего?
- С женщинами и детьми воюете!
- Воюйте вон там, наверху, оставьте нас в покое! – раздалось со всех сторон. Все, кроме лежачих больных, как по команде, встали со своих мест и начали подходить к Полине и военным.
- Назад! – закричал обеспокоенный старший. – Что, бунтовать? С такими мы быстро разберемся! А ну-ка, встали все вдоль стены! Быстро! И приготовить документы!
- Никто не спешил выполнять его команду, было видно, что настроены они решительно.
- Отойдите к стене, у них хватит ума и стрельбу здесь открыть, детей перепугать, – спокойно попросил Ибрагим. Люди, не спеша, начали отходить, нехотя доставать паспорта. Майор начал обходить стоящих вдоль стены людей, останавливаясь перед каждым, рассматривая паспорта и пытливо всматриваясь в лица, словно пытаясь узнать кого-то или разглядеть что-то, известное только ему. В самом конце подвала он остановился перед черноглазым юношей с черными, как смоль, кучерявыми волосами.
- Паспорт, – протянул он к нему руку.
- У меня нет паспорта, – спокойно ответил юноша.
- Как нет? Сколько тебе лет?
- Пятнадцать.
- Паспорта в России выдают в четырнадцать! Или ты в Америке живешь? Фамилия, имя!
- Товарищ офицер! Это мой сын, Исмаилов Заур, – вступилась за него стоящая рядом Малика, – ему только перед самой войной исполнилось четырнадцать, мы не успели получить паспорт, а сейчас, сами знаете, где его получишь?
- Откуда мне известно, что это твой сын? Что, у тебя на лбу написано? Может он боевик!
- Это ее сын!
- Какой он боевик, ребенок! – раздалось со всех сторон.
- Видали мы уже такого ребенка, – начал, было, майор, но тут он обратил внимание на стоящую позади дочь Малики Розу, – а ты чего спряталась, красавица? С этими словами он взял за подбородок и приподнял ее опущенную голову. И тут случилось неожиданное. Заур схватил протянутую к сестре руку майора и с размаху влепил ему звонкую пощечину. Малика вскрикнула, как

будто удар пришелся по ее лицу. По подвалу пронесся глухой гул. Майор от неожиданности опешил, но быстро пришел в себя, схватился за кобуру, выхватил пистолет. – Ах, ты, гаденыш, я тебе сейчас покажу, как руку поднимать на боевого офицера!

Стоящие рядом двое сопровождающих передернули затворы автоматов. Малика раскинула руки, как птица, защищающая своих птенцов, пытаясь заслонить собой и сына, и дочь. С разных сторон раздались крики женщин.

– Товарищ офицер, товарищ офицер, не надо! Убейте лучше меня, – закричала она истошным голосом, перекрывая поднявшийся в подвале шум. Почти все обитатели подвала, особенно женщины, бросились к ним и встали между Маликой с детьми и военными, пытаясь как можно дальше оттеснить Заура, чтобы не произошло непоправимое. Прямо перед майором оказалась Полина.

– Товарищ майор, здесь не принято так обращаться с девушками, пожалуйста, успокойтесь и простите его, он же...

– Пошла вон!.. – грязно выругавшись, прервал ее взбешенный виновник поднявшегося шума. – Ты еще будешь учить меня, как себя вести! Отойдите все по своим местам и пусть мальчишка подойдет сюда!

– Послушайте, вы же русский офицер, – обратился к разъяренному военному Ибрагим, – как же вы можете так себя вести в присутствии женщин, стариков и детей?

– Прекратите болтовню! Чем меня воспитывать, лучше бы научили вести себя этого звереныша!..

– Товарищ майор, товарищ майор, разрешите обратиться, – запыхавшись, вбежал по лесенке еще один солдат в засаленной робе, – вас срочно вызывает первый!

– Что случилось? – сразу остыл майор.

– Не знаю, но очень сердит!

– Ладно, – он окинул взглядом весь подвал, – мы вернемся!

Майор быстро направился к выходу, за ним последовали и все его спутники. В подвале облегченно вздохнули, но все, конечно, понимали, что беда отступила временно. Город был полон слухов о внесудебных расправах над мирными жителями без всяких причин. А тут – такое... Нужно было срочно, любым путем, отправить всех троих куда-нибудь подальше от подвала, на первый случай, хотя бы в чью-нибудь квартиру.

– Я отведу вас в свою квартиру, – решил Ибрагим, – она более-менее уцелела, нужно только затянуть окна пленкой, а пленка у меня есть. А дальше – посмотрим по обстоятельствам...

Майор со своей группой, действительно, вернулся на следующий день еще более обозленный, долго ругался, когда ему сообщили, что вся семья Малики уехала в неизвестном направлении. Не поверив сказанному, тщетно обследовал весь подвал, разбрасывая сложенный в дальнем углу скарб обитателей и даже заглядывая под кровати. Не найдя никого, продолжая ругаться и угрожая всем, удалился восвояси вместе со своими спутниками. Люди в очередной раз облегченно вздохнули, обрадованные, что хотя бы Полину оставили в покое. Однако угрозы озлобленного майора оказались не беспочвенными. Через несколько дней на берегу Сунжи выросло еще несколько холмиков...

...Жизнь в подвале начала несколько меняться. После того, как в городе прекратились бомбежки и артобстрелы, те из «подпольщиков», у которых квартиры не были разрушены полностью, потихоньку начали возвращаться в свои жилища и обживать их заново, собирая остатки вещей. Часть людей разъехались по родственникам, другие – на съемные квартиры, а многие, в том числе и Полина, не имеющие ни той, ни другой возможности, еще долго оставались здесь...

V

...С тихим шелестом падали на землю желтые листья с белых тополей, раскинувших свои могучие ветви над Сунжей, щедро питающей их корни. Кружась и опускаясь по замысловатой траектории, одни ложились на головы и под ноги двух женщин, задумчиво сидевших под деревьями на лавочке, другие падали в реку, обычно бурную и своенравную, но сейчас по-осеннему спокойную и тихую. И Сунжа, за сотни лет повидавшая на своих берегах и бури революций, и пожары жестоких войн, и горечь человеческих страданий, тихо уносила их вдаль, покачивая на своих волнах. И, кажется, что не было всего этого кошмара и не могло быть в этом вечном, благодатном мире, полном гармонии и красоты, подаренном человеку Создателем, и все это только плоды больного воображения...

Женщины долго сидели, молча наблюдая эту картину, убаюканные журчанием реки, и их мысли убегали далеко-далеко, вслед за желтыми листьями, которые уносила река. Они думали каждая о своем, и в то же время об одном и том же...

...Звонок мобильного телефона, который держала в руках Полина, как будто ожидая его, прервал раздумия двух женщин.

– Але, мам! Ты где? – послышалось в трубке.

– Я? Я дома... то есть... Максим, а ты откуда звонишь?

– Нет тебя дома, мама! Это я – дома, а тебя нет, – раздался смех.

– Сейчас, Максим, буду, сейчас, родной! – засветились радостью глаза Полины. – Представляешь, Зура, Максим приехал!

– Представляю, Полиночка, и слышу! Слава Аллаху, а то ты совсем, было, расклеилась. Я же тебе говорила, что приедет! Это мой Асламбек далеко, а что стоит Максиму приехать?

– И Асламбек приедет скоро, вот увидишь! Я тебе не говорила, но он, по секрету сказал об этом Максиму, когда недавно разговаривали по телефону.

– Если будет угоднo Аллаху! – задумчиво произнесла Зура.

Они двинулись назад той же дорогой вдоль Сунжи, которой пришли сюда, но теперь это была, кажется, совсем другая дорога. Полина шла впереди бодрым шагом. Ее сутулые плечи распрямились, как будто сбросили с себя непомерный груз прожитых лет и горечь накопленных обид, и Зура еле поспевала за ней...

Октябрь, 2013 г. Грозный.

---

* Ой, Боже мой, дядя! (чеч. язык)

** – О, Аллах! Будь милосерден!

*** – Даст Бог.

**** – Спасибо, Да будет доволен тобой Аллах!

***** – Товарищ!

***** – Молитва.

Шамсуддин Макалов**Кавказ**

Я листаю страницы беды,
Книгу жизни листаю свою,
Мой Кавказ, наши тропы круты,
Крутизну их и снежность пою.

Ты прости за разлуку, Кавказ,
Разлучен против воли своей,
Я вдали слыл бандитом не раз,
Труден путь был выюжных степей.

Боль я нес от Тянь-Шанской гряды,
До вершин твоих белых, Кавказ –
Нет на свете страшнее беды,
Чем разлука с тобой, хоть на час.

Много всякого рода чужих
Запрещало Кавказ мне любить:
– Ты умрешь на дорогах степных
– «злой чечен», тебе дома не жить!

– Позабудь свой высокий Шатой,
Позабудь свои башни в горах.
Ты на этой дороге чужой
Превратишься когда-нибудь в прах.

Как люблю я тебя, мой Кавказ,
Как хочу защитить от врагов!
Ты спасал меня в жизни не раз
Средь казахских буранных снегов.

Потому я сегодня в строю.
Я – твой сын, обещаю Судьбе:
Если надо – тебя отстою,
Если надо – погибну в борьбе.

Язык отцов

Язык отцов, я пред тобой в долгу –
Я часто грелся у огня чужого.
Но в сердце сына, верь мне, я не лгу,
Всегда жило тепло края родного.

В чужой земле я маму наной звал,
Родной язык, ты был моей судьбою –
В чужой земле тебя я воспевал –
Тиранам вопреки ты был со мною.

Ты мне открыл величие Кавказа,
И мудрость дедов, и судьбу отцов;
Я узнавал тебя, язык мой, сразу
По реву рек, по клекоту орлов.

По гордости, высокой и суровой,
По доброте, что ты в себе носил,
По солнечности флейты родниковой,
Чья нежность мне дала
так много сил.

На нем со мною нана говорила,
И я живу, язык родной храня –
В том языке такая власть и сила, –
Что научила мужеству меня!

Дай мне воспеть...

Перенести мне дай, Аллах,
На грубый холст красу Чечни –
Ее вершин и башен взлет...
И рек стремительный полет,
Дай мне на холст перенести!
Дай мне в стихах воспеть, Аллах,
Селений яркие огни,
И журавлей весенний лет,
И ледников могучий лед,
Высоких звезд огни!

Спеть песню о любви, Аллах,
Ты мне однажды дай,
И беспредельна песнь моя,
Как мой Даймохк, моя земля,
В ней все – и ад, и рай.
Мне спеть ее позволь Аллах:
Она жива во мне.
В ней лучезарна даже боль,
И слез сладка в ней злая соль –
Она живет во мне.

Мне сердце матери, Аллах,
Любовью дай согреть –
Чтобы оно не знало бед,
Ведь этим сердцем мир согрет,
Чтоб он не видел бед.
Тогда мне силы даст Аллах,
Чтоб смерть я встретить мог –
Не в страхе плачущим щенком,
А как невесту женихом
Чтоб смерть я встретить смог!

Пшавела Важа

Бух1анаш муха евлла дуьнен т1е

Дийцар

1

– Бераш стенгахь ду? – хаьттира Йотама, чохьха а ваьлла, ша йийна масар ладам боцуш пешан хьалха охьа а кхуссуш, цуьнан хьаьвзинчу ма1ашка лаьттан бут0 ц1енкье а охкуьйтуш.

Йотам самукьяне вацара: хьуьнах цунна т1еленира доккха догла, коьртера когашка кхаччалц верриге вашийнера иза, ткьа х1инца догланан т1адамаш цинцашца охьаохьура цунна т1ера. 1ад а, пхаьрчий чохь долу т1оьрмиг а цо д1аоьллира ц1ийнан тхевнна боьг1начу б1ог1амах д1атоьхначу сайн ма1ах. Т1аккха йогуш йолчу пешана т1е сихвелира иза. К1ур хьийзара Йотаман юьхь т1е.

Пешан хьалха а хиьна, зудчо шен хаттарна жоп даларе ладоьг1уш 1ара таллархо. Иза, шек а йоцуш, пешан хьалха 1уьллура, ц1оькьалоьмах тарьелла. Цуьнан 1аьржа-юькьачу месийн к1озарш, текхаргаш санна, лач кхозура белшашна а, к1айчу накхана а т1оьхула. Цуьнан юьхь0 г1ели диллинчу йоьзан бос беттара. Иза вакхош яра шен жима к1ант. К1ант, шина а куьйгаца некхах а тасавелла, иза ц1уббеш вара, балдаш а детташ. Ц1оькьалоьман к1орни нана-ц1оькьалоьман шура муьйлуш дара.

Нанна а, к1антана а там баьллера. Церан к1ел буьллу мотт охьатийсинчу екьачу бецашна т1етийсинчу масарийн, сайн, берзалойн ц1оканех лаьттара.

Иза Йотаман шолг1а зуда яра. Цунна иза талла вахханчохь кераеара. Хьуьнах шена иза ма-гиннехь, кхин ойла а ца еш, шен лаппаг1и чу ялийра: «Сан зуда а, дерригена т1ехь суна муьт1ахь а хир ю хь0», – аьлла. 1одан пхаьрчешца охьабехкира цо шайна т1аьхьа бевлла зудчун вежарий. Т1улг тоьхна корта бат1ийра ден, иза вукху дуьнен т1е д1ахьажжоза а вуьтуш.

Дийцина х1ун до цунах, Йотам майра стаг вара.

Майрачо динчу хаттарна жоп ца делира зудчо. Меттах а ца елира. Цуьнгахьа д1а а йирзина, шен ц1арах догу 1аьржа б1аьргаш цунна т1едуьйг1ира.

– Мичахьа ду сан бераш? Хь0ь0га хобьту аса! – юха а элира Йотама. Оцу к1оршамечу, парталчу стагана дукха дезара хьалхарчу зудчух долу шен бераш – й01 Мзиа а, к1ант Вепхиа а.

– Цара хьуьнах бежанаш дайина, аса лаха бахийтина уын, – элира зудчо.

– Эхх1ай, ма кьаьхьа денош ду-кх суна т1ех1уьттурш. Ахьа, зуда, хьайн куьйгашца кьахьдина уьш. Х1окху, б1аьрга 1оьттича сара а гур боцчу бодашкахь кегийчу берашна муха карор ду бежанаш? Х1ун хир ду цигахь царех? Уьш хьуьнан эххина керадахийта лууш хир ю хь0? Цул дика хир дара, тхо иштта хьийзош, 1азапехь дахкочул, тхан массеран кортош даьхнехь. Айхьа а садо1ур дара ахьа, со а парг1ат вуьтур вара, – боккхачу сингаттамехь элира Йотама.

– К1ордийна хьех ваьлла суна хь0 хьайн берашций. Доккха х1ума ду уьш, дуьнен т1ехь боьха х1уманаш дукха ю! – дуьхьала дера йистхилира зуда.

– Лаьхьа бу-кх, ша ма-барра лаьхьа! – эххар элира цо.

Сихха б1ог1амна т1ехь кхозучу 1одах а, пхаьрчийн т1оьрмигах а ка а тоьхна, шен г1одах сараг а боьллина, кера гоьмукь а эцна, не1арх аратилира иза.

Ведар чуьра санна охьадуттуш дара дог1а. Некь а ца кьастош, д1аиккхина воьдура Йотам. Корта хьере бинера оьг1азалло а, сингаттамо а. Иза сецира. Ойлане велира. Дог хилира вуха а вирзина, зудчунна бишка оза. Амма юха а, кхин вуха а ца хьожуш, з1енар т1ера д1ахецна пха санна, хьалхяхьа д1атаб1ира. Юькьа-акхачу хьун чувуьйлира, гу т1е а ваьлла, кхайкхира:

– Эх1ей! Х1ей, Вепхиа! Мзиа!

Х1окхо тоьхначу маьхъаро кхерийна цхъа экха, хъала а иккхина, хъуьнан к1орге д1адедира. Диттийн генашна т1ера хъала а лилхина, хъунна т1оьхула, шайна керла меттиг лобхуш, х1аваэхь т1емаш детта девлира олхазарш.

Хъуьнахула д1аволавелира Йотам. Коьрта 1уьйра, диттийн генаша цистина, ц1ий ихна юьхь а, куьйгаш а лестош.

– Мичхъа ду шу, сан миска бераш? Мичхъа ду? Шух хилларг х1ун ду? Х1ей, Вепхиа! Х1ей, Мзиа! – цкъацкъа ша-шега олу цо, цкъацкъа ерриге хъун екош мохь бетта. Амма эрна ду цуьнан ц1ог1а. 1инан дехъа аг1ор долчу чхернаша шайт1анан озаца жоп ло цунна.

Цуьнан месаш яьржина ю, хъажар буюрса ду, хъераваьллучу стеган санна. Массо аг1ор кхийссало иза. Ца хаьа стенга ваха веза, стенах д1атасавала веза, – шен бераш лобхуш ву иза.

«Суна ца карадалла, иштта гена даьлла-м ма хир дац и шиь...» – ойла йо цо.

– Х1ей, Вепхиа! Х1ей, Мзиа!

Ца хаьа пекъарна, иза талла ваханчу буйсанна дестечо цуьнан бераш ц1ера лелхийний. Ца хаьа кхоалг1а де-буйса дуй, хьомсарчу нанас санна, уьш юькьачу хъуьно кьайладаьхний, мохо хьобстий, шовданша, церан самукьадохуш, сагатделла и шиь даларна кхоьруш, шайн керлачу дахарх долиьта, цу шинна цхъацца беламе х1уманаш дуйций.

Йотамана-м хезаш хила а тарлора цу шимма шена жоп луш, амма цунна ца хаьара и ца девза аьзнаш хьенан ду. Ша-шех цецвуйлура, х1оккхул хъуьнах ваьхча, хьалха шена и тайпа аьзнаш хезна цахиларх.

Ца хиира цунна уьп шена жоп луш схьахезаш шен берийн аьзнаш дуй. Ца хезира цунна цара вовшашка дуйцург а.

2

Керта еанчу дийнахь дуйна а ца дезаделира дестечунна Йотаман бераш. Царех парг1ат яларан хьокъехь ойланаш йора цо даима. Х1 ара дагадаера цунна: Йотам талла ваханчу суьйранна, Вепхиа а, Мзиас а бежанаш ц1а далийча, цо цхъанна ца хоуйтуш божали чуьра уьш ара а даьхна, акхарой т1екхочур йошцучу метте а дигна, кьайладахира. Ткъа ц1а еача, берашна т1екхоссаелира:

– Стенга дехьна аша бежанаш? Уьш хъуьнах х1унда дитина аша? Сихха г1ан а г1ой, уьш ц1а дала де. Уьш доцуш кху керта ког а ма биллалуш! – бохуш.

Бераша дуйнаш дуура бежанаш шаьш божал чу ма доьхкина, бохуш. Амма уьш цу чохь ца гича, бераш кхераделира.

– Арадовла! Арадовла сихха! Аса шайн кортош атале х1окху т1улгаца, – кхерам тесира дестечо, шен керара ира-боккха т1улг а лестош. Ч1ог1а кхераделира ши бер.

– Бежанаш доцуш суна шаьшшиь б1аьрга ма гайталаш!

Бераш юькьачу хъун чу дулуш бода букъбелира. Вовшашна т1етг1а а тийжаш, куьйгаш а лаяцна, б1аьргаша хьобххучу аг1ор д1аоьхура уьш.

Цхъаь охьакхетча, вукхо г1о дора цунна хьалаг1атта. Делха а доьлхуш, орца доьхура цара. Амма церан маьхъарша наб йохийначу хъуьнан акхаройн дера хар а, ц1ийзар а бен, кхин х1умма ца хезара гонаха. Мацделла цхъадолу акхарой берашна юххе г1ора, амма дегнаш к1аддора г1о доьхуш церан делхаро, уьш гена йовлура. Мосазза кьегира царна хьалха мецачу акхаройн б1аьргаш. Амма, ур-аттала, борз а ца х1отталора царна т1елата.

Бераш, кхералой, хорша еача санна, дегадора. Х1ор г1улчо 1ожаллин кхерам туьйсура царна. Амма бежанаш цхъаннахъа дацара. Церан баха а, орца деха а меттиг яцара.

– Йа, Веза Дела! – вовшашна ч1ог1а т1етг1а а таь1на, дехар дира цара, шаьшшиь доккхачу акхтарган к1ел нисделча. – Йа, Дела, тхох олхазарш дехъа, лекхачу дитта т1е а даьлла, акхаройх лардалархъама. Хъунна гуо баккха а, тхайн бежанаш схьакаро а атта хилийтархъама!

Оцу хенахь царна юххехула тлехволуш вара Амин. Шуна хаьа хир ду Аминах шира дийцар а, цо дийнахь массарна а кхузза гуо боккхуш хилар а. Оцу хенахь цуьнга дехар дича, стагана луьург кхочушхуьлий а.

Тлаккха, Мзиана а, Вепхина а олхазарш хила лиьча, Аминна длахезира церан лаам, цунна жоп луш, царех оцу сохьта бухланаш хилира. Вовшашца лодикаяна а ца кхиаелира и шиь – тайп-тайпанчу аглор тлома длаяхара, шайна меттамотт каро.

Дийнахь, дестечух кхоьруш, диттийн харош чохь длаlechкьий лара и шиь. Кхечу олхазаршна ца еза бухланаш, уьш хийра лоруш. Цундела вай а, декъаза стаг гича олу: «Ма бодвелла, мисканиг!»

Иштта дласакъаьстина йиший, ваший, шайн бежанаш лаха.

Хлетахь дуйна масех эзар шо даьлла, ткъа и шиь хлинца а лобхуш ю шайн дайна бежанаш. Вовшашка кхойкху, хобтту: «Карийн хьуна? Карийн?» Дуьхьала жоп хеза: «Ца карийна! Ца карийна!»

3

Йотамас, синтем боцуш, тлетьаплина лобхура шен бераш. Бежанех хиллачо са ца гатдора цуьнан. Цо теллира массо боьра, цхьа а дитт, цхьа а чхара ца битира лерина ца хьожуш.

Шадерриг эрна дара: лаьттаьхь цхьаннахьа яцара цуьнан берийн лараш. Буйсанна цо лерина ладобгура тамашийначу маьхьаршка. Уьш дара бухланийн вовшашка кхайкхарш. Дуккхаза бухланаш цунна тлоьхула тлома чекхийовлура, амма дена а, берашна а вовшийн ца девзара.

Уьш лаха иза араваьлчахьана ши клира дладелира. Шена дуьхьалкхетта акха экха а, олхазар а оцу сохьта шен нийса длакхетачу лодан пхаца охьадуьллур цо. Цкъа а дла ца кхеташ ца висинера Йотама – бляьрса сов ира таллархо ма вара иза.

Цкъа хьуьнах цунна дуьхьалкхийтира цлийх юьзна батт а йолуш борз. Йотамин даг чу иккхира берзан батт цлийийнарг шен берийн цлий хила ма тарло бохург. Сихха лад хьала а ойуш, пха а биллина, зленар уьйзира. Шок а тухуш длахьаьдира пха.

«Йа, не лалт хилла, цлийх ца леба экха, ахьа цистина сан бераш», – бохура цо, берзан лергаш а ийзош. Берзан садаьлла даллалц сатоха собар дацара Йотамехь. Хьостамаш тледиьгина глаж етгара цо берзан коьртаьх. «Лей длаяла, не лалт хиларг! Лей длаяла!» – тле мохь хьобкхура цо. Цлийх юьзначу берзан бага ши куьг дахийтира цо, бераш цу чьура схьадаха воллуш санна. Тлаккха уьрсаца экханан гай датлийра, дийна уьш цу чьура схьадаха дагахь. Амма хлумма ца карийча, тлера цлока а ца йоккхуш, тесна йитира цо. борз. Шен лодан пха-м озийна схьабаьккхира.

Иштта Йотама, цхьа даьлахк цлубьеш йоллучу чанан хари тленисвелира. «Ахьа цистина сан бераш, хлинца церан даьлахкхех мотт хьобкхуш ю хьо?» – тлечевхира таллархо. Хари чьура араелира ча, лата кечлуш, тлехьарчу когашна тле ирахлобьтира. Амма Йотамин ирачу пхано охьайожийра иза. Чанан гонаха дласакхийссина йолу цхьа а даьлахк адамийн цахилира.

Йотам кхийтира я борз а, я ча а шен бераш хлаллакхийларна бехке цахиларх. Иза длавахара, и шиь эрна члогла дохковаьлла.

4

– Хлун де-те аса? – глалдайна ша-шега хобттура Йотама. – Со чекхваьлла массо меттигех: лаьмнаш теллина, цхьа боьра, чхара ца битина лерина ца хьожуш, амма цхьаннахьа дац-кха сан миска бераш. Лаьтто длахуьйдина техьа и шиь, я дийна доллушехь стиглано шен льяршашка хьаладаьхьна-те? Ца хаьа-кх сун мича эксха, айса хлун де. Муьлхачу айми чу эксха-те со?

Йотама тийжаш воьлхура, ох1 дора. Цуьнан настарш егош яра. Букар а вахана, сеттинера иза, б1е шо кхаьчна воккха стаг санна. Балина хьерваьллера иза: «Ма боккха бала бу-кх соьгахь берг, орцахвала, г1одан цхьа а воцу, сан миска бераш. Аса къа хьарчий сайх, шу х1аллакди аса».

Иштта лаьмнашкахула лелаш, цунна т1е1оттаделира ц1оькъалом. Царна т1е ма-хьаьжжинехь, вовшийн девзира. Ц1оькъалоьмо доггахь маршалла хаьттира таллархочуьнга:

– Маршалла ду хьоьга, со зовкх хьоьгуш даха лаьарг,– элира шен доттаг1чун юьхьа т1е а дирзина.

– Хьоьга а маршалла ду, сан доттаг1. Амма кху дуьнен т1ехь и маршалла цахилар тоьлашха дара суна, – доккха са а доккхуш, жоп делира Йотама.

– Хилларг х1ун ду, хьоме доттаг1а? Вайга, вайн ницкъаш цхьаьнатоьхча, нисдан лур доцург х1ун ду? Соьга айбан лур бацар-те хьоьгара бала?– элира ц1оькъалоьмо, шен 1аьржа т1едарчий т1ехь долу ц1ога цуьнан букъах а хьакхош, оцуьнца шена листа ца луш цхьа а г1айг1а-бала хир боций д1а а хоуйтуш.

Ц1оькъалоьмана моьттура Йотамига цхьа а эхка ден ца делла. Хьалха санна, х1инца а шега доттаг1чунна г1о дан лур ду шена.

Цкъа Йотама оцу ц1оькъалоьмана доккха г1уллакх динера – цуьнан логе а бахана, къаьмкъарга чохь тасабелла сецна т1улг сьха а баьккхина. Садукъделла далаза делира х1етахь ц1оькъалом. Х1етахь дуьйна ц1оькъалоьмо Йотамина талларна т1ехь даима г1о дора. Цо хьалаг1атгадора эхка, ткьа Йотама, нийса хьажайой тухий, иза дуьйра. Оцу хенахь Йотамин к1ант хилира. Шен доттаг1чун сийнна цо цунна «Вепхиа» ц1е тиллира. Ткъа иза, хууш ма-хиллара, ц1оькъалоьман к1орни бохург ду.

– Сан бераш дайна, сан доттаг1. Сан жима ши бер. Х1ара уьтталг1а де ду аса уьш лобху, амма лар ца карайо. И шиь дийна ду я дац а ца хаьа суна. Цхьа-цхьана эххано, цистина хила а тарло и шиь, – латкъаме дуьхьала узарш дира Йотама.

– Дала лардойла со, цкъа а докъах хьакхаделла ма дац. Хьуна ма хаьий. Суна дуй баа ца оьшу, ахьа суна доккха г1уллакх динчул т1аьхьа, аса хьан гергарчарна х1умма дийр ма дац. Царна-м хьовха, адамийн сибатехь волчу цхьана а дена а. Кхечарех жоп дала лур дац соьга: барзах, чанах, чаг1алкках. Доттаг1а, со кийча ду хьуна г1о дан. Вало, ерриге хьун толлу вайша. Сан берриге ницкъ, м1араш, сан б1аьргаш – ахьа боххург дийр долуш бу-кх. Дийна я делла сьхакарор ду вай бераш.

Цо иштта аларо жимма сапарг1ат даьккхира Йотамин. Цо баркалла элира ц1оькъалоьмана:

– Со а вуьсур вац декхарлахь, сан доттаг1. Хьуна декхар хир ву сайн дерриге дахарехь, ахьа, вайн доттаг1алла бахьанехь, хьуо кхоош ца хилча.

Уьш д1асабахара тайп-тайпанчу аг1ор, хан-хенехь х1окху меттехь цхьаьна а кхеташ, лехамех дерг вовшашка хайита барт а бина.

Ц1оькъалоьмо баккъала ца кхоадора ша, доттаг1чун бераш лобхуш. Йотамех дерг дийца а ца оьшу: цо дийнахь а, буьйсанна а наб ца йора, д1аоьхура. Цкъа цхьана хи т1екхечира иза.

– Хи, хи, сан берех б1аьрг ца кхийтира хьан – сан Мзиах а, Вепхиах а? Х1умма ца лачкъош, бакъдерг сьхадийца соьга. Хи мала кхуза баьхккинчохь, хьан тулг1еша д1акхаьллина боцуш буй техьа уьш? Ахьа даре дийр ма дац ишттаниг, – шен гоьмуьк хи чу юьйг1ира цо.

– Ахьа дийриг х1ун ду? Телхина-м вац хьо? – оьг1азе кхоьссира татоло. – Ахьа айхьа х1аллакдина хьайн бераш, ткьа х1инца уьш лобхуш кхуза веана. Хьан бераш-м цхьа а бехк т1ехь боцуш, кегий дара, ткьа хьо-м д1атакхо везара. Сайн аьтту хилча, аса кьинхетам бийр бацара хьох. Хьо цхьаь ву та1зар дан хьакъ верг.

– Иштта х1унда боху ахьа? Стенна ву со бехке? – хаьттира Йотама.

– Хьайчул боккха бехк хьенан хир бу? Хьо дика адам хиллехьара, ахьа цкъа

а тешор дацара и кегий синош дестечух. Ахьа х1аллакдина хьайн бераш а, хьуо хьайн а, яла а йина, даккхий 1аьржа б1аьргаш а, еха к1ажарш а йолчу оцу зудчух хьайн кхерчан нана йинчу дийнахь, – элира татоло.

Корта некха т1е а оллийна, вехха 1ийра Йотам вист ца хуьлуш.

– Хьо бакь луйь, хи! – элира цо цхьа хан яьлча. – Дерригенна а со бежке ву. Къа ма хета сох, хьайн тулг1ешлахь х1аллакве со. Цунна бен, кхечунна хьакь вац со кхул т1аьхьа.

Цо жоп даларе а ца хьобжуш, татола чуиккхира иза.

Хиэ катоьхна схьа а лаьцна, дикка гена а вигна, бердан йисте кхоьссира иза. Йотам юха а хи чуиккхира, амма цо юха а г1амарла кхоьссира иза. Изза дира цара уьссаза я уьгтаза: иза татола чукхоссалора, хиэ д1атакхавора, т1аккха юха а берда т1е кхуссура. Эххар а, ша долду дег1 атаделла, хиэ хьийзийна, шелонна вега а веш, хьеха чохь къайлавелира Йотам. Иза, верриге горгвелла, чхара к1ел хиьна 1ара, юкьа-кара: «Ма боккха г1айг1а-бала, г1айг1а-бала бу-кх соьгахь, сан кегий бераш! Мзия! Вепхиа!» – ша-шега а бохуш.

Т1аккха ц1ехьана бодане-юькьачу хуьнах цхьа тата делира. Духьала жоп хезира: «Мзия! Вепхиа».

– Схьажахь цкъа, х1ай стаг, хьо х1унда воьлху? Ахьа мила лобху? – цуьнца къамеле белира чхара. – Х1орш ду-кх хьан бераш. Уьп ду-кх ц1ог1а деттарш. Церан аьзнаш ду хезарш. Х1инца царех олхазарш ма хилла. Хьайна уьш гича а, хьуна бевзар ма бац и пекъарш. Ладог1ал цкъа, цхьамма мохь бетта: «Вепхиа, Вепхиа, х1инца а ца карийна хьуна?» – бохуш. «Х1ан-х1а, х1инца а ца карийна, Мзия», – духьала жоп ло вукхо. Х1инца хьайн б1аьрхишца а, тийжарца а царна г1о дан лур дац хьобга.

– Баккъала бохий ахь, чхара? Х1инца а бежанаш лобхуш-м хир ма бац уьш? Царна стенна опыу уьш? Маржа, пекъар сан бераш! – мохь туххуш ц1ог1а элира Йотам. Къаьхьа, б1аьрхин даккхий т1адамаш охьаьаьвдира цуьнан б1аьргаш чурьа.

– Х1аь, бакь ду аса хьобга бохург. Суна товш дац аьппаш ботта. Дуйнен т1ехь х1уьа хиларх, цхьа а х1ума къайла дер дац сох, – кхоьлина элира чхаро.

– Делахь-х1ета, хьуна сан берийн мотт хаьа-кх?

– Хьан мотт, хьан г1айг1а, ахьа ден аьрзнаш ма-хаьара хаьа.

– Сан метта цаьрца къамел дийр дацара ахьа, сан доттаг1? Д1аалахьа цаьрга, шун да кхузахь хьайца ву, цаьрга цкъа мукъана б1аьрг тоха лаьара цунна, – дийхира Йотам.

– Х1ан-х1а, и дан оьшуш дац. Цунах дош хир дац. Царна луур дац хьуна т1ебахка а, хьобца къамел дан а. Ахьа х1уьа аьлча а, уьш хьох кхетар бац. Царна дицделла шайн да хилла хилар. Атгала, «да» боху дош а царна х1инца ца девза, – элира чхаро.

– Веза Дела, т1аккха-м суна а тоьлашха ду чхара хилар, сайн берийн аьзнаш даима хазархьама а. Веза Дела, чхара бехьа сох! – Куьйгаш стигла а дахийтина, дийхира Йотам.

Оцу хенахь юххехула т1ома чекхволуш вара Амин. Оцу сахьтехь таллархочух чхара хилира, ша лаьтгачу оцу чхеран юххехь шех шагат1улг а хуьлуш. Оцу керлачу чхаро лардира адамийн сибат. Д1алаьтта иза корта а оллийна, куьйгаш некха т1ехь чучча а даьхна. Б1аьрхиш охьаоьху цуьнан б1аьргаш чурьа. Шен берийн сингаттам кхуллу кхайкхам шена хезча, цо доккха садоккху: «Ох1, ма боккха г1айг1а-бала бу соьгахь, сан бераш. Г1айг1а-бала!»

5

Ткъа стенга дахана Йотаман доттаг1 ц1оькьалом? Цо теллира дерриге лаьмнаш а, аренаш а, барт бинчу метте а деана, ладег1а х1оьттира. Метгах а ца хьовш, генна, таллархо ван везачу аг1ор д1а а хьобжуш, хиьна 1ара иза. Кхача а, мала хи а дицделла, оцу меттигах д1ахоттаделча санна.

Ша делла дош дохо йиш яцара цуьнан. Ладоьглуш лара шен дикачу доттаглуьнга. Цо ладийгира қлиранах, вукху қлиранах, батгахь, шина батгахь, беа батгахь, дийнна шарахь... Йотама гучу ца волура. Цлоькбалом дакъаделла, азделла, балоз санна, лаятта цхьацца тладамаш а эгош, дешна дладолуш дара. Цлоькбалом луьллучу меттехь, шен сибатца цлоькбаломмах тера колл теелира. Амма и кондар ца кхуьу, ца жимло я якъа а ца ло.

Ткъа цунна юххехь, лай а, аькка а мархал ца ло, даима кхуьуш-хьекъаш йолу Маьлхан-Аза – Пиримзе ю.

Суьрташ

Юьртан дахарера

Тлехечири ла. Кхаш члана девлла а, деса а ду. Гонаха мел долчо дагадохкуьйту кешнаш. Баккъала, хаьар дац цигахь маса дакъа дладобллина. Цхьаннцанхьа кондаршна клел букар яхана ла шайна тле гомашан меца бага кхачаза яраш. Миска мекхан бецаш якъа а елла, вовшашна тлетгла а таьйна, йохьяла глерташ санна, тапъаьлла длатебна ла. Мехаша дору гунаш а, баьрзнаш а члана девлла ду. Еха клужал йолчу нлаьвлин ирсана цхьаццанхьа латтанаш лаьржа го. Мисканиг цхьана меттера вукхузхьа оьккхуш, хьаьдда – едда лела, юкъ-кара пекъаре аз а доккхуш.

Геннахь, наг-наггахь гучудолу, шен деха цлога а лестош, цхьогал. Хьожа йохуш кханна гуо туйсу цо. Тлакка, цлеххьана, сацало. Юха хьожу. Додий цхьанна тлеххета, шен цлога а айдой.

Шу марша, ма хазахета хир ду цунна цхьа жима дакха лацабелча а! Ца лацалахь, миска-пекъар юха а талла доьду.

Цхьаццанхьа гуш ю берзалойн лараш а. Буьйсанна уьш углуш а хеза. Пекъар борз цхьана дийнахь юьзна хуьлу, батгахь мацло. Хьо, гарехь, со воцчунна цхьанна а ца еза. Суна хьо дукхаеза, адамна экха ма-деззара. Хлунда? Дера еза хьан дахарехь а сайна хазалла гарна.

Аса сурт хлиттадо ломан басешкахула дежаш лелачу жанан. Жалу наб еш ву. Дитташна тлехьара хьуна го и жа а, наб кхетта луьллу жалу а. Амма хьайн клелонгара, уьстаглна ка тоха, гучуяла ца яхьа хьо, мел меца елахь а. Дохк тлеталаре ладоьглу ахьа. Хинца иза линчуьра хьаладолуш ду. Цунна тлаьххье теба хьо а. Дахкаро уьстаглна а, жалунна а тле лаьржа верта туьллу. Кхин а юххе а йоглий, чхеран тлехьа а лечкьий, длатеба хьо. Ахьа ладаоьглу уьстагль хьо йолчу арор баре. Ира малаш йолу цхьа уьстагль, вукхарех а къаьстина, хьуна гергахьа боьгуш бу. Хьала а оьккхий, катухий схьа а лоций, иза ги а тухий, клег чу длатуьлу хьо. Жимма хан яьлча, ижу хьан хир ю. Амма жлаьла Кьуршия, лета а леташ, хьуна тлаьхьа доду. Блаьргаш а хьакхобой, тоьпах ка а тухий, жалус хьуна тлаьхьа хлоь боуьйту. Хьайн ижу гира охьа а кхуссий, длайоду хьо. Амма ахьа динарг майра хлума дара. Жалунна а пайда белира цунах – иза сакх-сема хилира: шен жа глотанна чу дладаллалц, цунна ха деш лийлира, хьо глаларт-м ца хилла-те, бохуш.

Аренашна тлехь ло ду. Буьйса лаьржа ю. Хьо меца ю. Члогла меца ю. Хьайн берзан амалшца кертана, дитташна, тлулгашна, хьо дладалчкъа мел лучу меттигашна тлехьа тебаш, глотанна юххе глерта хьо. Жлаьлешна хааелла хьо. Цара глов глаттийна. Уьш дла а, схьа а уьду. Цхьаь лакхахь, важа цунна аглорхьа, кхозлаглниг хьалха лета. Юрт самайолу. Потанна чу кхача ка даьлла хьан, амма юьртахошна иза ца хаьа. Цлеша а летийна, «берзалой, берзалой» бохуш маьхарш детта цара. Латийна чурам а кертахь, глотанна чохьха волу жалу. Хьо ши уьстагль бен кхиаелла, амма серло гучуяьлча, хьан къайлаяла меттиг бац, цундела ка ма йоллу, схьайиллинчу неларх ара туьлу хьо. Ара а оьккхий, шерачу аренна тлоьхула длайоду. Жалу вухий вуьсу. Ерриге юьрто а дукха дуьйцу хьох лаяцна. Цул тлаьхьа массо а сема хуьлу, шайн глотанш члаглийо. Цхьа иттех стага, туькана а воедий, молхий, хлоььнашший оьцу.

Амма хьо хьекъале ю борз! Хьайн кадер долччу бен ца йоьду хьо. Оцунна хастам боглу хьуна. Ткъа ахьа уьстагий лачкыйначу жалух хлун эр ду? Нагахь санна иза къонах а велахь, цуьнан коьрто болх а бахь, хьуна цхьа гур бог ла ца беца цо? Хьере, бляргаш а кьерзош, цергаш а хьекхош, багара чопа а туйьсуш д'алалаьтгара хьо. Халахетар дар-кха оцу меттехь дог а иккхина я кхечу бахьанина, сонтачу жалуна хьо елла карийнехьара. Чуйьрех арайолийла ишттачу жалуна хьан ц'ока!

Х'етте а суна дукхаеза хьо, борз, хлунда аьлча, хьайна хьайн ижу а гина, цуьнца ларор яц, аьлла, ма-хийттинехь, хьо угла йолало, хьайн накьостий т'ебоьхуш. Уьш хьуна дуюьхьала углу, т'аккха сикха т'екхочу. Т'аккха цхьаьна бертахь шайн г'луллакх дан юьйлало шу. Дала аьтту бойла хьан, борз! Хьо меца йолу дела ма до ахь курхаллаш. Хьо-м борз а бен яций, берзан амалш а йолуш.

Берзалойх дийца а воьлла, юьртан «канцелиях» дийца вицвелла воьгура со. Борз санна, шена т'е тидам бахийта хьакъ ма ю иза а. ла т'едарций, самаелира «канцели» а. Нагахь санна аьхка лаламат хала к'лиранах цкъа гулам вовшахтаха безаш хиллехь, х'инца иза кхузза вовшахтуху. Д'ла ца туйь г'лов'ланаш, дека къаночун буьрса аз: «Схьалаца иза, д'ла чу волла!» Ша оцу дарже ма-кхеччинехь, ишттачу омраллин маттаца къамел дан волало муьлхха а къано. Цуьнан хьаькамаша цуьнца а до иштта т'ечехаш къамел, т'аккха цуьнан а бакьо ма ю шен куйьгана к'ел болчаьрца иштта дийца.

Нагахь санна х'инцалера къано ши бутт хьулха шуна гина велар-кх! Т'аккха цунах къахетар дара шуна. Иза Дон-Кихотан говр санна вуткъа-оза вара. Ткъа х'инца иза гича цец-акъ девлла дуюьсур ду шу: цо гай диллина, ши ч'енг йина, бляргаш, гонаш стамьелла, ц'ийделла. Юьртан «кхиэлахой» цунах хьоьгу, амма шайн хьагам кхечуьнца д'абукъа цара. Гой шуна, цхьа кхиэлахо ша а ву къанона т'ечехаш: «Схьалаца! Чуволла иза!»

– Стенна? Х'лунда? – хатгаре волу «куьг бехкениг».

– Ахьа сох «лераме кхиэлахо» ца аларна.

«Кхиэлахочо» аьлларг дагах кхета къаночунна. Цунна а, лерамечу кхиэлахочунна а юкьахь даима лот-баккхамаш бу: «Схьа а лаяцна, чуволла бакьо сан ю», – боху цхьамма. – «Х'ан-х'ла, сан ю!», – ч'лаг'до вукхо. Важа дуюьхьала волу: «Хьуна законаш ца девза, ткъа суна девза!»

Х'лора а, ша вазвеш, важа лахван г'ертга. «Лераме кхиэлахо» зеделларг долуш ву. Къано лахван дешнаш а ца карадой, цунах «сан к'лант» баха волало иза.

– Х'ан-х'ла, сан к'лант, дийриг ойла а еш дан деза.

Нагахь санна иза к'лант велахь, дена цунна чул дукха хаа ма деза. Цундела:

– Со муха ву хьан к'лант? Со хьуна мичара ваьлла? – дуюьхьало йо вукхо.

Гонаха болчаьрга а хьоьжуш, кхеттош олу «лерамечу кхиэлахочо»:

– Хьо сан керахь кхиьна, х'локкхул жима вара хьо, – гойту цо лаятта жимма куьг хьала а ойуш. – Аса хьо сайн керахь лелийна, цундела цецвала х'лума дац аса боьх «сан к'лант» аларх.

Шен мах лакхабоккхуш «лерамечу кхиэлахочо» кхин а т'етуху:

– Со цкъа Нала вахача, приставо, вайн приставо, шайга кхайкхира чай мала. Ткъа аса, бакьдерг аьлча, мало ца йира цаьрга ваха. Вайн юьртан дахарх хетгарш а деш, цо соьга элира: «Цигахь дика зхьоьжуш, сема хилалахь, ларьелахь шайн юрт, хьо бен, цхьа а вац хьуна цигахь законаш девзаш».

Беккъа цхьа къаной а, кхиэлахой а бен бац, ткъа, юьртахь вовшашца девнаш ца дохуш? Юкььера хьалаоьккхур ву хьалха къано лаяттина цхьа Гогия. Шен к'лантана арз дан волалур ву иза:

– Аса цунна ц'енош дира, зуда ялийра, ткъа х'инца со мацалла вен г'ерташ ву. Цо-м со, велча, д'авуллий а хаац...

Гогияс шен к'лантана арз дина уездан хьаькаме. Уездан хьаькамна халахийтира могуш-таза волчу к'ланта шен къеначу дена т'ехь иштта х'луманаш леладой хийча. Цунна шед етта лаам хилира. Амма эццехь кхетамчу веара Гогия:

– Ца оьшу, сан эла, тхайн юкьаметтигаш оха тхайи къастор ю.

Кхузахь суна ларамаза дагавогӀу Куприан Муравишкин¹. Вайг Гогиягахь дерг а, цуьнга хӀобттинчух хьал ду. Шуна хьап хир ма дуй, Муравишкин Куприяна цхьа а урхалла, цхьа а, уггаре лекхара канцеляри а, шен кӀантана арз ца деш йитина ца хиллий. Уггар хьалха цо доьхуш хилла шен ладугӀуш воцу кӀант еттий уппаза ваккха, бохуш.

Шуна дагадаглахь, шен кӀанте цо яздина кехат а хӀокху кеппара ду: «Веа-Воккхачун лаамца, хьалха хиллачу юьртан къаночуьнгара Куприан Муравишкенера сан кӀант Симеон вон хӀуманаш лелорах кхетаме вало лаамца.

Сан кӀант Симеон!

...Дегин ткье пхи сом ача даьлла сан хьобга йоза-дешар доьшуьйтуш, Ӏай а, бӀаьсте а лело кога юху мачаш а, тӀедуху духар а ца хьехийча а; хьан хьехамчина дӀакхехийтина чорпа а, хӀоани а, гӀезаш а, жӀаьлин нускалш а, копастанш а аса сайн доккхачу догдикаллина хьеха а ца йо».

Амма оцу хьола тӀе вайн Гогия хӀинца а ваьлла вац. Дала вала а ма волуьйтийла иза! Нагахь санна иза дан дагадеача а, цунна йоза-дешар а ца хаьа. Хуьлуьйтур вай иза йоза – дешар хууш. ТӀаккха кӀант ма вац йоза-дешар хууш. Хуьлуьйтур вай ший а йоза-дешар хууш, амма шен дагахь дерг ма-дарра охьадилла Гогияна хуур ма дац, цо яздинчух ма– дарра кхета кӀентан хьекьал кхочург цахиларе терра.

***

ХӀор стаг шен сий дожарх вогу. Массара «бакьонаш» а, «законаш» а лӀоху. Ткъа сан лулахохунна, къеначу Кетеванна, и хӀуманаш дага а ца догӀу. Шен урчакх а, тха къаждо ехк а гал ца яьлчакьана, паргӀат ю иза. Дуьххьара кхойкхучу боргӀалший хьалаг Ӏотту иза, пешахь цӀе а латайой, цунна хьалха а хуий, тха къаждан хӀугу. Къаждан тха ца хилахь, урчакх хьийзайо. Шен нус а хьалагӀаттайо:

– ХьалагӀатта, сан йо1, кӀорда ца йо хьуна и наб?

Жимма човха а йой, тӀаккха хьосту. Цуьнца жимма эладитанаш а до:

– Хезний хьуна Беруан кӀанта Сеселос дина бохург? ХӀуманаш юьттуш йолчу Теклен чу а иккхина, цуьнан лергех йолу чӀагарш а, мух Ӏар а схьа а даьккхина, обанш баха волавелла. Иза а тӀазар а доцуш дӀадоьрзур ду техьа цунна?

– Хьеро корта охьийла оцу боьхачу Хорешанан, – дуьхьала йистхуьлу нус.

– Лулахошкахула йолалой лела боху, ша-шен хестош: сан котамаш а, бежанаш а Кетеваначул дукха ду, бохуш.

– Ткъа садаьржинчул тӀаьхьа-м цунна сацам-хӀоттам бац. Дахка санна, хьаьдций – еддий ю. Котамашна хӀума тосу, «ца-ци, ца-ци» бохуш царна гуо туьйсу. Амма куьйрано цхьа-цхьаь котам яьхьча-м йоккха гӀовгӀа оьккхуьйту Кетевана. МостагӀчунна а хозийла лаьар дацара суна цо дуьйцург. Куьйранна тӀаьхьа а уьдуш, мохь хьобкху: «Стенга хьош ю ахьа сан котам, куьйра, неӀалт хуьлда хьуна, цунах дӀавш а даьлла лойла хьо!» – бохуш.

Дийнна баттахь а коьрта чуьра ца долу цунна и куьйра. Шен котам дагаеача, шен некхах буйнаш детта йолало.

1886

*Гуьржийн маттера гочдинарг
МАРГОШВИЛИ Султан*

¹ Глеб Успенский цхьана дийцаран турпалхо. Лахахь далош долу дешнаш цуьнан цхьана кехата тӀера ду.

Цоккуев Илмади**Вай дацара уьш?**

1

(И хьал ла ца делла,
 Наха, вайх болчу,
 Шайн догӀмех гӀурба ди,
 Мохк тӀехьалоцуш...)
 Вай дацара
 ХаьнтӀе куьг хӀитгадеш
 «Нохчий ду!» – баьхнарш?..
 Зиераша кьовзийча,
 Ца лиеткьан
 Дьоналла эшнарш?
 Вай дацара
 «Ӏасанца кеманаш
 чуэгон» хьуьнар
 Кхайкхийнарш?
 ...Блокпостийн
 БӀобано, чехадеш,
 Нахдоцчу даха
 Хьийзийнарш?

2

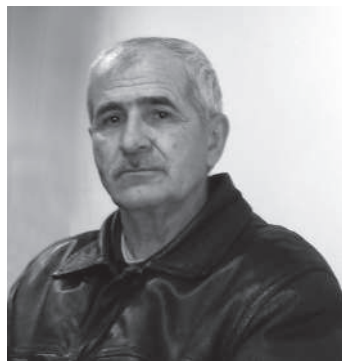
– Дара дера!
 Вай ду-кх
 И дерриг лайна
 Чекхдоьвлларш...
 – Ткъа хӀинца
 Дац-теша декъала хила
 Хьакъхилларш..?

3

Орцахо эшначохь,
 Ца гойтуш ша воьхна,
 Къомалла давккхина
 Законийн бухтӀе,
 Халонийн кӀохчалшна
 Некхан ваз дӀаоьхьна,
 Виссиншехь юьхьдуйхьал
 Дарцана дуйкьачу,
 Кархдаьлча Ахьмадан
 Зулабийн логашад хадо,
 Субьектийн нийсархо
 Хилла дӀахӀоьгттира
 НОХЧИЙЧОЬ-ДАРХО...

4

Ткъа хӀинца,
 ГӀуллакхийн шедакхаж
 Шен буйнахь кьуйьлуш,
 Цуьнан кӀанта
 Кхойкху вай декьалчу декье.
 Хир бу ца моьгтинчу хийцабийн
 Зилашка дуйьлуш,
 ГӀулч маьрша юьсийла

Вайн,
 Юьхьарлаьцначу некъахь!
 ...Моьггучар хӀоранна маршбагӀа беза, –
 И бузуш жигара къахьиега деза-кх!

ГӀиллакхан аматаш

ГӀиллакх лиела мел ди цӀинло, –
 Оцо хьуна цӀена дин ло.
 ГӀиллакх дериг воьвза атта:
 Цо буйьцучу оьзда маттах.
 Воьдуш-вогӀуш дуйхьалкхетча,
 И вистхуйьлуш хьобца сецча.
 БӀаьрг тӀебоьгӀна ца хьажарехь,
 Дешан бакьо ца кьийсарехь.
 Эрна бага ца гӀетторехь,
 Хууш мел дерг ца Ӏетторехь.
 Орца аьлча дӀахьадарехь,
 Каде хьовза кархдаларехь.
 Лула-кулахь самоу йарехь,
 «Туркхан даржах» цакъехкарехь.
 Чолхе гӀуллакх пелдаларехь
 Цо шен белшаш кӀелтасарехь.
 Цуьнга кхайкха бӀобуоларехь,
 Эшча вазлой ца хьийзарехь.
 Даржашка и ца кхийдарехь,
 Теттарх коьрте ца вийларехь.
 Дикане ша виехийтарехь,
 Вонехь ша ца лиехийтарехь.
 Шуьнехь, тойнехь я тезетахь,
 Дозанашкахь Ӏан хаарехь.
 ...Оьзда кьонах воьвзар ву-кха,
 Гуонах сема хьиежахь дукха...
 Ишттаниш вайн бацахьара
 Дуйне лаьттар дацара, хьаха!

Дика кӀант вуйьцуш там бу

Вуйьцу цхьаь,
 Хеставо,
 Дерзинчу куйьга лом
 Къардора,бохуш.
 Ткъа кхечо,

К1ант вара боху и...
 Ала х1ума доцуш.
 Ас боху:
 И иштта ца хиллехь
 Гучудер дацара цуьнгахь,
 Суна зиеделларг;
 Къонахчо бен
 Кхочушдендоцу
 Г1уллакх т1едаьхча,
 Цуьнга даделларг.

Дала мукълахь...

*Йоь1а йо1ана Мархина,
 сайн МАРГ1АЛБИКИНА*

Хьо ю духхъара ДАДА винарг сох,
 ДАДИН сий ахь кховдийнера соьга.
 Таро ийши-кха лиьна дикаболх,
 Дагахь хилла зовкхаш кхийдо хьоьга.
 Йинчу Денца декъалиь ас хьо,
 Сан орамах даьлла тайна МАРГ1АЛ!
 Т1аьхъало йолу амалш хьоьца го:
 Даламукълахь ирсе хир ду дахар!
 Даим тхуна могуш латгалахь!
 Тхан дозалла хилий д1а а х1отта.
 Лаьарш кхочушхир ду, къар ца лахь;
 Ларлуо, дахар атта болх бу мотгарх.

***

Ломахь шира г1иллакх деха:
 Верасашка совцабойтуш
 Сонталлица бале боьвлларш.
 Ткъа ас хъаьнга орца диеха
 Г1орасизбан, байталбохуш,
 Хъарам хьооло хъерабаьхнарш?..
 Хъаьнца цхъаьна совцабе ас уьш, –
 Парг1атонна латге кхоьхьурш урс?

Дикалина гонах

1

Диканна леринарг
 Диканца чекхдалахъара...
 Ахь дагчу хъажийнарг
 Хийлазза дуйсу-кх арахь

2

Иштта-д1а... дархъамма
 Ахь динчу диканан хъурмат
 Совдолу, кархдалахь,
 Хью лобхуш эшийта турмал.

3

Я гоьлт1ехь ког кхабан,
 Я хъант1е х1иттадан куьйгаш,
 «И дира ас», – бахан
 Дош дуй ткъа, лацар а луйьта?

4

Диканна йихкина
 Юкъ ястан бехказло эшча,
 Сапарг1ат 1аьхкинарш
 Ма баха ца буучу, тесча.

5

Ца хилча кхуййла
 Диканиг бен диканан зирхах,
 Х1уьншорто хуьлийла
 Адамийн хъаштонан г1иллакх.

6

Сий азло дикаллин,
 Лелийча, тхих хъалха йохуш.
 Даржашлахь тилалой,
 Т1аккха и... не1саге йолу.

7

Дикалла ц1ийх, т1амарх
 Йоллург ву пана совдегар.
 Бохкац цо и «бахам»
 Комаьршша кхийдоршца зиерах.

Куйнаш догур, шайна...

1

Шайх хъаькамаш бархъамма
 Кхоьल्लीна б1арлаг1аш
 Куьйгалли к1елхъарниш лоручу
 Цхъаццаболчарна
 Гечхилахь тамаша бу-кх,
 Уьш аттахетарехь,
 Адамаш
 Бохийна хъийзабар,
 Миска хиларна.
 Догъэт1ош байина д1абаьхча
 «Г1уллакхийн дай» боцу пекъарш,
 Эцначу даржашкахь, хьенан гихь
 1ан йохку эхьдоцу екхарш?

2

Шуна гиний?..
 Дуьйцуш а хезний-те,
 Шайн лаамехь дукъ
 Кочаэцначу стерчех
 Дийцина дийцарш..?
 Болуш а буй хьовха,
 Хилан тарлуш буй-те,
 Говраша г1оматаш
 Къуйьсуш теш хилларш?..
 ...Къахъега кховсийна
 Лелаш ма бац ткъа,
 И «хьена» меттигаш къуйьсурш.
 Мас-мадарш юсийна,
 Москалийн васташкахь
 Шайл лахарчарна т1амхьобкхурш.

Заза Датишвили

Грузия

Заза Датишвили по профессии врач. Автор нескольких десятков рассказов, пьес, романов. «Cheese Party» (сборник рассказов /“Diogene”. Тбилиси/, 2009г.), «Случайные встречи» (роман /«Siesta». Тбилиси/, 2010г.), «Близорукие звезд не видят» (роман /«LEM». Алматы 2013, 2014г.г./).

Несколько рассказов опубликовано в русской и грузинской периодике.

Рассказы**Где-то не к месту запел сверчок...**

Всадник с трудом выбрался из стремнины. Он еле держался в седле, и если б не природная сноровка, да и навык отменного наездника-джигита, давно бы свалился в низкую, душистую траву, растущую на крутом склоне. Уставший конь тяжело дышал и фыркал, беспокойно косясь назад.

Срывая шаг, конь напряженными рывками поднялся на пригорок и, воспользовавшись слабостью хозяина, попридержался, дав себе редкую возможность перевести дух. По левую руку обозначился контур снежных круч, предвещая близкое утро. Борясь со слабостью, всадник выпрямился в седле, подставив лоб утреннему ветерку, и так глубоко и протяжно выдохнул-простонал, что видно было: не от раны шел этот стон и не от боли, а от какой-то неодолимой печали, рвущейся наружу из глубин изможденного тела... От этого звука по крупу лошади прошла мелкая, паническая судорога. Всадник потуже затянул тесьму на окровавленной культе и поправил, завернутую в черную бурку, странную ношу, перекинутую через коня. Тревожно фыркнув еще раз, конь нервно переступил задними ногами, и почувствовав легкое давление коленом, осторожно продолжил путь.

С этого перевала начиналась чужая сторона. Узкая тропа, протоптанная животными и человеком, спускалась вниз. Петляя и теряясь местами, она протискивалась сквозь нагромождения больших, темно-синих валунов, огибала древнюю сторожевую башню, потом – спускаясь – пересекала обширные луга, шла вдоль жидкого березняка, и заканчивалась недалеко от обрыва – у тушинского села, приткнувшегося к скале, как шлепок огромного пчелиного улья.

Через час показалось и само село, теряющееся в предрассветной мгле. До него было еще далеко, и всадник лишь мельком глянул в ту сторону, но острый глаз все же заметил непривычную суету. Мелькали факелы, до слуха долетали приглушенные крики... Он хорошо знал причину этой суеты, страшился ее и отгонял, как нереальный, ночной кошмар, но как бы ему ни хотелось, отменить случившееся не мог – даже призвав Аллаха... или Шайтана... Застонав еще раз, он повел рукой по бурке и бессильно опустил голову на грудь, дав лошади тихо следовать дальше...

Вскоре всадник добрался до первых домов. В загоне для скота, чуть поодаль, поднялся неистовый лай пастушьих волкодавов, жаждущих разорвать обладателя чужого запаха. Они были заперты до выгона скота, от греха подальше, чтобы ненароком не загрызли женщину или ребенка. Спешившись, не обращая внимания на лай, всадник еще раз поправил ношу. Взяв коня за повод, он начал медленно, щадя силы, подниматься к дому Луарсаба. Вид окровавленного чужака с обрубком кисти был так страшен и неестественен в это тревожное утро, что никто из встречных не решался с ним заговорить. Женщины спешили укрыться в саклях, наблюдая из щелей за его продвижением. Мужчины, хмуро сновавшие

по селу, вздрагивали от неожиданности и, резко осадив лошадей, провожали подозрительным, злым взглядом взявшегося откуда-то лезгина, теряясь в догадках. Появление в грузинском селе одинокого чужака – с той стороны перевала, было большой редкостью. На такое мог решиться только очень храбрый или безрассудный человек: частые набеги лезгин, угон скота и похищения людей, казалось, не оставляли иных путей общения с ними, кроме мелких и крупных кровавых стычек, охоты друг на друга и взаимного недоверия. Да и под разными богами ходили...

И все же они были во многом схожи, эти затерянные среди скал гордые люди, живущие по разные стороны хребта. Жизнь в одинаковых, суровых условиях вылепила из них одинаково же безрассудных и бесшабашных, смелых, лихих и выносливых воинов, умеющих не только постоять за себя, не прощая обиды, но и ценивших достойного врага, храбрость, честь и верность данному слову... Зря, без надобности на смерть не обрекали, даже сторонились друг друга, а встретившись, вели себя так, как положено диким рыцарям, следующим канонам горского этикета.

На исходе короткого лета, по уговору старейшин, наступали редкие дни перемирия. Тогда для мена лезгины и тушинцы собирались в условленном месте, на перевале – у водораздела. Отсюда текли прозрачные и стремительные, полные форели реки. Одни устремлялись на север, другие – на юг. Текли, набираясь по пути мощи, голосистости и беспощадности...

Каждая сторона, торгуясь, предлагала свое: вышивку и нить, ковры и чеканную посуду, оружие, соль, кусковый сахар... Иногда, правда очень редко, между этими людьми возникало нечто похожее на дружбу, означающую пощаду и кое-какую помощь – в случае очередной стычки, или – при поиске пропавшего человека.

Именно на такой ярмарке увидел Самур, первый парень аула Цыхалах, дочь старосты тушинцев, Луарсаба. Увидел и в одно мгновение почувствовал, как без Мариам все вокруг теряло краски. Жизнь виделась серой и однообразной, как сквозь закопченное стекло. Налетев горячим вихрем, любовь взорвала его ладное тело, обрекая на нестерпимую, сладкую тоску. Гарцуя поодаль, Самур тайком наблюдал за Мариам. Та вместе с подругами примеряла ткань и волновала лезгина все сильнее и сильнее. В какой-то миг она почувствовала его взгляд. Смутившись, Мариам бросила хмурый ответ и поспешила к своим...

...Вернувшись домой, Самур угрюмо расседлал коня и не притронувшись к еде, завалился на тахту. Мать молча убрала ужин, села у очага и начала вязать, изредка поглядывая на сына. Она тоже была грузинкой. Исабек, отец Самура, похитил ее два десятка с лишним лет назад. Три дня скрывался Исабек от погони, в перестрелке потерял коня, но сумел добраться до Цыхалаха вместе с горячей, зареванной грузинкой. Но недолго горевала девушка Лела, превращенная в Лекию: пообвыкнув, она смирилась с судьбой, полюбив гордого красавца-мужа. Родив первенца, Лекия пела ему грузинскую колыбельную, учила говорить по-грузински и рассказывала чудные истории про изумрудную долину далеко от аула – в двух днях конного пути... Так бы и текла жизнь, если б во время очередного набега пуля грузина не нашла Исабека. Самуру тогда шел двенадцатый. Он вызвался идти вместе с другими лезгинами, чтобы забрать тело отца. Тогда он поклялся отомстить за его смерть...

Повзрослев, Самур стал гордостью аула. Лучшего джигита не знала северная сторона Кавказа. Его рассудительность и справедливость были так хорошо известны, что с ним советовались даже лезгины гораздо старше его.

Теперь же он, сумрачный, лежал на тахте и вспоминал Мариам, предаваясь невеселым мыслям. Знал Самур, что по-доброму никто ему, иноверцу, девушку не отдаст. Оставалось только одно – похитить ее, как когда-то сделал его отец... Найдя решение, он повеселел.

– Мать, – позвал тихо. – Хочу сказать что-то...

...Целый месяц караулил Самур свою возлюбленную. Исхудавший и одичавший, хоронясь от тушинцев, все ждал случая, и наконец, он представился: вчера, под вечер, Мариам пошла к роднику одна. Наполнив маленький кувшин, она поставила его на сланцевую ступеньку и начала умывать лицо. Самур смотрел на

нее и не верил своему счастью. Он подался вперед, сделав шаг.

Какая-то птица, испугавшись, вспорхнула, метнувшись в глубину леса. Девушка резко выпрямилась и прислушалась.

Самур вышел из кустов орешника, перекрыв тропу.

– Не бойся, – сказал и подошел ближе к затрепетавшей от страха девушке. – Не бойся...

У Самура от волнения срывался голос.

– Аллах свидетель, ничего, кроме добра, тебе не желаю. Поезжай со мной, порадууй мою мать и будь моей женой...

Мариам метнулась в сторону, но Самур схватил ее за руку, безотчетно повторяя: «Не бойся! Не бойся, жизнь моя!»

Девушка боролась неистово. Бледная и неодолимая, била и царапала ему лицо, пытаясь вырваться. Самур не хотел делать ей больно, и в какое-то мгновение он вздрогнул. Показалось – еще миг, и он сдастся, Мариам вырвется и улетит навсегда, лишив его счастья. Эта мысль показалась ему чудовищно несправедливой и противоестественной, что придала решительность, даже злость. Он схватил девушку крепче и, подняв вверх, повернулся к лесу. От напряжения и испуга девушка потеряла сознание, обвиснув на его руках. От борьбы платок сорвался, и лицо лезгина обожгли золотистые локоны с легким запахом дыма и мяты.

– Не бойся, не бойся, мечта моя, – потеряв голову, шептал Самур снова и снова. Добравшись до коня, привязанного вдалеке, он завернул бесмятную девушку в черную бурку. Взлетев в седло с легкостью тигра, поднял и ее. «Геть!» – просвистел пересохшими губами лезгин, и резким толчком дал понять коню, что теперь надо было мчаться домой во всю прыть... Только Самур мог скакать в полутьме по горным тропам. Только его верный конь мог не споткнуться на коварных спусках и изгибах. Только большая любовь могла гнать его к родительскому дому без остановки...

...Поздно вечером, когда уже совсем стемнело, Самур добрался до аула. Лезгини уже спали. Только привычно лаяли собаки, подбадривая друг друга. В доме Самура горел свет. Лекия ждала своего сына.

Подлетев к плоской кровле отчего дома, Самур резко осадил коня.

– Выходи, свековь! – крикнул весело и спрыгнул на землю. – Принимай невестку, мою Мариам!

Улыбнувшись, Самур посмотрел на звезды, сулящие долгое счастье и, сорвав папаху, вытер вспотевший лоб.

Поспешно вышла мать, в волнении прикрывая рот ладонью, постояла малость, потом молча подошла и обняла сына.

– Вот... – довольно сказал Самур и спустил с коня дорогую ношу. – Теперь это твой дом, Мариам...

Развернувшись, черная бурка осела на землю. Мариам все еще была без сознания.

Мать заохала-засуетилась.

У Самура неприятно кольнуло сердце. Подхватив могучими руками девушку, торопливо внес ее внутрь дома и положил на широкую тахту.

– Воды! Воды неси, мать! – закричал обреченно и стал водить ладонью по щекам Мариам. – О Аллах!.. Мариам! Очнись! Мариам!

Лекия принесла воду и обмыла девушке лицо, энергично провела влажной рукой по шее, стала тереть мочки, но все было напрасно. Мраморное лицо не оживало. Открытые глаза широкими зрачками неотрывно и удивленно смотрели на Самура, как бы укоряя за содеянное. Лекия с рыданием и громкими причитаниями отошла назад. С дребезжанием упал медный кувшин. Самур так и застыл на коленях, все еще не веря в случившееся, а осознав, испустил утробный, жуткий рык смертельно раненного льва. Он вскочил и стал метаться по комнате, пытаясь выплеснуть всю боль, дать выход отчаянию и чувству утраты, разрывающему грудь...

Зарывав, Самур вырвался на улицу. Там уже собирались встревоженные шумом и плачем соседи. При виде Самура расступились. Лезгин обжег всех невидящим, сумасшедшим взглядом, шатаясь подошел к угловому столбу и приложил горячий

лоб, застыв надолго. Потом, словно очнувшись, сорвал с гвоздя кожаную тесьму и накрепко, со злостью и остервенением стал наматывать на запястье.

– Самур! Не надо! – тревожно и робко позвали из толпы, но не решились приблизиться.

Лезгины хорошо знали этот страшный способ самосуда. Всякий джигит, уважающий себя и адат, был волен пройти через Это, пройти, чтобы искупить хотя бы малую часть вины, отдав в жертву часть самого себя.

– Й-и-ех! – глухо зарычал Самур, приложив руку к столбу. – Й-и-ех!..

Одним решительным взмахом кинжала лезгин отрубил себе кисть. Боли не чувствовал, только онемение прошло по потерянным пальцам. Задержался и зачесался кончик отсутствующего мизинца...

– Коня! – услышал он чей-то дикий хрип, прежде чем понял, что это был его собственный голос...

***

Луарсаб провел дрожащими пальцами по локонам любимой дочери. Как ни старался не поддаться горю, все же не удержался, задергав плечами в беззвучном рыдании. Выплакав, все же взял себя в руки, вытер глаза и, тяжело повернувшись, вышел, непривычно волоча ноги. Перед саклей, в окружении нескольких хмурых тушинцев, стоял еле держащийся на ногах лезгин. При виде хозяйина дома Самур упал на колени, опустив голову. Луарсаб подошел и стал молча разглядывать.

– Я знаю тебя, – хрипло произнесли, наконец, непослушные губы.

Он даже удивился, что они могут еще говорить, когда Мариам, его любимая дочь, там... бездыханно и бесчувственно... лежит на тахте, разрывая отцу сердце...

– Я тебя знаю, – повторил Луарсаб. – Ты Самур, сын Исабека. Так ли?

Самур молча кивнул, кренясь набок.

– Дайте ему воды! – тихо приказал Луарсаб.

Один из тушинцев послушно протянул кувшин лезгину и снова вернулся на шаг назад.

Самур стал пить жадно, большими глотками. Вода лилась на окровавленную череску, стекая вниз розовыми ручейками. Закончив пить, он оставил кувшин и снова застыл.

– Твой отец, хоть и был врагом, но жил достойно. И умер так же... И зачем ты взял на себя такой груз – нести отцу мертвую дочь?

– Потому... – Самур старался держаться. – Потому, что я любил ее.. И сейчас люблю...

Луарсаб стоял в задумчивости.

– Не ты ли виновен в ее смерти?

– Я... – сумел выдавить Самур. – Видит Аллах, ничего, кроме счастья, ей не желал. Задохнулась она... Случайно...

Тушинцы подались вперед, схватившись за кинжалы, но Луарсаб властным жестом заставил их остановиться.

– Ты хочешь оправдаться?

– Нет, Луарсаб. Я хочу быть честным перед ней и перед тобой... Я смерти хочу! Возьми мою жизнь за жизнь Мариам! Убей меня – убийцу твоей дочери!

Впервые посмел Самур взглянуть в глаза отцу Мариам. Лишь на миг, чтобы не выдержав, снова опустить к земле.

– Прикажи, Луарсаб, и мы возьмем кровь за твою дочь! – попросил молодой тушинец, дрожа от ярости.

– Не жить этой собаке! – добавил другой.

Луарсаб снова остановил их. Рука, задрожав, медленно приподнялась к рукоятке, но после небольшого замешательства вновь опустилась. Так и стояли долго, дав волю горю – царапать и рвать сердца на куски.

– Это ты... сам? – указал Луарсаб на обрубок кисти.

Самур снова кивнул.

Луарсаб задумался, хмуро сдвинув брови.

– Значит, за смертью ты пришел? – спросил наконец.

Лезгин не ответил.

– Не из робкого ты десятка, видать, – проговорил Луарсаб, не глядя на Самура. – Как твой отец... Остался бы в живых, если б не вернулся за раненым товарищем...

– Убей меня, Луарсаб... – повторил слабеющим голосом Самур. Меньше всего он хотел потерять сознание.

Луарсаб тяжело вздохнул, горестно опустив голову.

– Ты уже убил себя, лезгин... – сказал глухо. – Ты свою любовь собственной же рукой задушил. Разве может быть большего наказания?

Луарсаб снова замолчал. Молчали и тушинцы. В этой гнетущей тишине слышен был вой женщин изнутри сакли.

– Да и... Грехом на грех не хочу осквернить память мой дочери...

Луарсаб посмотрел на высокие кручи, как бы ища поддержки. Одинокая слеза, предательски покинув дом, покатилась по небритой щеке.

– Может, это ответ Всевышнего... За то, что тогда, двадцать пять лет назад, моя пуля настигла твоего отца, Исабека...

Холод нетающего ледника прожег спину Самура, мгновенно приведя в чувство! всю жизнь он страдал оттого, что не мог отомстить убийце своего отца, всю жизнь мечтал взять кровь, и вот: оказывается, он исполнил свою клятву! Но как! О Аллах! Вместо радости, он, теряя сознание, стоял на коленях перед отцом убитой им девушки, умоляя убить и его! Любовь к Мариам и настигшая беда все поменяли, делая из него послушного и безутешного раба – вместо мстительного и торжествующего врага!

– Смерть для тебя будет избавлением, Исабеков сын, Самур... – медленно произнес Луарсаб. – Иди со своим богом... Иди и носи этот груз по жизни, пока хватит сил...

– Тогда, – скинул красные глаза Самур, – оставь меня слугой, рабом, Луарсаб! – он прижал к груди кровавый обрубок. – Дозволь быть ближе к могиле моей Мариам!..

– Слугой, говоришь? – переспросил дрожью в голосе Луарсаб. – Слугой? – он застонал. – Чтобы каждый день видел я, как приносишь мне в дом бездыханное тело моей дочери?!

Он отвернулся, решив уйти. Потом, как будто вспомнив что-то, вновь обернулся к Самуру:

– Любовь – великая сила. Только ненависть может с ней сравниться. И то, и другое заставляют совершать поступки, где все перемешано: и хорошее, и плохое. Иди, Самур...

***

Его оставили на окраине села, совсем недалеко от того места, где он похищал Мариам. Молодые тушинцы скрипели зубами, горюя, что не могут нарушить приказ Луарсаба и прикончить ненавистного лезгина. Тычками нагаек доволокли Самура до околицы, посадили на коня и, плюнув напоследок, удалились.

Долго стоял конь, ожидая приказа хозяина. Вдалеке, в загоне для скота, снова залились волкодавы.

Самур, подняв голову, выпрямился в седле и прислушался.

– Разве в раю не исполнится то, что осталось несбыточным в этой жизни?! – прошептал он.

...Сойдя с коня у загона, он провел здоровой рукой по вспотевшему крупу лошади.

– Прощай, Казбек, – Самур приложил бледный лоб к пульсирующей шее друга, отчего по ней снова прошла нервная судорога. – Изменяю я тебе... раз решил покинуть... Пусть другой джигит тебя оседлает, удачливее меня...

Шатаясь, Самур пошел к изгороди, решительно открыл ворота и шагнул навстречу неистовствующим псам...

***

Через час пастухи нашли то, что осталось от Самура. Конь яростно ржал и не подпускал к себе, но и не отходил от того места, где последний раз видел своего хозяина.

О случившемся рассказали Луарсабу. Он уронил голову на грудь, делаясь еще чернее и мрачнее.

– Пусть оплакивают лезгина... – заговорил после длинной паузы. – Он того заслужил... И... Похороните по-людски... Так, чтобы... недалеко от могилы моей Мариам покоился...

Он снова застыл.

– А с конем как? – робко спросил тушинец, переминаясь.

Луарсаб долго не отвечал.

– А с конем как? – решились переспросить. – А, Луарсаб?

– Убейте коня! – прохрипел, наконец, староста, не сопротивляясь слезам. – Застрелите его... Он принадлежал такому парню, что будет нечестно, если кто-нибудь другой его оседлает...

Горестно простонав, он снова опустил голову, отдавшись безрадостному течению жизни.

Где-то не к месту запел сверчок...

Поединок

На первый взгляд, рана казалась пустяковой. Маленькая, аккуратная дырочка рядом с левым соском почти не кровила. Только смертельная бледность и упавшее в пропасть беспамятства кровяное давление подсказывали, что все гораздо серьезнее.

Еще повезло, что, несмотря на поздний час, бригада была на месте: только что закончили сложную операцию. В конце коридора, в святая святых хирургов, куда заходить простому смертному – как в церкви за амвон – было строго запрещено, стояла привычная, но неторопливая, послеоперационная суета. Все еще пищал монитор. Медсестры звенели биксами и убирали блестящий инструмент, разложенный на стерильном «прилавке». Санитарки прикатали каталку. Ассистент накладывал последний шов.

– Дыши-дыши, дорогой, – приговаривал без эмоций анестезиолог и ерзал на стуле, стараясь вернуть чувствительность онемевшей заднице. Убедившись, что больной задышал, он отключил аппаратуру и стал удалять наркозную трубку. Вытаскивая бесконечно длинный бинт из горла пациента, он смахивал на ловкого факира, уставшего удивлять народ...

Было предвкушение долгожданного отдыха.

Главный хирург райбольницы бросил в корзину перчатки и жеваный зеленый халат.

– Спасибо, ребята, – кивнул всем. – Сергей, как кончишь, зайди ко мне. Напишем протокол сегодня же, мало ли что...

– Хорошо, Борис Алексеевич, – не поднимая головы, пробубнил через маску ассистент.

Выходя из операционной в «предбанник», главный хирург мельком глянул в зеркало на свое отражение. Вид у него был уставший и потрепанный. Глаза ввалились и почернели, но главное – в них зажила вечная тревога. Работать приходилось много, а годы были уже не молодые... Раньше, бывало, сутками мог стоять у операционного стола, дежурил без усталости, но в последнее время начал сдавать... «Год за три, как в Арктике» – шутил он, борясь с вечным напряжением стопкой-другой коньяка, как это делали многие из его коллег...

...После операции его всегда поджидали у ординаторской. Разный был это народ,

но обычно – притихший и робкий, благоговейно взглядывающий, понимающий, что этот сутулый, чуть обрюзгший человек с мешками под глазами, сейчас – Бог! Он – вершитель судьбы того, кого они любят и за кого болеют! Он был незаменим на ближайшие четыреста километров, и эта незаменимость изнашивала его...

Главный хирург вел бесконечную войну со смертью, даже вступал с ней в молчаливый спор. Может, это была и не смерть вовсе, а изнанка его самого, Нечто, использующее его слабости, сомнения, страх совершить ошибку, его болячки, наконец...

Но он всегда был начеку.

«А вот возьму, и устрою тебе несостоятельность швов! – ехидничала Смерть. – Разойдутся кишки-то твои...»

«А я шов Альберта наложу, – отвечал он, и пробовал кеткутовую нить на разрыв. – Как кончу – проверю, не протекает ли. Ты меня на ошибку не лови, не на того напала...»

«Ты нарушаешь незыблемость законов бытия! – ныла Смерть возле уха. – У нас все расписано! Мы заранее знаем – кому что уготовано, а ты вносишь сумятицу! Этому старику умереть надо в этом месяце! И никаких гвоздей! Сердце у него никудышное!»

– Володя, смотри за сердцем! – парируя, обращался хирург к анестезиологу. – Дотяни уж, прошу, полчаса осталось...

– Пока держимся, Борис Алексеевич... – отвечал тот. – Штатно идем, гликозид капаем, давление в норме...

С таким соперником победы давались тяжело. Смерть все-таки умудрялась иногда выигрывать.

«А ты как думал! – замечала та самодовольно. – Зря, что ли, на этом свете разлитой перитонит или там сепсис существуют?!»

Тогда предательски обострялась мерцательная аритмия, и слова, сказанные родным умершего, были скупыми и горькими... Главный хирург всегда винил себя, не сопротивляясь боли. Замыкаясь, он ходил хмурый и немногословный и с особой тщательностью готовился к следующему поединку со Смертью.

В минуты побед главный хирург расцветал. Из его кабинета раздавался громкий смех. Он любил делиться радостью со всеми, становясь шумным и веселым гулякой.

– За всех, кого мы любим! – предлагал любимый тост за скорым застольем в ординаторской.

– И за тех, кто нас любит, Борис Алексеевич! – жеманно добавляла Клава, сестра-анестезистка, и тянулась стопкой.

Тогда куда-то пропадала не только Смерть, но и мерцательная аритмия.

Ради торжества этих маленьких и больших побед он и жил...

...На этот раз тоже ждали у ординаторской. Оказалось – сын и сноха больного. Сказав им ободряющие слова, он зашел в свой кабинет, устало опустил грузное тело в потрепанное, жесткое кресло и косо взглянул на холодильник. Стопка коньяка и сигарета были обязательными после операции...

Он включил сотовый и только потянулся к пепельнице, как раздался звонок.

Главный хирург боялся этих звонков. За ними часто скрывалась чья-то тревога или беда, требующая его непрямого участия.

Предчувствие не обмануло.

– Боря! – завизжал женский голос. – Боря! – повторил в рыданиях. – Горе-то какое, господи-и!

– Кто это! – он привстал и почувствовал, как по затылку прошел холод. – Говори спокойнее!

– Да я это, Ольга! – с надрывом ответила та, не переставая рыдать. – Убили Сашку-то нашего!..

Теперь холод сковал все тело.

– Как... – еле промямлил и осел в кресло, безвольно уронив руки. – Как...

В трубке еще что-то верещали, но он уже не слышал.

Заныло сердце.

Зашел ассистент. Сразу понял – что-то не так.

– Шеф, что с вами? – спросил озобоченно. – Опять сердце прихватило?

– Сашку моего убили, Сережа... – не поворачиваясь прошептал онемевшими губами главный хирург.

– Как?! – переменялся в лице ассистент.

Услышав какие-то звуки, доносящиеся из неотключенного телефона, он бережно взял сотовый из его рук.

Там уже кричал чей-то мужской голос.

– Алло... – решил разобраться ассистент. – Алло... Это не Боря, это Сергей... Ага! – взволнованно закивал, покрываясь румянцем. – Сейчас же скажу! Борис Алексеевич! – отнял от уха сотовый. – Шеф! Везут его! Еще живой, оказывается! Прямо в операционную внесите! – крикнул в телефон. – Мы ждем!

Бросив сотовый на стол, он выбежал в коридор, напугав проходившую мимо, постовую сестру.

– Надя! – схватил ее за руку. – Беги в послеоперационную. Скажи Володе, пусть готовится, будет срочная операция! Потом зайди в блок, девчонкам тоже передай, они еще там! Потом вернись и жди: как привезут раненого, сразу в блок кати! Бегом, давай!

Из кабинета вышел главный хирург. Оба стремительно направились в конец коридора. Из послеоперационной выбежал анестезиолог.

– Что случилось?

– Сашку ранили, – на ходу бросил ассистент и кивком указал. – Его брата...

– Е-мое! Что хоть сказали-то, куда ранение?

– Сказали – в сердце, – запыхаясь, ответил ассистент.

– Господи, пронеси!

Главный хирург шел в операционную, стараясь унять предательскую слабость в коленях. Сердце колотилось от перевозбуждения. Миновав предбанник, он не стал мыть руки, а прямо сунул в тазик с диоцидом. Подержав с минуту, вошел в операционную.

– Оля! Вату со спиртом, и одевай нас! – крикнул срывающимся голосом, и застыл, подняв руки, чтобы нырнуть в халат. – Клава, готовь первую группу, резус плюс! Минимум литра полтора понадобится...

Ему нужно было войти в привычную форму. Отгоняя все ненужные эмоции, главный хирург переключился на операцию, мысленно представив ее ход. Ему и раньше доводилось оперировать знакомых и друзей, и он знал, как это мешает в работе. Тогда он отвлекался, видя отграниченный простыней, нейтральный остров операционного поля, принадлежащий просто больному, а не конкретному человеку. Так работалось проще. Пациент, как пациент...

Но оперировать младшего брата! Сашку!..

– Борис Алексеевич, все! Мы готовы! – отрапортовал Володя, и как раз в это время влетела каталка с умирающим братом.

С умирающим... Сашкой...

Эта страшная истина периодически билась о разум, как штормовая волна о волнолом, и в эти секунды он становился беспомощным...

И беззащитным...

...Санитарки быстро раздели раненого.

Смазали йодом всю грудь. Анестезиолог впился в подключичную вену. Клава начала ставить системы...

На первый взгляд рана казалась пустяковой. Маленькая, аккуратная дырочка рядом с левым соском почти не кровила. Только смертельная бледность и упавшее в пропасть беспомыслия кровяное давление подсказывали, что все гораздо серьезнее.

– Начнем! – приказал главный хирург. – С Богом!

Он старался не смотреть на бледное лицо брата.

«Ну вот... – включилась Смерть в привычный диалог. – Даже и не знаю – что сказать... Этот канат тебе не перетянуть!»

...Сложнее всего было сделать первый надрез. Всегда было сложно. Он нарушал

идеальную целостность и гармонию, созданную кем-то на небесах, обещаая взамен топорно срубленный, грубый шрам...

– Давление почти ноль, шеф. Низкий вольтаж, тахикардия... – докладывал анестезиолог. – Не потерять бы... Клава, первые триста грамм введи струйно. Добавь преднизолон...

«Может быть тампонада сердца, – подумал хирург. – Хоть бы не остановилось!»

«А мы и это можем устроить... – вкрадчиво заметила Смерть.»

– Готовьте дефибриллятор на всякий. Поехали.

Сделали длинный разрез по межреберью. Быстро прошли к грудной полости, отложили в сторону лес зажимов и расширили операционную рану.

– Суши, Сергей... Прижги вот тут...

Главный хирург закрепил зажимом салфетку и внимательно осмотрел зияющую, кровавую яму с щевающим дном. Было задето левое легкое с плеврой. Дальше рана шла через сердечную сумку, откуда сочилась кровь.

– Сушите отсосом! – приказал он. – В перикарде много крови.

Вскрыв и отодвинув перикард, он увидел саму рану. Она шла через левый желудочек сердца, отдавая пульсирующим фонтаном.

– Ну все, начинаем зашивать миокард, – приказал коротко. – Давай кетгут, Оля. Проверь на прочность... У нас пара минут...

«А... мои уроки! – съехидничала Смерть. – А помнишь ли, как два года назад я выиграла у тебя, когда забрала к себе того парня, с разрывом печени? Плохо зашивалось, да?»

– В два ряда, – прошептал главный хирург. – Сначала глубоко, параллельными, чтобы края стянулись, потом сверху... Суши! – крикнул на сестру. – Сколько раз говорить!

Приноровившись, он опустил кривую иглу вглубь раны и прошил мышцу, тут же протянув кисть за следующей. Сергей перехватил нить и стал осторожно, но уверенно завязывать, придерживая узел кончиками тонких пальцев. Быстро у него получалось. За этой быстротой стояли часы тренировок...

Прошили и верхний ряд.

Кровотечение сразу прекратилось. Вроде, все держалось хорошо.

– Как давление?

– Низкое, но выше критического, Борис Алексеевич...

– Хорошо. Перешли на плевру. Оля, подготовь капрон. Сколько времени работаем?

– Второй час, Борис Алексеевич... Клава, добавь релаксанту, а то он у нас со стола сбежит!

«Ну, теперь держись, дорогой», – подала голос Смерть.

«Что значит... Только не это!»

Главный хирург увидел, как затрепетало сердце, и, дернувшись неуклюже, как забарахливший мотор, остановилось.

– Дефибриллятор! – услышал он свой хриплый голос. – Оля, адреналин! Сергей! Электроды!

Он быстро ввел адреналин в сердце. Потом обхватил ладонями бездыханный, упругий комок и начал сжимать, тшетно пытаясь не отпустить жизнь...

Ассистент уже держал электроды.

После второго разряда сердце заработало. Сначала робко и судорожно, потом – все увереннее.

– Есть пульс! – обрадованно крикнул анестезиолог. – Господи! Что за ночь! Как кончим – напьюсь!

Санитарка вытерла пот со лба главного хирурга.

«Конечно, теперь техника такая пошла...» – заныла Смерть.

«А ты говорила! Не отдам его, и все тут!»

...Главный хирург был старше Сашки на пятнадцать лет. Те два года, до окончания средней школы, были для него чудесным воспоминанием. Сашка был не только братом, но и сыном: улыбчивым, крепким малышом, появившимся

неожиданным праздником в скучной, провинциальной жизни.

– Уси-пуси-уси-пуси! – водил он губами по пузу, фыркая по-лошадиному, и Сашка заливался смехом. – Уси-пуси-уси! Потом Сашка начинал ползать по нему, обдавая слюной, такой сладкой и родной...

– Дайте друг другу вздохнуть! – с улыбкой говорила мать. – Не нацеловались еще...

Потом он поехал учиться в институт, а после института, до возвращения в родной город, работал в другой области...

За эти пятнадцать лет разлуки Сашка превратился в подростка, а потом в зрелого мужчину. Теперь странно было представить, что этот женатый, взрослый мужчина и есть тот самый маленький херувим – Сашка, которого он купал в корыте, учил ходить, ложился спать вместе, а позже, после возвращения домой, тайком давал карманные деньги, отваживал от сигарет и разбирался с его друзьями – при надобности...

– Давление низкое, но стабильное, – сообщил анестезиолог. – Вроде, выкарабкались, а, Алексеич!

Санитарка, стоявшая в дальнем углу, ахнула и метнулась из операционной – сообщать всем хорошую новость.

Только сейчас, перегнувшись за занавесочку, главный хирург посмотрел на брата.

Его Сашка был жив.

– Уси-пуси, мой Сашенька... – прошептал. – Губки-то порозовели...

Кружилась голова.

– Что-то мотает меня... – признался, качнувшись.

– Идите, шеф, отдохните уж, – сказал Сергей. – На вас лица нет. Я докончу, тут осталось всего ничего...

– Хорошо... – упавшим голосом ответил. – Только смотри, Сергей, за нижний край ребра не зацепись... Володя, начни гепарин. Будьте внимательны, ребята. Чуть что, зовите...

– Конечно... – ответили вместе.

Главный хирург вышел в коридор, пошатываясь. Даже размываться не стал. Только перчатки со следами крови младшего брата сбросил, как надоевшую, мертвую кожу...

У ординаторской стояла небольшая куча соболезнующих. Никто ничего не сказал. Только еле заметный шелест одобрения прошелся по коридору. Кивнув, он молча миновал людей и зашел к себе, плотно притворив дверь. Какое-то время главный хирург стоял в нерешительности. Потом открыл холодильник, задумчиво поглядел внутрь и снова закрыл.

Тяжело сев в кресло, он закурил, устало склонив голову набок.

«Что ж... Ты победил меня, – сказала Смерть. – Ты победил в главном сражении своей жизни... победив и страх за родного человека».

«Да... – согласился он. – Но даром такие победы не достаются...»

«Верно говоришь... – Смерть выждала секунду. – Кстати, я не говорила тебе, что есть маленький тромб в твоём правом предсердии? Он оторвется через минуту, напрочь заткнув легочную артерию...»

Главный хирург приподнялся, было, но неодолимая боль пронзила грудную клетку.

– Я... – прохрипел он и снова осел. Потом тяжело выдохнул и застыл, уронив голову...

«Достойная замена брату», – сказала Смерть и, притворно вздохнув, добавила молодцевато:

«Свято место пусто не бывает. Правда, ведь, Боренька?..»

Кто-то робко просунул голову в кабинет:

– Извините доктор... Я из шестой. А лимончик моему можно давать?..

Хеда Мизаева**Воображение**

Что же ночи меня совсем не любят?
 И Морфей никак не укроет крылом.
 Одиночка у окон
     просроченных буден,
 Шепчу каждому ветру
     «ты мне знаком».
 Расстаюсь с минутами окончательно.
 Набираю номер
     замерзшими пальцами.
 Не запишет меня
     под графу «мечтательна»,
 Не сведу с ума его глупыми фразами.
 Только я не могу по-другому, иначе.
 Пусть смеются мудрейшие
     надо мной,
 Мое сердце нашло
     любимого мальчика.
 Ну и что, что придуман он
     мною самой?

Если нельзя

Ни слова о любви – и точка.
 Потеряна предвыборная закалка.
 Не рвите горе-цветочки,
 Не поможет, тем более, гадалка.
 Просто случается очень часто,
 Что растут цветки не друг с другом.
 Кто-то медленно, кто-то страстно,
 Обрывает лепестки на досуге.
 Синее небо станет лекарством,
 Если правильно к нему
     пристраститься.
 Отдавайте взамен хоть все царство,
 А придется посторониться.
 Надо лечь и смотреть выше,
 Пока звезды не станут солнцем.
 Если нельзя никак быть ближе,
 Станьте таинственным незнакомцем!

О тебе

Зимние ночи у телика,
 Параллельно –
     пребывание в интернете.
 У меня молчаливая истерика,
 У тебя – забывание обо мне.

Твой «онлайн» Вконтакте –
     маяк ожидания,
 Но, как видимо, светит вовсе не мне.
 Да, знаю, я не та самая...
 Только сердце вот учащенной стучит,
 Если имя мое от тебя звучит.
 Под табу теперь разговор о стихах.
 О тебе все пишутся.
 О тебе.
 Неожиданно и негаданно,
 В мою душу постучалась она,
 Та, чьему имени я не рада,
 Та, что с ненавистью в родстве.
 И мне страшно вслух говорить о ней,
 Неизбежен приход грустных снов.
 Замечаю все чаще
     тихий шепот теней.
 Как же мало осталось
     добрых голосов.
 Снова текст набираю,
     ты уже не «онлайн»,
 Но вернешься, знаю,
     к моим глупым стихам.
 О тебе все пишутся.
 О тебе.

Соседство с призраком

Она сидела у окна,
 Прикрыв безжизненные
     ноги одеялом,
 И по щеке текла слеза,
 И не одна...
 А за стеной мелодия звучала.
 Мелодия звучала,
 И она
 В порыве гнева закричала:
 «Очнитесь!
 Действуйте!
 О, не молчите!
 Хоть что-нибудь...
 Хоть что-нибудь скажите мне.
 Меня ввергает в смуту ваша тишина.
 Я вас ищу
 И нахожу всегда лишь пустоту.
 Ни отклика.
 Ни крика.
 И за стеной
 Самозабвенно
 Звучит мелодия.
 А как же голоса?
 Живой вы или мертвый?
 О, не молчите!
 Я вас прошу,
 На зов мой отзовитесь,
 Хоть еле слышимым
 Стуком по стене –
 Чтобы почувствовать,
 Что там, во тьме
 Годами лелеемой тишины,
 Вы были живы.
 Могли любить,
 Страдать,
 Сочувствовать
 И спор вести,
 Со смехом разрушая доводы чужие.
 Могли глазами
 Искать в толпе
 Знакомых лиц движенье.
 И пальцами касаться
 Страниц и книг,
 Приборов,
 Клавиш и цветов,
 Предметов разных и сооружений,
 И этих самых лиц.
 Могли глаза в глаза
 Всю правду говорить,
 Не покоряться обществу

И своду глупых правил.
 Что вами правило намеренье не злое.
 Что были вы смелы и непокорны
 Трудностям и боли.
 Что ваша воля
 Подобна была стали.
 Что вы мечтали
 И, что...
 О вас мечтали...
 Мне важно знать, что вы там есть,
 Что вы существовали...
 О, не молчите.
 Заклинаю,
 Всем тем, что дорого вам было.
 Я верю,
 Ваше сердце не остыло...»
 Она вздохнула глубоко,
 С надеждой на стену смотря.
 Мелодия звучала,
 И больше ничего...

Из-за него

Падает, падает в бездну.
 Кажется все нечестным.
 Столько вытерпеть ради,
 Ради чего?..
 Снова сюжет туфтовый,
 Левая давит обувь.
 Хочется все послать к черту.
 Из-за чего?..
 Мысли мешают думать,
 Влажно глаза блестят.
 Сколько до дома топтать,
 Сколько еще?..
 Вот бы лететь ветром,
 Славить все континенты,
 Напрочь забыв о том –
 Из-за кого...

Забери меня, Питер...

Забери меня, Питер, в Неверленд,
 Возрастные границы нарушая.
 Пусть я стану частью легенд,
 Чем к семидесяти лет глухая.
 Пусть я буду там, где лишь смех
 И вокруг будут милые дети,
 В буйном счастье лететь буду вверх,
 А не падать в лживости сети.
 Забери меня, Питер, спаси.
 Научи от земли отрываться.

Ты же можешь, я знаю, нести
Свет, отчаявшимся стать сорванцами.
Не хватает нам, здешним, снов,
Где по радуге от Крюка сбегает,
И русалочьих блестящих хвостов,
Обдающих водой, вместо чая.
Забери меня, Питер, к себе.
Даже Динь я буду послушна,
Но не сдамся я ей в борьбе,
А иначе нам с ней будет скучно.
Я ждала тебя с детских лет,
На ночь окна не запирая.
Ну же, Питер, я твою вижу тень,
И я знаю, вам там нужна мама.

Отпускай

Я не хочу,
чтобы мне причиняли боль.
Привкус соленый привычен,
но горек.
Я же училась молчать обо всем,
Но полюбила – и вырвалось вскоре.
Все что так тщательно я берегла,
Я повествую тебе без сомнений.
Если считаешь пустыми слова,
То прекрати скорее мученья.

Вовсе не добро

Они мне говорят –
ты бездонное море,
В тебе столько тайн,
мы боимся в тебя заплывать.
Я делано-смущенно оттягиваю ворот.
Не бойтесь, друзья, у каждого
свой самодельный ад.
Они мне говорят – ты такая сильная,
Каждый раз в итоге
добиваешься своего.
Я молчу, а в груди-то
печаль могильная.
Жду от них помощи,
а получаю – ничего.
Они мне говорят – ты такая хорошая,
Понимающая и у тебя
очень добрый взгляд.
Я улыбаюсь им и киваю нарочно.
Знать бы вам, как слезами
вымываю яд.
Они мне говорят –
ты такая счастливая,

Голос звонкий и мимика –
просто отпад.
Я смеюсь залиvisto, но суетливо
И мечтаю, чтоб поняли,
что невпопад.
Они мне говорят... они мне говорят...
Я смотрю на них –
и не знаю, как верить.
Я все жду, что когда-нибудь
мне объяснят –
Как возможно, что с морем
меня можно мерить?

Самобичевание

Взгляд в пол, в грудной клетке
томится птица.
Если б мог ты позволить ей
самой от себя освободиться.
Она б улетела, она б упорхнула,
но вот, вонзаешь ты спицы.
Ее хозяйке ночами и днями не спится.
Кто знал, что страницы
сожженные лгали.
Она в этих трактатах присвоила
ему кучу регалий,
А он идет не спеша и молчит,
но зато с ней в реалиях.
Не замечают никаких
природных аномалий.
Ей хочется кричать,
но Хиросима и Нагасаки
не такое видали,
За исключением стали,
что явно не в ее сути.
Мутит от одной мысли,
что другие также страдали,
Посещая заведения,
предлагающие чашечку ртути.
И как же ей рады забытые в углу
мрачные тени,
Зовущие на спор,
и хохотом, режущим слух,
Пугают дитя,
что просится ей на колени.
Она притворствует –
что разум к ней самой глух.

Почему?

Почему, когда ждешь – и вот, кажется,
что нашла его,
Оно – недоступное, запретное
и якобы не твое?
Почему, когда для тебя он
как самый сильный магнит,
Ты до боли сжимаешь пальцы рук,
и сердце твое болит?
Почему, когда твердят: «Не молчи,
откройся ему, признай»,
В лоб получаешь жестокое:
«Не можем быть вместе, знай»?
Почему, когда чувствуешь,
что нашла то самое оно –
Кто-то нашел это самое
давным-давно?

Нет

Меня нигде ничто не держит,
Закрыв глаза, иду вперед.
Если не вижу я надежды,
Зачем мне, спрашивается, слог?
Кому? Зачем? Оно мне надо?
Или я чужое миру чадо,
Или ворон эдгаровских книг –
Что в мир этот как-то проник?..
Нет, не была, не есть, не буду.
Оставьте здесь меня одну!
Когда про все и всех забуду,
Я обретаю пустоту...

Первой уйду я

Я всегда помню тех, кто ушел:
Полувзгляд, полувздок и «прощай».
Словно в гости случайно зашел,
И за душу задел невзначай.
Одинокая тень у двери,
По сигналу, по стенке сползла.

Если будут страдания – иди...
Не забудь взять два черных крыла.
Почему же черны? Угадай!
Коль смешать боль,
жестокость и страх,
Разве можно попасть с этим в рай,
Постоянно танцую в кострах?
Отчего ты угрюм так и тих?
Волен мне ничего не желать.
Мой надменный, любимейший псих,
Я уйду по тебе умирать...

Ветер

Ее не стало в 7.47 –
Ветер унес
с этой пыльной столицы.
А уже ровно в 8.00
Они вместе отдыхали в Ницце.
Растрепав ее черные космы,
Ветер шептал ей что-то про космос,
О том, как звезды его пленяют,
И лишь она эту власть ослабляет.
Ветер ревновал ее к морю,
Боялся, что, поддавшись его зову,
Захочет морской стать царицей.
Но ей ближе был полет птицы.
Ветер показал ее всему миру,
Насвистывал мелодии,
подобно сатиру.
Вырывал зонты из рук прохожих,
Что осмелились посчитать
ее с чем-то схожей.
Она заливалась смехом, зная,
Что для них она сродни яркому свету,
И там где они пролетали вместе,
На мгновенье наступало лето.
На часах – 7.47; на устах – улыбка,
ее глаза закрыты.
Окно открыто,
Ветер смеется звонко.
И наступает лето.

Мне нравится

*Мне нравится, что вы больны не мной.
Мне нравится, что вы больны шизофренией –
Когда дрожащей тощею рукою вы рвете книжные порывы.
Мне нравится быть вашим злобным другом,
Мне нравится шептать вам на ухо о муках –
Когда не в силах справиться с толпою, вы подтвердили слухи.*

Олег Джургаев**Очерки****Полюби природу. Да любим ею будешь**

(Из блокнота писателя)

Жизнь – штука великолепная. Об этом узнаешь, лишь полюбив природу. Она без конца создает новые формы: то, что существует теперь, никогда не вернется. В соприкосновении с природой я находил новые силы, одухотворялся, вдохновлялся, обновлялся. Но всю ее познать не дано никому.

Именно на этой почве рождались древние религии, на незнании природы, на суеверном поклонении ее явлениям. Так сначала родилось язычество. Потом возникла сабейская религия, проповедавшая в своем первоначальном виде веру в единого бога.

С ней соперничала вера огнепоклонства – магизм, или зороастризм, учения которой записаны в книге «Зенд Авеста» ее великим пророком Зороастром. И она первоначально отрицала язычество, и в ней присутствовали две действующие силы: Ормузд и Ариман. Первый – ангел света, второй – ангел тьмы. Но впоследствии и ее ревнители дошли до того, что стали поклоняться свету, огню (бог) и ненавидеть тьму (сатана, дьявол). И вот, высказываясь о сабизме и магизме, то есть о разных формах поклонения природе, Соломон Премудрый так сказал: «Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали виновника, а почитали за богов правящих миром. Или огонь или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила. Если, пленяясь их красотой, они почитали их за богов, то должны были познать, сколько лучше их Господь. Ибо Он, виновник красоты, создал их».

Господь живет в своих творениях, он виден в каждой частице природы, покрытой легким флером туманности и загадочности. Это величайший Творец и художник. Из простейшего материала Он создает массу разнообразия, без малейшего усилия Он достигает высшего совершенства, величайшей точности, ювелирной взвешенности и микроскопической сбалансированности. И у нее, у природы, есть Богом заложенная логика, нам недоступная и с нашей человеческой логикой не сообщающаяся, и ее не поймем, не признаем до тех пор, пока она нас, как колесо, не переедет. Бог наказывает нас и за излишнее неразумное пожелание природе, и за то, что мы бездумно запускаем руку в ее кладовую

***

Я всегда пытался проникнуть чувством, сердцем, сознанием в эти святые таинства природы. Проникнуть, чтобы тонким слогом, гибкими образами описать свое восприятие великого творения Всевышнего, которым ОН нас щедро вознаграждал... задаром. Но то, что даром дано, не всегда ценится человеком. И с этой неблагодарностью мы встречаемся, можно сказать, на каждом шагу. И здесь, в Уссурийском крае, там, где мне доводилось жить, следы неблагодарности человеческой видны повсюду. Гигантские мехлесхозы, ведя бессистемную заготовку древесины, образовали на сопках и падах незаживающие проплешины. Тут и там лежат груды невывезенных полусгнивших бревен.

В реках уродливыми горбами проглядывают из чистых еще струй и потоков так называемые топляки и коряги, от гниения которых происходит выделение вредоносных веществ, что в конечном итоге вызывает болезни и гибель рыбных ресурсов. И этот, пока еще не столь масштабный, экологический перекос является своеобразным эхом перекоса психики местных жителей, в падении нравственности, во все нарастающей их деградации. Большинство из них или не получили от своих родителей интереса к природе и чувства уважительного отношения к ней, или же утратили то, что было вживлено в них наследственными генами.

Взяв с собой карбид, выпивку и закуску, двинулась на моих глазах развеселая компания в ближайшую таежную чащобу на Уссури. А потом гремели там взрывы – то карбидом глушили рыбу. После повалил с того конца дым, загорелась тайга по-над изумительным плесом.

***

Долго еще будет залечивать природа глубокие раны, нанесенные только этой компанией, одним своим существованием опровергающей теорию Дарвина о происхождении человека от обезьяны. Образом действий и жизни они скорее доказывали обратное – обезьяна произошла от человека. Все эти недочеловеки от пьянок и грубого примитивного разврата только по своим физиологическим параметрам могут быть отнесены к «хомо сапиенс».

Кто небрежен с природой – того она не облагораживает. У кого нет Бога в сердце – тот невежда и напоминает собой одичавшую бродячую собаку, стаи которых в облике человеческом я лицезрел в этом громадном крае. В соприкосновении с природой большинство его обитателей не только не одухотворяется, не вдохновляется и не обновляется – в соприкосновении с природой они звереют, и природа наезжает на них колесом.

Уже переехала. И когда-нибудь их потомки, если, конечно, не вымрут вовсе, с начала будут лазить по деревьям, потом изобретут огонь и станут жить в пещерах; научатся делать каменные и костяные наконечники; станут поклоняться явлениям природы. Появится потом что-то вроде сабейской, а затем и зороастрийской религии. Если крыло эволюционных процессов все же подхватит их, то, возможно, поднимутся они до уровня истинной чистой религии, почитающей природу, как творение Бога, и себя в ней, как ее органически неотъемлемую частицу.

Лесополоса

По рыхлому снегу пробираюсь к знакомой лесополосе. А вот и она. Затянувшееся глухозимье крепко еще держит деревья в ледяных оковах, с которых синей окалиной то и дело осыпается иней.

За свинцовой хмарью, обложившей небо, прямо на макушке седого тополя едва угадывается мутно-оранжевая горошина солнца.

Вид солнца, даже укутанного студенными туманами, вселяет надежду, что не за горами весна. Впрочем, ее признаки, если приглядеться внимательней, повсюду можно найти: снег стал уже ноздреватым, подтаяли приствольные круги деревьев, на бровках маленького ложка, тянувшегося вдоль лесополосы, пробрызнула травка.

Стоп! Кого же я вспугнул? Да это же ласка – небольшой, хитрый и очень хищный зверек. Здесь она обычно мышкует. Как ни ухитрялись полевки в период предзимья, создавая сложную систему ложных норок и ходов, ласка с поразительной ловкостью ориентируется в их «инженерных» хитросплетениях. Вынырнула она опять мне навстречу из мышиной норки и вроде бы та же самая невинная мордочка, но ее выдает капелька крови, гранатовым зернышком застывшая на шерстке зверька. И снова гибкое змеевидное тело ныряет под снег.

Чуткая сорока, залетевшая сюда пожить, бдительно наблюдает с вершины дерева за лаской. С каждым появлением зверька белобока издает резкий хриплый звук. Вслед за этим слышится вялое попискивание продрогших синиц и овсянок. Потом подает голос хохлатый жаворонок – мелодичное цвиркание. Его предки родом из Африки, но теперь он прописался в наших краях. Жаворонок частый гость лесополосы, где в зимнюю бескормицу ему удается лакомиться плодами шиповника. А по хохолку этой буроватой с пестринами птички можно безошибочно судить о его настроении: если прижат к головке – значит, удручен, а когда торчком хохолок – значит, жаворонок в настроении. Сейчас перья на его головке распустились веером, да и в голосе его нетрудно было угадать некоторую приподнятость. Но почему он в настроении, ведь удручающая мгла глухозимья кругом? Я прислушался чутко.

...Зашлась вдруг лесополоса разноголосьем птичьим: от неожиданности и избытка новых чувств жаворонок взлетел, ввинтился было ввысь, но, быстро застудив в морозном воздухе крылышки, вернулся на прежнее место. Он долго еще не мог прийти в себя. Оказывается, его будоражил и сбивал с толку флейтовый свист: «фиу-гиу-лиу». Так стонет иволга. А тут еще послышалось звонкое и самозабвенное пение зяблика. Голоса летних птиц продолжали смущать хохлатого жаворонка: ему на миг, видно, показалось, что наступила весна, и он не удержался, взвился на радостях ввысь, да морозной она оказалась, обжег слегка крылья, опустил под куст и прижал хохолок. Но ненадолго. Трели вновь полились.

Откуда они? Да ведь это сойка, пересмешница этакая. Сидит себе чинно на ольхе и соловьем теперь уже заливается. Глупая вроде птица, взбалмошная, а памятью одарена необыкновенной... Любой, пожалуй, птице может подражать. И осенило меня – да ведь сойка тоже по весне тоскует, а звуки, которые она сейчас воспроизводит, услышаны были ею в ту чудесную пору... Завидев меня, черноклювый плагиатор вспорхнул, и открылись на крыльях ярко-голубые пятна, мелькнуло молнией белое надхвостье... Долго еще искорками плясала в воздухе синего инея окалина, поднятая пересмешницей. Но ведь и меня взбудоражила она, настроив на весну. Я упрямо ломлюсь через кусты за ней, чтобы снова услышать пение, чтобы испытать это чудное мгновение, раствориться в нем. Сойка, однако, перепархивает с кроны на крону, оставляя за собой синий шлейф. Но дождался я своего именно тогда, когда мне показалось уже, что все мои дальнейшие попытки подловить сойку в момент, когда она продолжит подражать птичьим голосам, безнадежны. Вдруг снова брызнули трели. Стою зачарованный, одно за другим наплывают видения весны...

...Бесподобна эта лесополоса в апреле-мае. На ее свежезеленом фоне тут и там розовеют островки цветущих абрикосов. Отдельными мазками выделяются белопенные облачка диких яблонь и груш, из которых красными султанами «прорастают» ветки декоративного клена. А рядом – золотистые сережки цветов дикой джиды, над ней повисли сливочной белизны гроздь распустившейся алычи. Под кронами больших тополей маленькими солнышками лучится цветущий шиповник, а над его кустом сильнее пчелиный гуд. А еще здесь в мае загораются светлым пламенем белые акации, хорошо «пить» ее аромат «вприкуску» с песней жаворонка. Раньше всех возвращается сюда весной нарядный угод. И дудит он, сзывая пернатый люд: «ху-ду-ду, ху-ду-ду». Деловито с песней приступает к строительству гнезда горихвостка: «фюить-тик-тик, фюить-тик-тик». Узнаю уставшего с дороги из дальних стран красноклювого щегла. В этой лесополосе он остановился по пути в родную рощу у Терека и будто просит «пить-попить, пить-попить». Учув чужака, трескуче надрывается сорокопут, испуганно гнусавит вертишейка. Не уставая, поет в лесополосе соловей. Ближе к вечеру тонко запекает малиновка, а утром она же первая встречает рассвет. Ее еще и зарядкой называют.

Неповторимое это время, когда заря с зарею сходится: на запад день плывет незримо, а уж с востока – новая заря...

Для кого-то этот ряд деревьев – обыкновенная леса полоска. А давайте приглядимся попристальней. Ведь мы в лесной аптеке. Не знаю, кто и когда закладывал сию полоску жизни, но стоит в пояс поклониться тем людям за доброе дело. Здесь, пожалуй, нет такого растения, которое не имело бы лечебных свойств, и которое не давало бы вкусных плодов и ягод. Именно это и манит сюда птиц, всякую живность. Люди тоже берут отсюда всевозможные дары. Много их к осени накапливается за весну и лето. В конце мая созревают ягоды тутовника, в июне начинают шлепаться на землю сочные оранжевые плоды абрикосов, урюка и кураги. Можно видеть вереницы босоногих мальчишек и девчонок с ведрами, в которых, кажется, плещется плавленое золото. И потом всю зиму примешивают люди к душистому чаю аромат лесополосы.

К середине лета наливаются терпким соком яблоки-дички, вслед за ними просятся в ведра сборщиков слива и алыча. Ближе к осени – обилие груш-дичков, распространяется окрест духмяный запах зрелой джиды. В канун предзимья самый раз собирать румянощекие плоды шиповника. И это еще не все. На ее крошечных опушках и полянках кустятся и стелются лечебные травы, среди которых: тысячелистник, одуванчик, пастушья сумка, цикорий, ежевика, крапива, земляника, подорожник, мать-и-мачеха, васильки, конский щавель, травушка-муравушка. А рядом, на берегах небольшого оросительного канала, обильно произрастает мята, попадаются зверобой, душица.

Сколько богатств! Ну чем не волшебный клад лекарственных растений вот эта узенькая лесозащитная полоса, что на окраине Урус-Мартана? И тем обиднее и тревожнее видеть изменения, которые претерпевает она. Срублена кем-то единственная липа. Не по ней ли рыдают соловьи, которых, кстати, все меньше здесь становится? Гонит их отсюда предательский топор, с каждым взмахом увеличивающий число пней. Исчезли жившие здесь некогда ежи, ящерицы, кроты. Не стало вовсе муравейников – их разорили, редко прилетают зарянки. Зато стало больше сорочьих гнезд, А вороны, так те в большом количестве прописались в лесополосе. Почему? Дело в том, что начали здесь появляться свалки мусора и отходов местной птицефабрики. Чаше и чаще стали сюда наведываться невоспитанные дети. Долго после их визита сочатся обломанные ветви, носится под кронами пух «отстрелянных» из рогаток птиц. Пацанва, наверное, скоро забывает свои экскурсии, но деревья, кустарники, травы и весь всполошенный ими пернатый мир долго еще носят на себе печать их «пребывания» на природе. Дети они и есть дети. Однако их родителям не мешало бы усвоить одну истину: тот, кто с пеленок не научен понимать красоту природы, тот, став взрослым, не оценит доброты мира...

...Смолкла сойка, оборвались мои видения, навеянные ею. Посидела птица еще немного, кося глазом в мою сторону, а потом резко вспорхнула и улетела, предоставив мне разбуженную и взбудораженную лесополосу. Само глухозимье нипочем стало ее обитателям. Все помыслы к весне повернула фантазия одной увлеченной птицы.

Возвращался той же снежной целиной. Из памяти не выходили проделки сойки. Раньше мне казалось, что кроме разбойничьих воплей ни на что она не способна. А тут, поди ж ты, размечталась птица. Всех всполошила в округе. Ведь и в самом деле едва заметно потянуло теплым ветерком.

Дебют**Амина Садыкова**

Родилась в 1995 году в г. Гудермес. Там же в 2012 году окончила гимназию №3. В настоящее время учится на третьем курсе факультета иностранных языков ЧГУ. Стихи пишет с тринадцати лет. Своим негласным учителем на литературном поприще называет известного чеченского поэта Умара Ярычева. Кроме учебы и творчества много внимания уделяет волонтерской деятельности (в рамках Ассоциации студенческих объединений России и «Молодежь для будущего»).

Море волнуется в нас

Я стою на берегу загадок,
Я на пороге великих событий.
Человечеству грядет упадок,
Без любви, чудес и открытий.

Я стою на берегу загадок,
Отчаянно всматриваюсь вдаль –
Вмиг исчезает привычный порядок,
На песок моя падает шаль.

Бушует море свирепо,
Как необузданный, дикий зверь.
Кажется буря нелепой;
Былых нам хватит потерь...

Говорят, было время,
Когда вовсе не волновалось море.
В чистоту, справедливость веря,
Не знало ни волн, ни горя.

Но человек пролил кровь рекою,
И защиты пробил час.
Не найти теперь моря покоя.
Оно защищает себя... от нас!

Несбывшимся

Бывает, скучаешь потому,
Кого еще нет.
Но знаешь – он будет.
Сомнения придают остроту,

Когда ты задет.
Привет несбывшимся людям...

Разве ты по тому не скучал,
Кого еще не встречал?..

Прохожий

Не смотри на меня, прохожий!
Нет больше сил тебе улыбаться.
Ты на кого-то очень сильно похожий.
Но... хватит уже по нему убиваться!

Не улыбайся мне, прохожий!
Я расстроить тебя боюсь.
Я бы присела в горах, у подножий...
Ты поникнешь – не засмеюсь.

Не влюбляйся в меня, прохожий!
Я умираю немного, чуть...
Не оставляй мне раны на коже –
Я летать еще только учусь...

Не перекрывай
мне дорогу объятьями.
Для меня люди все – черные вороны.
Нам с тобою не назваться братьями.
Отпусти на все четыре стороны...

О тебе будут думать...

Я тебя ни за что не забуду –
 Может пройти сотня лет.
 На небо смотреть днями буду:
 Прошлое – в память билет.

Тебя никто не осудит,
 Я построю для нас мосты.
 О тебе будут думать люди –
 Читая мои стихи.

Забвение

По воле Бога, не избежать гниения
 Даже прекрасной розе!
 Но ты можешь не бояться забвения.
 Ты будешь жив в моей прозе...

Безвозвратное

Каждая семья чем-то богата...
 И не о материальном
 речь идет, впрочем.
 Хорошие отношения –
 это особая плата.
 Валюта меняется часто очень...

Семья – это не только
 «Мам, пап, вы что мне купили?»
 Семья – это ровно столько,
 Сколько в нее любви вложили

И не поняв, накричав, недослушав,
 Мы уходим. Закроются двери.
 А после, все осознав,
 В отсутствие их не верим.

Мои слова бывают резки...
 Мам, пап, прости...

Кем бы мы ни были...

Вопрос единства стоит остро.
 Раскол нации – путь к гибели.
 Мы все друг другу братья и сестры,
 Кем бы мы ни были...

Мы забыли
 про «истинность намерений».
 Все в деньгах, да в выгоде меряем.
 Миллион точек зрения!
 Не слушайте ложные мнения.

Склонность к ленности, неведение...
 Ложные ценности
 приводят к трагедии.

Вопрос единства стоит остро.
 Раскол нации – путь к гибели.
 Мы все друг другу братья и сестры.
 Кем бы мы ни были...

Голоса друзей**Айтеч Хагуров**

Адыгея

Родился в 1936 г. в Краснодаре в семье служащего и домохозяйки. В 1954 г. поступил в Кубанский сельскохозяйственный институт на факультет механизации. После окончания института пять лет работал инженером-механиком и заочно учился в МГУ на философском факультете. С 1964 по 1986 г. работал на кафедре философии Кубанского госуниверситета (КубГУ) сначала преподавателем, затем доцентом. С 1984 г. руководит Краснодарским отделом института социологии Российской академии наук (РАН). С 1991 г. – доктор социологии. Возглавлял кафедру социологии Кубанского Государственного Аграрного Университета (КГАУ). В кубанскую литературу вошел публикацией сборников «Жизнь коротка, как журавлинный крик», «Русский хутор». В краевых

журналах были опубликованы рассказы: «Опоздание к встрече», «Бабушка Абрека», «Танго забытого Крыма», «Уроки истории в Стамбуле», «Культурологические очерки». Член Союза писателей России с 2006 г., лауреат премии им. Е.Ф.Степановой, учрежденной администрацией Краснодарского края.

Косолапый, Каурая, Асламбий и Я

Рассказ

В этом рассказе речь идет о двух четвероногих, с которыми дружили двуногие друзья – Асламбий и Я. Косолапый и Каурая – лошади аборигенной или местной породы. В справочниках по коневодству разъясняется, что эта порода «выведена при невысоком уровне зоотехнической работы и под сильным влиянием местных естественных условий». О «невысоком уровне зоотехнической работы» мы с другом хорошо знаем, сталкивались с ней физически. Бывало, едем верхом после купания, а в стороне несколько лошадей кидаются друг на друга, кусаются, ржут. Завидев их, наши лошади становятся неуправляемыми.

Конечно, чистокровные лошади считаются элитными по сравнению с лошадьми местной породы, но мы с другом считаем, что наши не хуже чистокровных. Ведь чистокровную верховую¹ не запряжешь в телегу, а на чистокровном тяжеловозе не поскачешь далеко. А на наших, местных, можно и скакать, и груз возить.

Косолапый и Каурая, колхозные лошади, в ведении моего дяди Гиссы, работающего ездовым.

Адыги давали клички лошадям, впрочем, как и другие народы, или по масти, или по каким-то особым приметам. Раньше только богачи имели табуны лошадей, а средний хозяин располагал двумя, в лучшем случае несколькими лошадьми. Редко среди небольшого количества встречались лошади одной масти. Поэтому когда хозяин хотел запрячь лошадь вороной масти, он говорил «будем запрягать Къарэ». По адыгски «къарэ» и есть вороная масть, но в

данном случае это слово обозначает кличку (и, следовательно, писать его надо с большой буквы). Но если у лошади есть какой-то бросающийся в глаза признак, то этот признак мог стать кличкой лошади. За выразительные глаза ее могли называть «Лупоглазой».

Лошади дяди Гиссы (в ауле никто не называл их колхозными, а называли «Гиссинными лошадьми») различались и по полу, и по масти. Жеребец был гнедой масти, но не масть стала источником его имени, а чрезмерная лохматость его щеток.

«Щетки» (по ученому, т. е. по коневодству) – это пучки волос вокруг последнего сустава ноги лошади, чуть выше копыт. Обычно пучки этих волос растут с задней стороны сустава, но у дядиного жеребца они окаймляли весь сустав и султанчиком висели над копытами всех четырех ног. Вдобавок, задняя правая нога чуть косолапила. По всем этим приметам жеребец и получил кличку «Косолапый». Был он плотный, упитанный с гладкой спиной. Ездить на нем и без седла одно удовольствие.

Каурая получила кличку из-за каурой масти, светло-рыжей окраски кроющих волос, с просветлением на морде и потемнением на ногах. У этой кобылы и в фигуре, и в походке четко проявлялся женский пол (впрочем, как и у всех существ женского пола светло-рыжей масти). В отличие от четко обозначенной гнедой масти Косолапого, у Каурой масть как бы гибридная, между светло-соловой и светло-гнедой². Мы с Асламбием считаем ее законной женой Косолапого, хотя при встрече с ней все жеребцы начинают похотливо ржать. Она длиннее Косолапого и намного худее. На спине выделяется костлявый позвоночник. При езде рысью на ней наши попы набивают мозоли, часто кровавые, и нам приходится ходить в раскорячку. Мы с такой походкой прячемся от дяди Гиссы, потому что он догадается о том, что мы опять нарушаем его запрет на конные бега наперегонки, которые мы любим устраивать с Асламбием. В этих бегах трудно приходится тому, кто сидит на костлявой спине Каурой. Когда лошадь идет шагом – ничего, не больно. Когда галопом – терпимо. А вот когда скачет рысью, долго не переходит в галоп, вот тогда будешь дня два прятать от дяди свою походку. Но, несмотря на это, эти бега для нас с Асламбием как наркотик. Мы только мечтаем, когда и где их можно устроить в очередной раз.

Хотя в бегах мы садились на Каурую по очереди (чтобы не одному доставались мозоли, а делились пополам), лошади разделены между нами: моя – Каурая, Асламбия – Косолапый.

Третий член нашего маленького эскадрона – Асламбий (о себе я из-за скромности умолчу).

Асламбий мой самый верный и близкий друг того времени. Его семья живет по соседству с дедушкиной. Наш сад плетнем отделен от их огорода. В семье Асламбия две старшие сестры, Асет и Сафет, младшие братик Нурбий и ростом очень маленькая, но говорливая сестренка Марета, мать и очень старенькая бабушка. Отца нет, нет и главной кормилицы – коровы. Следовательно, живут бедно. Но природа к самому Асламбию была щедра: трудно найти в ауле мальчика столь гармоничного, умного, смелого, сметливого во всем. Поэтому в ауле его все знают, о нем говорят. Авторитет как у взрослого. Среди взрослых за ним закрепилось по-домашнему теплое прозвище «Хамчерушка».

Асламбий, Косолапый, Каурая и Я образуем тесное жизненное ядро, в которое никто другой не может войти. До краев заполняют эти лошади нашу мальчишескую жизнь. У нас много секретов с Асламбием о том, как приворожить к себе лошадь, и мы никому их не откроем. Вообще мы, насколько можем, скрываем от сверстников нашу жизнь, связанную с лошадьми. Ведь могут и завидовать, и лезть «в долю». Сами по себе мы бываем с другими приятелями

или родственниками в разных переделках: на речке, в набегах на колхозную бахчу или на сады хуторские и аульские, но от этого наш союз с лошадьми не только не ослабевает, а наоборот усиливается. Когда мы отвлечемся и несколько дней не общаемся с лошадьми, встречи с ними бывают особенно радостными. Да и сами лошади радуются и показывают нам это. К таким встречам мы всегда являемся с лакомством – яблоками, хлебом, солью.

Когда лошади свободны от работы, мы отводим их на поле с люцерной или на поле с овсом. Оставляем их там и возвращаемся домой. Потом дядя скажет, когда надо за ними идти. У нас в руках только уздечки – о седлах речь тогда не могла идти (были роскошью).

Пасущаяся летом на поле лошадь от жары, мух и оводов очень раздражена. Надо подходить к ней со стороны головы, отогнать мух с глаз, ноздрей, погладить по голове и шее. Сразу она может не слушаться, отвернется головой, уйти в сторону. Но надо терпеливо, спокойно и ласково продолжать попытки надеть на нее уздечку и тогда на каком-то этапе повезет. Следующая проблема – на нее забраться. Для этого надо подойти к лошади с правой стороны, если стоять лицом к ее голове. На передней ноге у нее с наружной стороны колена, обращенного к тебе, есть углубление, своего рода лодыжка. В это углубление надо вставить большой палец левой ноги и, взявшись двумя руками за гриву, оттолкнуться от земли правой ногой так, чтобы хватило сил забросить ее на спину лошади.

Там тоже важную роль играет большой палец, но уже правой ноги: им цепляешься за спину лошади. В это же время подтягиваешься руками, ухватившись за гриву.

Так постепенно правая нога, цепляясь уже пятками за ребра, помогает доставить твой центр тяжести наверх. Всю эту школу мы проходили с другом еще в прошлом 1944 году, когда еще не ходили в школу. Тогда Асламбию часто приходилось сначала меня подсаживать на Каурую, а потом самому забираться на Косолапого. В этом году я справляюсь сам.

Дядя Гисса с настоящей крестьянской заботливостью относился к лошадям, следил не только за их хорошим питанием, но и за их гигиеной. Поэтому довольно часто мы водили лошадей на реку купаться. Это занятие мы любили особенно. Зайдя с детского пляжа в воду по колено, лошади останавливались, чтобы напиться. В это время их не надо беспокоить, а если посвистывать, им будет приятно. После этого мы едем от детского пляжа к мальчишескому, к тому глубокому месту, где лошади не достают дна. Безумно приятно сидеть на плывущей лошади, и поэтому мы делаем несколько заходов к глубокому месту. После этого выезжаем на мелководье и, орудуя импровизированной мочалкой (сухой травой, кураем, пучками ивовых прутьев) вымываем из их шерсти пыль и грязь. В заключение опять к глубокому месту, чтобы окончательно обмыться.

А впереди у нас главное веселье: на отдохнувших лошадях устроить перегонки. Но тут надо знать меру. Дядя мой легко догадывается, если мы хоть чуть перегрузим их бегом. Тогда может произойти страшное для нас – он неделю нас не будет к ним подпускать.

***

Каурая и Косолапый заполняли не только повседневную нашу жизнь, но являлись нам в наших героических фантазиях. А фантазии эти рождались из сказок дедушки Махиль. И тут не могу не сказать несколько слов об этих сказках и языке сказочника.

Язык дедушки Махиль был богат сравнениями, метафорами, афоризмами. Неопишемую красоту Княгини он и не пытается передать потому, что «ее невозможно передать». Но сказочник подчеркивает одну деталь: ее точеная шея была так изящна и светла, что когда она пила воду, было видно, «как чистый горный ручей протекает в хрустальном великолепии».

Колоритным и разнообразным был и мир героев его сказок. Среди героев часто появлялась Нагучица³. Она не так страшна, как озорна. Другой популярный персонаж сказок Махиль – Къуйжый⁴. Лысенький, маленький, хитренький и мудренький. Он вездесущ, запутывает, распутывает дела, находит неожиданные, даже парадоксальные решения. Къуйжый хорошо смотрится в паре с Иныжь⁵, которого он всегда объегоривает.

Но все же главными героями в сказках, пленившими нас, мальчишек, были Конь и Всадник. Конь и его амуниция подвергались детальному описанию. Конь привязан только к своему хозяину и не допускает к себе чужих, а врагов бьет копытами и кусает. Он верный друг всадника на поле брани. Невозможно отделить Коня от Всадника, ибо они единое целое, исполненное красоты, стремительности, силы и гармонии. Дедушка Махиль, конечно, не читал Блока, но то, что он говорил, точь-в-точь передается словами поэта:

Конь – мгновенная зарница.

Всадник – беглый луч.

А наш сказочник говорил: «Чэчан, сын Чэчана, вздернул коня и на их месте остались лишь воздушные вихри».

Трудно передать те ощущения, которые мы с другом испытывали, когда после этих сказок садились на лошадей, и какие сказочные, счастливые фантазии будили в нас сами лошади.

Купель родная детства – река Пшиш.

Много в нашей стране рек и речек и много стихов и песен сложил о них народ. Реки и речки – неотъемлемая часть детской биографии большинства из нас. Они часть нашего образа жизни, неотъемлемая часть российской ментальности. Сколь обеднилось бы детство почти каждого из нас, если оно не было связано с нашими реками и речками, дарившими нам столько радости и здоровья. Ведь не случайно народ дает речкам добрые и ласковые названия.

Есть между городами Апшеронск и Белореченск Краснодарского края речка Грязнуха. Наверное, она местами илистая или мутная, и все же не назвали ее «Грязная», а назвали как неопрятного ребенка. За Майкопом, через станицу Куржипская протекает речка «Працюха». Наверное, во многом помогала в работе людям, так назвавшим ее. В тех же краях есть речка «Чернуха». Опять- таки не назвали ее «Черная», а «Чернуха», как бы назвал родитель смуглую дочку или рачительный хозяин домашнее животное, но тоже любимое. За Майкопом, если ехать в сторону аула Кошехабль, встречается речка с уменьшительно-ласкательным названием «Улька». Некоторые говорят, что слово тюркского происхождения и означает «благодетельная вода». Но и по-русски звучит мило.

Речкам порою давали шуточные, дурашливые названия, аналогичные детским дразнилкам. Любимый многими россиянами поэт К. Ваншенкин в своем стихотворении с теплом и нежностью вспоминает две речки «Лопань» и «Нетечь». Над этими названиями потешались: «Старики на этот счет балагурили беззлобно: ну хоть лопни, не течет». Однако с этими речками связаны не шуточные, а очень яркие и большие эмоциональные переживания поэта.

Антология российской речной поэзии столь же разнообразна и богата, как речные ресурсы России.

Детство мое связано с двумя реками – Белой и Пшиш. На берегу Белой прошел один год моего детства. Все остальные годы детства, точнее, летнее время этих годов, мне трудно представить без реки Пшиш.

К таким рекам ласкательные названия не подходят. Не называли же Белую «Беленькой», потому что такие эмоциональные оттенки в обращении к ней – холодной, стремительной, непредсказуемой – не уместны.

Белая – потому что вытекает из белых горных вершин. Никакого эмоционального отношения народ здесь не проявил. Правда адыгейское ее название «Шхэгъуаше» отражает статус этой реки среди других рек, как «Княгини (Госпожи) гор».

О происхождении названия реки «Пшиш» есть несколько легенд. Одна из них связана с адыгейской лексикой слова «пшишь», которое распадается на два корня «пши» – князь и «щы» – три. В переводе это слово означает «Три князя». – Легенда гласит, что на берегу реки жили три князя. Каждый хотел назвать реку своим именем, не уступали друг другу, ссорились. Наконец обратились к мудрецу за советом. «Чтобы не обидеть никого, назовите ее «пшиш», посоветовал мудрец, и князья согласились с ним.

В начале 50-х годов прошлого века в судьбе двух этих рек и людей, живших на их берегах, произошли серьезные изменения. Тогда в стране не хватало электроэнергии, потому что та, что имела, в основном шла на обеспечение энергией городов, в которых была сосредоточена промышленная индустрия. А село стремились обеспечить энергией строительством местных электростанций. Такую электростанцию построили за городом Белореченском, ниже по течению, на реке Белой. Чтобы получить больше электроэнергии, соединили Белую с Пшишем.

Первый радостный результат: в близлежащие аулы, станицы и хутора пришел свет, потом заработали и электрические двигатели.

Теперь в русле Пшиша течет не только Пшиш, но и большая часть реки Белой. В результате слияния фактически не стало ни Белой, ни Пшиша, а получился какой-то канал. В русле Пшиша сильный мутный поток размыл естественно сложившиеся веками очертания берегов, превратив их в довольно-таки унылое однообразное состояние. Купаться в этом мутном и холодном потоке неприятно. В ауле Кунчукохабль (как и во всех прибрежных населенных пунктах) летом редко мальчишки бывают на берегах этого гибридного потока. Каким был Пшиш, то есть какую цену аульчане заплатила, за технический прогресс, я и хочу рассказать.

Воды Пшиша были чистыми и прозрачными, а на дне его песок-галка. По берегам пышная растительность. Местами кроны деревьев противоположных берегов смыкались и образовывали изумрудный туннель. Все новые и новые пейзажи, когда идешь берегом.

Конечно, не всегда река Пшиш являла собой идиллию. Иногда она впадала в гнев, но и в гневе своем была прекрасна.

Было это в самом начале лета 1945 года и, наверное, было связано с поздним таянием снега и льда в горах, где Пшиш берет начало. Слух о том, что творится на реке, облетел аул, и почти все дети и молодая мужская часть аула высыпали на наш берег, который был на 2,5-3 метра выше противоположного пологого. Вода доходила до кромки нашего берега и далеко-далеко разливалась на противоположной стороне. Заполнив лесистые участки той стороны, вода выла, гудела, рычала. А напротив нас она шла бешеным, мутным, клокочущим потоком. Казалось, будто она кипит. В этом бурном потоке огромные деревья, вырванные с корнем, неслись с поражающей легкостью и скоростью. Кувыркались иногда в потоке трупы свиней, лошадей. Такого и старожилы не помнили.

Когда Чапай⁶ появился среди парней, внимание всех от неистовавшей реки обратилось к нему. Один из парней спросил его, отважится ли он сейчас переплыть Пшиш. Чапай вызов принял и сказал, что это сможет, если он, вопрошающий, поплывет с ним. Но тот не думал, что дело так круто обернется. Он не собирался идти на этот риск. Тогда Чапай стал раздеваться и требовать от искусителя следовать его примеру. Когда тот стал уходить, Чапай погнался за ним, но только смог содрать с него рубашку, которую замочил в потоке и кинул на берег. Раздевшись до трусов, он разогнулся, прыгнул и исчез в бурном потоке. Вскоре вынырнул, и по той кошачьей ловкости, с которой он поплыл, было видно, что эта речная пучина с ним ничего не сможет сделать. На середине потока он забрался на огромную корягу и прокричал что-то вроде «Да здравствует Родина!» – и поплыл дальше. Выбравшись из бурного потока, он долго шел уже на той стороне по дну. Выбравшись на берег, погнался за девками, вышедшими из хутора Процай, как и мы посмотреть на необычное зрелище, устроенное нам рекой. Через некоторое время, еще быстрее чем туда, Чапай переплыл поток обратно и гонялся за парнями, чтобы сбросить их в реку. Но никто не дал себя догнать. Тогда он обратился к нам, детям, с нравочениями, чтобы мы не выросли такими трусами.

Накуролесив и набедокурив, Пшиш успокоился, вернулся в привычные берега. Очистился, стал прозрачным. Галька и песок никуда не смылись, остались на своих местах. Всюду нанесенные ил и грязь исчезли под зеленью.

В той части реки, что приходилась напротив центра аула, были определены четыре участка, четыре пляжа, для купания мужчин и парней, мальчиков, маленьких детей и женщин. Первым по течению был мужской пляж, здесь было глубоко. За ним посреди реки был галечный остров, с двух сторон обтекаемый журчащими потоками. Это был центр мальчишеского пляжа. Далее ниже берег становился пологим и песчаным. Здесь дно было песчаное, очень пологое. До середины реки вода приходилась не выше груди ребенка. Это был идеально исполненный природой детский пляж. За ним река делала резкий поворот направо, образуя угол. В этом закутке, закрытом от всех, был женский пляж. Женщины и девушки приходили на свой пляж ненадолго. Помывшись и постирав, они тут же уходили к своим, ждущим их делам. Такие удовольствия, как загорать и плескаться, считались детскими забавами. Адыгские обычаи их не позволяли даже девушкам. По этим причинам женский пляж, в отличие от детского и особенно мальчишеского, часто пустовал, как и мужской.

Целыми днями на пляжах звенели счастливые детские голоса, крики и смех.

Здесь были раскованность, баловство и в то же время происходило мощное физическое развитие детей, особенно мальчишек. Мы играли в подводные ловитки, занимались подводной борьбой, соревновались в прыжках с круч. Был и акватранспорт с трамплинами. Организовывался он так. Кто-то из более опытных ребят выбирал достаточно пологое глинистое место на высоком берегу и здесь мы расчищали его под спуск, который обильно поливали водой.

По этому скользкому спуску, длиной 5-7 метров, мы сверху, на голых полах, слетали вниз и с большой скоростью врзались в реку. По-моему, лучшего способа укрепления и закалки мальчишек трудно придумать. Ведь как потом определили лекари, глина в тех местах была лечебная.

Несмотря на царившую на реке свободу, там действовали не писанные, но строгие законы. Мужчины и парни там не оголялись. Это относилось и к девочкам старше 3-х лет, которые никогда там не играли и не купались с мальчиками. Девочки постарше купались на скрытом от всех женском пляже.

Девочки, которым не более семи-шести лет, купались на детском пляже с младшими сестренками, братишками и племянниками, курируя их.

Помимо этих правил, на реке все следовали правилам взаимопомощи. Было это летом прошлого 1944 года. Мой младший братик Асланчик купался на детском пляже, увлекся и зашел далеко, за середину реки. Тут его подхватило течение и понесло. Детишки, бывшие рядом, побежали за помощью к мальчишескому пляжу. К счастью, там оказался мой друг Асламбий. Он бегом добежал до «места купания женщин», мимо которого захлебывающегося Асланчика пронесло течение. Асламбий нырнул, быстро догнал моего братика. Но у спасителя не доставало сил тянуть его, ему самому было всего семь лет. Их занесло в те обрывистые берега, где людей не бывает. Но Асламбий и там не растерялся. Он воспользовался единственным выходом в той ситуации. Было там не очень глубоко. Он опускался до дна, отталкивался, вынырнув, толкал Асланчика в сторону берега. Так, раз за разом, он дотолкал его до берега и спас.

Таких случаев было немало. Когда с кем-то из детей случалась беда, а спасателя на пляжах не находилось, дети бежали к близлежащим домам и помощь всегда поспевала. За все военные годы нашего пребывания в ауле не утонул ни один ребенок, несмотря на то, что все летние месяцы детвора без присмотра взрослых целыми днями пропадала на Пшише.

Дети любили реку, а река любила и берегла их.

Если я физически выдерживал многие невзгоды своей городской жизни, то это благодаря здоровью и закалке, дарованным мне в те годы рекой Пшиш и в целом аульским образом жизни.

А вот что случилось со мной в утро первого дня пребывания в ауле летом 1945 года.

Почему-то в то утро я проснулся рано. Накануне в дороге устал, вечером долго не ложился. А я и без усталости спал тогда допоздна. А почему же сегодня проснулся так рано?

Странно было еще то, что встал я в предчувствии какой-то светлой радости. И это несмотря на то, что вчера вечером, по приезду, была уже радостная встреча и с бабушкой Камией, и с дедушкой Каладжерием, с тетями, племянниками.

Какую же еще радость сегодня я жду?

Бабушка Камия уже была на кухне. Она всегда раньше всех встает и позже всех ложится. Мы вообще никогда ее не видели ни отдыхающей, ни спящей.

Бабушка удивилась, увидев меня уже одетого. Как и вчера вечером, она стала меня спрашивать о всяких деталях нашей с мамой и сестрой жизни в городе. И вот, разговаривая с бабушкой, я осознал, что мне надо делать и для чего я так рано проснулся. Мне нужно повести лошадей на реку. Но дядя Гисса спит, а без его ведома этого делать нельзя.

Когда я стал бабушке излагать эту проблему, по ее просветлевшему лицу я понял, что она догадалась, для чего я так рано проснулся, и, желая угодить мне, сказала: «Да твой дядя будет рад, если проснувшись, увидит, что перед работой лошади уже купаные». Это означало, что бабушка берет на себя ответственность за мои действия; это была санкция высокого уровня, потому что дядя Гисса никогда бабушке ни в чем не перечил.

Чтобы какая-либо причина не помешала, я быстро вывел лошадей со двора, взобрался на Каурую и поехал.

На реке я трижды делал заходы на глубокое место, где лошадям, не достающим дно, надо плыть, и каждый раз они задерживались в этом месте, блаженно погружались в воду до ушей, от удовольствия миролюбиво рычали утробным рычанием.

Несмотря на то, что было зябко от утренней свежести, захотелось окунуться. Под водой открыл глаза и изумился чистоте и прозрачности воды. Когда вынырнул, не было и следов былой зябкости. Я горел чистым пламенем.

И когда я ехал от галечного острова бродом по течению до детского пляжа, меня постигла та Радость, ожидание которой неосознанно и сладостно томило мою душу. Радость была

– от Чудесного утра;
– от того, что скоро приедет мама с сестрой;
– от того, что все будем вместе: и Дедушка, и Бабушка, и Тети, и Дядя, и Асламбий;

– от того, что мы победили и везде Мир;
– от того, что впереди целое Лето этого Счастья.

Бодрые лошади с особым удовольствием шлепали копытами по воде, и изумрудные брызги моего счастья летали вокруг.

Праздник, который случился со мной, не ушел бесследно. Он остался со мной на всю жизнь.

Что такое Случай? Мудрый писатель сказал, что Случай это псевдоним Бога, когда Он не желает проявлять своего авторства. И действительно, в той моей Великой Радости было что-то Божественное.

То утро стало жемчужиной в драгоценном ожерелье моего лета 1945 года.

---

¹ Как ни странно, все современные лошади чистокровной верховой породы генетически восходят к трем восточным жеребцам, клички которых известны и приводятся в справочниках по коневодству. Это гнедой жеребец Годольфин - Барб, берберийской породы, Дарлей - Арабкан, восточный жеребец, и Бейрлес - Терк, арабский жеребец, отбитый у турок в 1683 году при осаде Вены. Все они были доставлены в Англию, где происходила селекция лошадей чистокровной верховой породы. Все это к теме моего рассказа не относится, но я не могу отказать себе в удовольствии лишний раз поговорить о лошадях. (Здесь и далее примечания автора)

² В языках народов существует разная степень градации масти лошадей. В Даль в своем знаменитом словаре приводит более сорока русских слов, обозначающих масти лошадей. В одном лингвистическом трактате говорится, что в языке одного скотоводческого народа Латинской Америки имеется около 200 названий масти лошадей.

³ Нагучица – прообраз Бабы-Яги, но все же это не Баба-Яга.

⁴ Аналог Иванушки-дурачка.

⁵ Иныжь – великан.

⁶ Этот, «сорви-голова», подросток имел благозвучное, взятое из Корана, имя Юсуф. Но никто этим именем его не называл. За присущие ему дерзость и отвагу его называли именем народного героя Чапаева.

Асхаб Алиев

Глазами мальчишки...**Дети войны...**

Я не видел войну, как мой дядя,
 И не видел ее, как отец...
 Это злое подобие ада
 Осознать не способен юнец...
 Я не знал, почему же снаряды,
 Словно дождь с почерневших небес,
 На людей начинали вдруг падать,
 Почему вдруг мой город исчез...
 Я не видел войну, как соседи,
 И не видел ее вдалеке...
 По-особому видят все дети
 В своем маленьком, светлом мирке...
 Всякий сон обращался кошмаром,
 Где ручьями по улицам кровь,
 Где повсюду руины, пожары –
 И лишь мелом на дверце «любовь»...
 Я не видел войну «так, как надо»,
 И хотел бы не видеть вообще...
 Отпечатались дни того ада
 У детей, что там были, в душе...
 Знали все, дети не виноваты,
 Но тогда почему же вдвойне
 Получали мы пули-награды
 В той спасительной, взрослой войне?

Может, хватит?

Вдалеке, на полях
 бесконечных сражений,
 Слышен плач нерожденных детей:
 У горы, где когда-то нашел
 Ной спасенье,
 На скале умирал Прометей.
 Тамерлан, без вопроса
 «зачем?» и сомнений,
 Отбирал право жить у других.
 До сих пор, в гуще мглы
 и лесов, привиденья
 Претворяют в действительность миф.
 Каждый час, словно стынет
 той битвы мгновенье,
 Раздается mortar раскат.
 Каждый раз, приходя,
 вижу эти виденья;
 Как на брата направил меч брат,
 И, упав среди этой войны на колени,
 Плачет горько двух воинов мать.
 Детский плач поселился
 в моих сновиденьях,

И ту мать не забыть мне никак.
 Он – ребенок, познавший
 злой рок от рожденья,
 Ей же – нечего больше терять.
 Сколько мы за богатства
 царей, их владенья
 Будем равных себе убивать?

Может, хватит с нас войн
 и довольно сражений?
 Не пора ли нам руки пожать,
 Отпустить в небо голубя –
 знак примиренья –
 И примером в истории стать?

***

Что-то было ведь в самом начале,
 До рожденья вселенных и звезд?
 И ответов на этот вопрос,
 Ложных, люди не мало искали...
 Что-то было... Но что, не пойму...
 Что-то малое или большое...
 Кто-то все это как-то устроил:
 Яркий свет, непроглядную тьму...
 Что-то будет, конечно, и после –
 Это значит, конца просто нет.
 Даже если не станет планет,
 То хоть кто-то найдет наши кости...
 Что-то будет всегда, непременно...
 Как закрытый на ключик ларец...
 Так придумал Создатель... Творец...
 Перед тем, как сослал нас на землю...

Может, умное что-то или все-таки
 ложь во спасение...
 Самому не мешала бы искренность
 слов, тем не менее
 Понимаю, что люди, скорее, солгут...
 Я не знаю, как быть, когда кто-то
 твердит о проблемах –
 Когда вовсе мои и его
 не вяжутся темы...
 Самому не мешало б побольше
 узнать о вселенной,
 Почему-то о ней мало кто говорит...
 Я не знаю, как тратить, делить
 на всех свое время –
 Все равно, что тормахками верх
 забраться на стремя...
 Ведь у каждого есть
 работа, друзья, свои семьи,
 И поэтому дело совсем
 нелегкое – жить...

Записка смертника...

Мелодия моей души
 уже не прозвучит,
 И больше не скажу
 я никому ни слова...
 Я взял билет в один конец
 на полвторого –
 И слышу, как вдали
 мой паровоз гудит...
 Душа моя надломится
 в последний раз,
 И сердце свой удар
 последний совершит...
 Я рад, что смог твою
 улыбку полюбить,
 И подарить тебе всецело этот час...
 Я многое с собой хотел бы унести,
 И в этом мире есть мне,
 что оставить...
 Мы часто можем,
 но боимся все исправить,
 Боимся слов «скучаю»,
 «верю» и «прости»...
 Я вечно жизнь откладывал на день,
 Который сколько я ни ждал,
 не наступил...
 Испив до дна судьбы своей бутылку,
 Я превратился в собственную тень...

Посвящается МЮЛ'у...

Он горит изнутри и смеется,
 Он почти неживой, но так рад.
 Ему больше смотреть не придется
 На безликий лгунов маскарад.

Из груди что-то теплое льется,
 И в глазах, что напротив – он Ад
 Созерцает. Пульс медленной бьется.
 Он почти неживой, но так рад...

**МЮЛ – Михаил Юрьевич Лермонтов.
 Мой друг и учитель...*

Болезнь Прометея...

Если хочешь помочь – помогай,
 Только вот о себе не забудь.
 Стать единожды жертвой – не путь,
 По которому топают в Рай...

Хочешь мир изменить – так меняй!
 Только вот о себе не забудь –
 Говоря о добре и про суть
 Эгоизма, с себя начинай...

Жаждешь жизни спасти –
 что ж, вперед!
 Только так, чтоб потом не пришлось
 Зашивать и вправлять тебе кость,
 И не стало чуть больше сирот...

Стать героем – плохая затея,
 Если нет ни сил, ни ума.
 Вспомни, как за кусочек огня
 Наказали они Прометея...

***

Игрушка сломана, потеряна деталь –
 Тот ключ, что заводил
 все шестеренки.
 Ты рано повзрослел, тебе ребенком
 Остаться не позволил я... Мне жаль...
 Цветы, что с нею вместе поливал,
 Застыли и погибли без причины.
 И вместо огоньков,
 теперь лишь льдины
 В твоих глазах...
 Мне, правда, очень жаль...
 Все чувства скованны –
 безжизненный кристалл,
 Таким тебя они еще не видели.
 Кругами ходишь по своей обители –
 Ледовый зал и тысячи зеркал.
 Ты сам игрушкой королевы стал –
 Отдал ей свое тело с именем.
 Но перед тем ты защитил от инея
 И Герду, и ту самую деталь...

Ты храбрый малый, Кай.
 Прощай...

***

Мои мысли звучат на немецком,
 Когда вижу, что делают с детством
 Своих отпрысков люди-скоты...
 Они учат детей своим играм –
 Аморальным, жестоким и мерзким...
 Появление депрессий и стрессов
 У подростков – это предел...
 Это дно человеческой топи...
 Когда образы антиутопий
 Отпечатаны в детских глазах...
 Когда в пять – уже жертва насилий,
 А в тринадцать подался в бега...
 В двадцать – жизнь не так дорога,
 Потому что уже обессилен...
 Они старыми все рождены,
 И не знают значения детства...
 Дети злобы, разврата, войны –
 Из-за них я ору на немецком..

Песня Каина...

Пройдись лучами солнца
 По выжженной земле,
 Пусть ветер прикоснется
 Ладонями к траве,
 Позволь холодным каплям
 Свободно падать вниз,
 Ведь можешь Ты, не так ли,
 Начать новую жизнь?
 Ты тот, кто двигал горы,
 Я ставя по местам,
 И чтоб не мерзло море,
 Стелил над ним туман.
 Чтоб ночь нас не пугала,
 Подвесил Ты Луну...
 Но нам все было мало –
 Мы канули во тьму.
 Мы стали слишком жадны,
 И брали все подряд...
 И как же мне досадно...
 Что ждет нас всех лишь Ад...

Падение светлячков...

Разбегаясь по небу жилками света,
 Опаленные, падают вниз...
 И совсем не по чести все это –
 Когда кто-то за нас
     отдает свою жизнь...
 Когда кто-то невинный и чистый
 Платит сам за чужие грехи...
 Тишину разрывая треском и свистом,
 Они падают в темные недра земли...
 Облака превращаются в тучи
 И скрывают собой небеса...

Чтобы воинов древних, могучих
 Смерть не видели
     бодрые вечно глаза...
 Чтобы дети рассветного света
 Свою жертву смогли принести...
 Хотя совсем не по чести все это,
 Но лишь ангелы могут
     теперь нас спасти...

Канарейка...

Ты заперт в клетке из костей,
 Зажатый ребрами-тисками.
 Окно завешено морей
 Твоих солеными волнами...
 Ты невиновен – как и все,
 Кто жизнь с закрытыми глазами
 Прожил. Живущие во сне
 Себе могилы роют сами.
 Язык прикушен, как тебе
 Твой страх советует. С годами
 Мы привыкаем к той стене,
 С которой связаны цепями.
 Свобода – выбор, и его
 Мы делаем, конечно, сами –
 Встав на краю, смотреть на дно
 Иль любоваться небесами...

Мечтатель...

Светом падающих
     звезд обожженный,
 Я развеюсь страницами
     жизни над морем,
 И в тебя безнадежно
     и глупо влюбленный,
 Миражами свободы
     и снов окрыленный,
 Из гнезда своего улечу я на волю...
 Камнем, от безысходности
     брошенным,
 Упаду под воздействием
     сил притяжения.
 Пусть в реальности мало хорошего –
 Пока в сердце есть вера с горошину,
 Никогда не познаю я вкус поражения!

Отрезанное украинство,
воскреснешь ли в себе самом?

Фантомной отдаваясь болью,
шахтерский вздыбился Донбасс.
Донецк, ты слышишь – мы с тобою!
Луганск, мы молимся за вас.

Мы вместе – вопреки границе.
Пусть Киев, к западу влеком,
готов навеки распроститься
с имперским – русским – языком,

но мы-то помним вкус и запах
того – из детства – молока,
и не отнимет хитрый запад
у нас родного языка.

Историю, победу, память –
империю – не отдадим!
И триколор подняв, как парус,
плывет в Россию остров Крым.

***

Лиле Дмитриевой

Ах, почему так невесома
субстанция любви – душа,
и почему нехороша
земная оболочка – сома?

Как в мире косном разгадать
порочное несовершенство?
Превыше вешного блаженства
божественная благодать.

Взошел в закланном средоточье,
предсмертьем в сердце уколол
и жжет пророческий глагол,
и ждет рождений многострочье.

Но чтобы люди услышали,
нужна цветная мишура –
испанки страстной веера,
духи и кружевные шали.

Как сладко вязок, страшно густ
прощальный поцелуй чужбины...
В последний раз с холодных уст
слетает имя Черубины.

Навстречу

Осенний Нальчик. Боже мой,
какое светлое сиянье!
Какой задумчивый покой,
как будто ласковой рукой
нас лето гладит на прощанье.

Пусть впереди – не счесть скорбей,
туманов облачная сырость
и голая и злая сирость
промокших под дождем ветвей.

Все это будет, но пока
иду аллеями Долинска
и чувствую, как небо близко,
как неизбежна и сладка
потусторонняя прописка.

А это значит, мы с тобой
увидимся, как прежде, мама.
Той страшной черною зимой
я в это верила упрямо,

хотя роптала. Но теперь
решеньям свыше не перечу,
и знаю – в мире нет потерь,
ведь я иду тебе навстречу
по листьям, солнца золотей.

***

Как внизу желто-розово-больно,
как все сине и бело вверху!
В небе птице просторно и вольно,
и уютно масленку во мху.
И не жалко совсем и не страшно
мне осиной осенней сгореть
и озимым зерном в черной пашне
умереть.

***

Выхожу на балкон –
попадаю в густой лес.
Это старый орех за границу перил
влез.

А с другой стороны,
набросав лепестков сор,
лезет груша к окну,
как бесшумный ночной вор.

Сколько кроется в кронах
жуков-пауков, птиц?
Из зеленых глубин
сколько смотрит на нас лиц?
По ночам, замолчав,
засыпает мильон глаз.
Ладно, груша, давай,
хитрой веткой ко мне влазь.

Все, что мог породить
искореженный твой ствол, –
пару жестких дичков –
урони на пустой пол.
Горьких деток своих,
непутевейшая мать,
недорощенных брось
и под снег уходи – спать.

***

А июльские травы густы:
как лианы, сплетаются стебли,
и репейника злые кусты
под дождями и солнцем окрепли.

А июльские травы легли.
Не броди перепутанным лугом:
здесь дурманящий запах земли
вдруг откликнется детским испугом.

Упадешь, надышавшись его,
осознав правоту первородства,
и трава, признавая родство,
над тобой, словно купол, сомкнется.

И душа отлетит мотыльком –
отдыхай тридцать лет и три года
под колючим лиловым цветком,
вы одной с ним – упрямой – породы.

А вернешься – шумят ковыли,
серебрится травинка с испода,
и зовет, поднимая с земли,
опьяняющий запах свободы.

Куриный бог

Привязал меня к земле, приковал,
легкой тяжестью на шее повис.
Плоский камешек размерами мал,
но, как якорь, притянул меня вниз.

А ведь я летать умела уже
и с планетой распрощалась почти.
Возле моря на прибойной меже
кто тебя мне подложил на пути?

Птицей Божьей жила, как сказал,
не вила себе гнезда на века,
знала – мир наш ненадежный вокзал,
все здесь временно, транзитно, пока.

Только вдруг под морозящим дождем
клевер капельками крови пророс.
Хоть полвечности еще украдем,
но ответа не найти на вопрос.

Гальку с дырочкою подарит прибой –
вдень шнурок и не снимай никогда.
Мне, куриный бог, надежней с тобой.
Оборвешься – и взлечу из гнезда!

Моление Эльбрусу

Дождь, снег, туман –
и все в одном флаконе.
Природный наблюдаю катаклизм.
На застекленном маленьком балконе,
ненужный, грустно градусник повис.

Что толку знать,
какой сегодня градус,
коль климатический случился казус
и за окном безумный тарарам,
и все сезоны нынче в гости к нам?

О, южный край!
Уймись, помилосердствуй
и не гони меня так быстро прочь.
Эльбрус, позволь пожить
мне по соседству
и солнце в темных тучах напророчь!

Ты мне пришел
в дожизненных виденьях,
когда я клеткой в космосе спала,
и горы, как прививку
в день рожденья,
ввела подкожно памяти игла.

Жила среди кирпичных гор и горок,
но ты во снах шептал утешно:
«Жди!»

И я ждала, и край родной был горек –
все меньше счастья было впереди.

Все меньше лета –
лишь мороз и вьюги,
все меньше света, радости, тепла.
Идем пустыней страшной Кали-Юги,
но я тебя искала и нашла.

И не отдам. Голубоельный город
расстанется с промозглым февралем,
туман уйдет, и я увижу горы –
мой белоснежный поднебесный дом.

Осенние цветы

Зачем цветут осенние цветы?
Им времени отпущено так мало.
Они, как музыканты у вокзала,
нам дарят миг прощальной красоты.

Порядок строгий хризантемных игл,
лучей астральных
хитрая небрежность
родят в душе болезненную нежность,
приятие нам непонятных игр.

И в увяданье тоже есть восторг,
и час тоски бывает странно светел,
уносит годы времени поток,
как лепестки цветов уносит ветер

осенний, влажный,
пахнущий дождем,
грядущим снегом,
стужей повсеместной,
но наша мимолетность так чудесна,
когда мы смотрим на цветы вдвоем.

***

Забудь земную ипостась,
страданье, радость – все тщета.
Смотри наверх, не суетясь,
там – высота.

Там пустота, там мир иной,
зачем доступен он для глаз?
Наверно, он придет за мной
сейчас.

Душа нацелилась – в зенит.
Без слез вослед мне улыбнись,
земная оборвется нить,
но вечна – жизнь.

Перед грозой

Какое небо, Боже мой, какое небо
над городом, распластанным в жаре!
Вина не надо и не надо хлеба,
когда на небо смотришь на заре.

Оно пред неизбежною грозою
нас тянет вверх неясною мечтой,
как ящеров когда-то в мезозое
пугая неземною пустотой.

Оно от зноя хмурится сурово,
того гляди взорвутся облака
строкою молний и раскатом Слова,
которого не слышал мир пока.

Вахид Итаев**Может ли народ быть «крайним»?**

Статья известного чеченского писателя и поэта Вахида Итаева вышла в далеком 1995 году в одном из майских номеров всероссийской газеты «Правда». Острое публицистическое перо писателя жестко и бескомпромиссно вскрывает истоки и причины первой Чеченской кампании, начавшейся ровно 20 лет назад – 11 декабря 1994 года. В полемических размышлениях автора не наблюдается разделения на «своих» и «чужих» – Итаев на стороне Правды.

В память об этой трагической дате и тысячах жертв военных действий на территории нашей республики предлагаем вниманию читателей эту публикацию.

Взяли и убили город. Большой, теплый, уютный город. В нем было не меньше человеческого счастья, чем в любом другом, и, конечно, не меньше печалей. Жители города Грозного – полмиллиона сынов человеческих – и смеялись, и ссорились, и веселились, и плакали. Как и везде. Громадного счастья в подлунном мире и не бывает. А теперь живые разбежались, мертвые остались лежать под мертвым городом. В считанные дни сотни тысяч грозненцев стали нищими и бездомными. И многие, в ком жизнь просто теплится, погибших считают счастливее себя.

Да, взяли и убили город, столицу народа. А народ без своей столицы – что человек без имени, что птица без крыльев. За грехи небольшой кучки честолюбивых авантюристов и прожорливой мафии наказали весь народ – детей, женщин, стариков, простых тружеников, интеллигенцию, больных, калек – всех! И такое ощущение, что исполнители этой черной акции взяли учебник по истории средних веков, прочитали, как поступали варвары, идя на супостата, засевавшего в крепости, и радостно вскричали: «Эврика! Вот решение вопроса: или бунтовщики сдаются, или всем им там хана и капут».

Бунтовщики заартачились. Дудаев давно сжег все мосты с великим понтом, забыв, а точнее, не зная мудрого совета своих предков: не сотворяя ту войну, которую ты не сможешь выиграть, чтобы тебе не жить потом в тесноте и обиде. Дудаев все дудел и дудел в одну дуду: если российская армия сунется в мою сторону, то она будет либо уничтожена, либо отброшена на льдины Северного Ледовитого океана, в царство моржей и белых медведей, а столица Чечни перенесена в Санкт-Петербург.

Банальное бахвальство генерала тиражировали на всю планету, прекрасно понимая, что верховодит над человеческими сердцами не истина, а общественное мнение, этот пожиратель людской совести. Московские политики кивали в сторону Грозного, пожимали плечами и делали обиженный вид: дескать, слушайте и смотрите сами. А бойкие журналисты стряпали косяки статей и строили сотни туманных телевизионных передач, втирая в сознание россиян и всего мира, что на всех путях зла, как Млечный путь на небе, стелется широкий чеченский след. И вот наконец – не зря гуртом потели – соткали полотно кургузой политики, прицепив к нему как последний штрих, рисующий злой образ чеченца, хвостик из хвастливых речей генерала.

И пробил час тьмы. Огромная военная машина поползла на город, как некогда ледник на Европу. Грехи режима, которой поддерживало – акцентирую! – не более пятнадцати процентов населения, вменили в вину всему народу. И вот

каждый вечер вся планета Земля созерцает на экранах телевизоров убитый город Грозный.

Поразительно: в октябре 1993-го в до волшебства прекрасный осенний день, когда над Москвой опрокинулся бездонный синий купол неба, негусто засеянный белоснежными облаками (видно, Бог нарочно привел природу в такую гармонию, чтобы люди получше разглядели мерзость своих поступков), расстреляли «Белый дом», парламент страны. И это перед всем миром, да еще с какой-то непостижимой бравадой. А теперь и город Грозный. И не только. И город Аргун, и город Шали, и город Гудермес, и десятки сел.

Нет беды страшнее, чем гражданская война. А президент страны спокойно говорит:

– Я доволен нынешней ситуацией в России. Между ветвями власти никаких там трений. Дума думает. Силовые министры воюют. Если память мне не изменяет, где-то на кавказском направлении. А я, как президент, властвую не глядя. Сказать попроще, каждый занят своим делом. Никто другому не мешает. Да и нужды нет. Россия, слава Богу, страна терпеливая и просторная, любому богатырю, будь он хоть о четырех ногах, как конь, есть где разгуляться на воле.

Но председатель Совета Федерации, господин Шумейко, колоссальнее президента.

– А мне нравится все, что там делает армия, – небрежно бросает он, перекидывая с одного места на другое стопку бумаг.

Вот это да! Перед таким размахом души трусливо съезжались и пророки. Какой вакуум мыслей и благородства! Давно не слышала Россия таких циничных слов.

Но неужели и армия довольна всем тем, что она там натворила, выполняя чьи-то слепые приказы? А впрочем, какое это имеет теперь значение, все разбито в дым и прах. Дров в Чечне наломали выше Кавказского хребта.

А если бы президент не поспешил с ультиматумом, удержался от угроз и резких слов, а взял бы правительство, представителей регионов, духовенство – да всех желающих и поехал бы па Кавказ, прошел бы пешком по чеченской земле хотя бы полкилометра – сколько народу стеклось бы к нему! – и просто сказал бы людям: друзья, не рвите жилы ни себе, ни России. Сегодня так, как предлагают иные из вас, то есть порознь, – нельзя, надо вместе. Таков ход истории. Давайте поработаем. Ведь дел у нас непочатый край. А оружие сдайте на склады. Зачем оно вам? Поле пушкой не засеешь, разве что трупами. А убивать – и жестоко, и глупо. Все мы умираем и так.

Поступи президент так, во-первых, это было бы мудрее и человечнее, а во-вторых, и результат был бы иной. Нет, он поступил по принципу: не согрешишь – не в чем будет покаяться, а еще точнее, по-браконьерски : пусть горит вся тайга, лишь бы медведя изловить.

Сомнений нет, по истечении какого-то времени историки, пишущие основательно, с учетом всех «прожилок» событий, напишут примерно так: Москва, разумеется, знала, что большая часть граждан Чечни не поддерживала режим. Но увы! Она была занята не державными заботами. Ее новые руководители (в основном это были молодые люди), не были политиками в том значении этого слова, под которым подразумевается мастер, неусыпно держащий в поле зрения связь прошлого, настоящего и будущего своего Отечества. Нежданно-негаданно, без борьбы и риска, по какому-то странному капризу мировой судьбы, редчайшему в человеческой истории, попав в древние палаты российских царей, они долго не могли поверить, что это не

сон. А кто и поверил в факт, задыхаясь от буйных побегов амбиций в душе, не знал, что ему делать, и искусство быть политиком в лучшем случае понимал до цинизма просто: в обед отрицать то, что он говорил утром, а вечером то, что утверждал в обед. К тому же после распада великой державы – СССР, они, осознанно или неосознанно, несли в себе бациллу разрушения. И эйфория их духа была направлена не на созидание, а на уничтожение всего «старого». И под «старым» они понимали не только ветхое, а все то, что было до них. В этих – на горе России – политиках на пижонском уровне сидел мефистофельский кураж: «Творенье не годится никуда».

И Дудаев для них был свой парень. Психологически свой, как разрушитель всего и вся, и в конце концов как и собственный ставленник. Да и герой в некоторой степени в их глазах как победитель партократии в одном углу России. Про него они первоначально, гордясь своей находкой, говорили: «В доску свой». Это потом, когда политические ветры закружились в другой игре, он стал «в бомбу чужой».

Так напишут после. А нынче идет война.

Но что за странная судьба у народа! Даже не хочется употреблять это избитое слово – трагическая. Это уже что-то такое, что повыше трагедии. В двадцатом веке чеченский народ в третий раз начал с нуля свое социальное и духовное бытие. В феврале 1944 года его депортировали в Азию. Но ни холод, ни голод, ни свинцовая плита комендантского режима не превратили народ в вялое и безвольное собрание индивидуумов. В короткое время чеченцы встали на ноги и вошли в колею той жизни, которая текла на их новой родине.

Правда, мечта вернуться на свою настоящую родину не покидала их ни во сне, ни наяву. Что ни говори, а Кавказ – сладкий звук для сердца горца. И когда через четырнадцать лет, во времена Хрущева, было дано такое разрешение, с какой страстью побежали чеченцы в страну своих отцов. Ломали все нормы, обходили все преграды и запреты властей, пытающихся как-то регулировать этот процесс. Отдавая за бесценок дома, скот, все, что могло хоть в малой степени замедлить их движение, используя все лазейки и дороги, устремились они на Кавказ. Детская вера в обещания – а власть никогда не скупится на них – и неистребимый романтизм опять – в который раз уже! – подвели чеченцев. Им казалось, коль высшая власть с добрыми намерениями озаботилась их судьбой, то на Кавказе для них готов и стол, и дом.

Все оказалось не так. Мечта и действительность разнились друг от друга, как ясный майский день от промозглой осенней ночи. Никто ничего не приготовил. И опять народ начал с нуля. Дома пришлось строить, а хлеб искать на стороне. Ибо ни тогда, ни во все последующие годы в сельских районах республики, где проживала большая часть народа, и на десять процентов трудоспособного населения не было рабочих мест. Ежегодно во все углы Советского Союза от Тихого океана до балтийских вод выезжали чеченцы на сезонные работы, всегда испытывая ноющую боль от этой разорванности надвое – семьи на Кавказе, а они за тридцать земель от них.

Тридцать лет, протекшие от шестидесятых до начала девяностых годов, – это годы великого подвига чеченского народа.

Давно начали психологическую подготовку россиян к войне в Чечне. Сначала в печати, как помнит читатель, появились чеченские «миллиарды», потом – «чеченские авизовки», после – «чеченские следы». И пошло, и поехало. Все побежали в одну степь.

Пускали и интеллигентские шпильки, вот знакомая картина. Сидят какие-то люди в студии и перед миллионами телезрителей философствуют на чеченскую тему. Вот один делает открытие. В словаре Брокгауза написано: девушка-

чеченка парню, предлагавшему сердце и руку, отвечает – как же я пойду за тебя, если ты еще паршивой овцы не украл? Другими словами, не отличился разбойными делами. «Ба! – должен хлопнуть себя по лбу телезритель. – Так вот оно что. Коль рыцарь и идеал молодой горянки – вор, все понятно. Воруют в начале жизни и в конце. Значит, правду бают газеты, утащили Россию в горы». Возразить некому, чеченца не пригласили в студию. Ведь он мог бы сказать знатокам:

– Господа, вы несете пакостную чушь. Ну какая горянка пойдет за вора! Какая-то пойдет. В семье не без уроды. Но уважающая себя девушка... И не ссылайтесь на словарь. Он писан век назад. И автор или не понял аллегории, иносказательности, распространенного приема горской речи, или про обычаи народа расспросил дурака на развилке дорог.

Впрочем, хорошо, что не пригласили чеченца на эти посиделки. Вряд ли он долго слушал бы эту галиматью. А просто сказал бы:

– Пятачок, много еще помоев в твоём корыте, лей, не стесняйся.

Но чеченца в студии нет, и второй веселый «мудрец» в злорадном восторге бросает в костер клеветы строку поэта: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал...»

О, как упрямо невежество! Полтора столетия вся российская посредственность носится с одной строкой Лермонтова. Но ведь это озорная поэтическая вольность, а не характеристика чеченцу. Да и младенцу, будущему казаку, поэт пророчит: «Бранное житье... В стороне чужой». Ну чем казак не чеченец? А суть колыбельной, господа, в другом. «Стану сказывать я сказки...», – говорит поэт. Сказки говорил, а вывели... Да о чем говорить, так устроили этот мир. Что большое ни скажи, а Смердяков тут как тут, окуржит, заузит и – бац! – кому-нибудь в темя.

Спору нет, есть грехи и у чеченцев. Кто Богу не грешен, царю не виноват? Но столько – о, нет! У них грехов не больше, чем у других. Все мы с одного поля ягоды. Просто чеченцев искусственно сделали крайними. Но у этого мира есть – Хозяин. Не мы, слава Богу, крутим планету Земля вокруг Солнца, и не мы раскинули звездный шатер. Кто как виноват — в конце концов решит Господь Бог, все видящий, все слышащий, имеющий свою «канцелярию» и своих «мэров», сильно отличающихся от московских, нью-йоркских и вашингтонских. Последнее слово за Ним. А пока идет война. Ельцин и Грачев доказывают миру старинную азбучную истину: цель, и самая благая, принимает физиономию тех средств, с помощью которых она достигается. У чеченских событий давно и нет никакой физиономии, а есть гигантская кривая рожа. Молодых ребят, не знавших друг друга, не питавших друг к другу никакой вражды и ничего не ведающих про политические игры, бросили с оружием в руках друг на друга. И результат прост, как ад. Тысячи убитых, тысячи калек.

Злой рок кружился в двадцатом веке над чеченским народом. Но ничего, он переживет и этот очередной апокалипсис, роскошный «дар» московских гореполитиков. Ему не привыкать. Сидя целые века между Кавказским хребтом и Каспием, излюбленным местом праздных вояк, много бед видел он. Да и российский сумбур будет длиться не вечно.

Вдохновенные строители России и Кавказа придут. Пусть не завтра и не послезавтра, но придут. И тогда никому не придет в голову какой-либо народ делать крайним.

Гилани Индербаяв

Социально-исторические и политические предпосылки зарождения жанра драмы в чеченской литературе 20-х годов XX в.

До Октябрьской революции чеченский народ, как и многие народы царской России, не имел своей развитой письменной художественной литературы и профессионального театра. Вся духовная культура народа, по существу, была сконцентрирована в его богатом устном творчестве. Народное творчество явилось естественной почвой для появления первых ростков индивидуального творчества. Но на пути возникновения художественной литературы стояли такие препятствия, как бесписьменность народа, отсутствие кадров национальной интеллигенции.

Советская власть, которая окончательно установилась в Чечне в марте 1920 года, пробудила творческие силы широких народных масс, привлекла их к решению важнейших задач социалистического строительства, предоставила широкие возможности для развития национальной культуры. Одним из значительных завоеваний Октябрьской революции для чеченского народа было создание массовой письменности.

Чеченская письменность на графической основе русского (П. Услар, К. Досов) и арабского (С. Гайсумов) алфавитов существовала еще до второй половины 19 века, но в силу отрицательных социально-экономических и политических условий массового распространения не получила. Соответственно в дооктябрьский период не сложилась и развитая художественная литература, хотя сегодня нам известны имена многих чеченцев, занимавшихся художественным творчеством на чеченском и арабском языках.

Действительно, по-настоящему письменность стала доступна чеченскому народу только с приходом Советской власти, но нельзя этот факт увязывать жестко с самим появлением письменности.

Чеченская письменность до 1925 года развивалась на упрощенной арабской графике, а позже – на латинской и русской.

Большим событием в жизни чеченского народа явился выход первого номера газеты «Серло» (1925) на чеченском языке. Газета «Серло» и в том же году созданное национальное издательство явились центрами, вокруг которых начали выстраиваться и объединяться творческие силы Чечни. На страницах газеты «Серло» начали появляться стихи, очерки и рассказы первых чеченских авторов.

Одновременно с произведениями поэзии и прозы в молодой чеченской литературе стали появляться и произведения драмы. Такое явление, как замечает исследователь чечено-ингушской драматургии Ю. Айдаев, было обусловлено тем, что в фольклоре чеченцев были широко развиты элементы драмы – диалогическая речь, острый динамический сюжет, индивидуализированный язык персонажей. Драматические мотивы в жизни чеченского народа были очень развиты, веками ждали своего воплощения в литературе и на сцене.

Возникновение жанра драмы в молодой чеченской литературе было обусловлено, во-первых, как было сказано выше, многовековым опытом народа, выразившемся в устном творчестве, развитием театральной самодеятельности в Чечне в первые годы советской власти и, наконец, необходимостью возникновения и развития национального театра.

С приходом Советской власти в жизни чеченского народа происходят сложные социально-нравственные процессы. Задачи новой власти, ставившей своей целью воспитание нового советского человека, порождали весьма сложные ситуации, которые невольно способствовали развитию драмы.

Зарождению и быстрому развитию драматического жанра в молодой чеченской литературе способствовали также и самодеятельные театральные кружки, которые возникали в начале 20-х годов в Грозном и районах автономной республики. Эти кружки разыгрывали небольшие пьесы и инсценировки местных авторов. В то время, когда большая часть народа была безграмотна и стояла на довольно низком уровне общественного развития, ни поэзия, ни проза не могли иметь такого эмоционального и агитационного воздействия, как драма. Только драма способна была непосредственно со сцены призывать горцев строить новую жизнь, бороться против устоев уходящего строя, претворять в жизнь мероприятия Советской власти.

Следовательно, лучшей формой участия начинающих чеченских писателей в жизни молодой республики могла быть именно драматургия. Огромное значение имел сам факт, когда на сцене разоблачалась социальная несправедливость старого общества, обнажалось истинное лицо врагов народа и новой жизни. В действиях, словах и размышлениях героев простой плакатной пьесы неискушенный зритель узнавал себя и своих «классовых врагов». Диалогическая «перестрелка» между бедными и богатыми на сцене иногда переходила в зал аульского клуба.

Появление первых драматических произведений в чеченской литературе относится к 1923 году. Это были пьесы «Алибек-Хаджи Зандакский» Д.Шерипова, «Молодая жена старика» И.Эльдарханова и др.

С первых шагов своего зарождения чеченская драматургия ставила и решала острые проблемы. Одновременно со строительством новой жизни в Чечне партия и Советское правительство начали решительную борьбу против «векового невежества», доставшегося освободившемуся народу от прошлого. Во всех сферах культуры решалась проблема нового человека: «Новое искусство рождается вместе с новым человеком» (Бехер И. В защиту поэзии. М., 1959, с.87).

Большое значение для развития молодой чеченской литературы имела резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». Этот документ явился партийной программой, указывающей, как и в каком направлении должна развиваться советская литература.

В чеченской драматургии начального этапа получили развитие такие драматургические жанры, как социально-бытовая драма, историческая драма, комедия. В создании полнокровного образа героя нового времени чеченская драматургия 20-х годов сталкивалась с серьезными трудностями. Многие писатели еще не видели четко наиболее характерные черты нового времени и нового человека. Еще не устоявшимся, зыбким был материал новой действительности. Чеченские драматурги видели то новое, что приходило в жизнь народа, понимали его положительность и прогрессивность, но еще не умели образно это воплотить в своих произведениях. В первых драматических произведениях были наглядны такие недостатки, как отсутствие психологической глубины характера и логики поступков героев, декларированность, примитивность сюжетов, слабая сценичность.

Начальный период развития национальной драматургии наглядно показывал связь между письменной драматургией и устным творчеством. Говоря о произведениях чеченских авторов 20-х годов, современные исследователи литературы отмечают, что «некоторые произведения вообще целиком строились на материале фольклора или представляли собой литературную обработку народных сказок, сказаний, легенд...» (Очерк истории чечено-ингушской литературы. Чеч-Инг.кн.изд-во, 1963, с.52).

Преодолевая в своем творчестве трудности и недостатки, чеченские драматурги обращались к опыту наиболее развитых литератур, учились осмысливать происходящие перемены в жизни народа, видеть типическое в характере нового советского человека.

Большой школой для приобретения необходимого драматургического мастерства для чеченских авторов явились героико-революционные драмы, созданные в русской литературе 20-х годов. Это были «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Мятеж» Д. Фурманова и т.д. В перечисленных произведениях были отражены решающие закономерности революционной эпохи, которые были характерны и для чеченской действительности того времени.

Темы и проблемы, которые затрагивались первыми чеченскими драматургами в своих произведениях, свидетельствовали о том, что они находились в тесном соотношении с общей проблематикой советской драматургии 20-х годов.

Острое внимание первые чеченские драматурги обращали и на бытовые темы. Это объяснялось условиями новой советской действительности, идеология которой требовала от литературы и искусства развернуть широкую борьбу с так называемыми «пережитками прошлого».

Многие народные обычаи и традиции, согласно коммунистической идеологии, с приходом Советской власти объявлялись «вредными пережитками», и борьбу с ними должна была вести молодая чеченская драматургия. Особое место среди «пережитого прошлого» занимала кровная месть.

Первым драматическим произведением, в котором затрагивалась тема кровной мести была пьеса И. Эльдарханова и С. Бадиева «Закон отцов».

Действие в пьесе происходит за десять лет до Октябрьской революции и первые годы после победы Советской власти. Сюжет пьесы очень прост.

В гости к молодому человеку Хамзату приезжает его друг Халид. Хамзат в честь своего друга организовывает вечеринку, куда собралась аульская молодежь. Когда начал танцевать Хамзат (хозяин дома), Халид в порыве веселья и уважения к другу стреляет из револьвера и... попадает случайно в танцующего Хамзата. Хамзат вскоре умирает. Халид, покинув больную мать и молодую жену с ребенком, должен теперь скрываться. Семья тяжело переживает случившееся.

Брат убитого и его родственники (мужчины) понимают трагическую случайность происшедшего, готовы простить Халида. Против прощения Халида выступает мать Хамзата - Кебират.

Последствия закона кровной мести в пьесе страшны: погибли Хамзат, Халид, Магомед, сходит с ума мать Халида – старая Бука.

Примирение кровников стало возможным только с приходом Советской власти.

В начале 20-х годов в чеченской литературе обостряется интерес к истории, к прошлому народа, что было связано с небывалым подъемом национального самосознания народа.

Новые условия, создававшиеся после победы Октябрьской революции, давали народу возможность по-новому оценить исторический путь, пройденный им, осмыслить свою историю, важнейшие моменты национально-освободительной борьбы. Чеченские писатели, работавшие в разных жанрах, обращаются к героическим моментам борьбы народа, в первую очередь к богатому в этом смысле 19 веку.

Первым из них был Денилбек Шерипов, известный в Чечне юрист.

В 1923 году он написал историческую пьесу в трех действиях - «Алибек-Хаджи Зандакский». Шерипов обратился к одному из интересных исторических моментов борьбы чеченского народа за свою независимость - восстанию 1877 года, которое возглавлялось Алибеком из аула Зандак.

По жанру «Алибек-Хаджи Зандакский» можно определить как трагедию. В пьесе более двадцати действующих лиц.

Основной конфликт пьесы – столкновение между колонизаторами и местными угнетателями, с одной стороны, и всем трудовым народом, с другой.

Главной причиной, послужившей восстанию, был аграрный вопрос, борьба за землю. Чеченское крестьянство задыхалось от безземелья. Лучшие земли Чечни были захвачены казаками, переданы русским и чеченским офицерам,

всевозможным чинам царской администрации, «верхам» Чечни, которые, ради личного благополучия и обогащения, предавали интересы народных масс.

Время, выбранное для восстания, по мнению руководителей, было самым удачным: Россия была занята войной с Турцией. Что давало надежду на успех.

Во главе горцев стал 27-летний Алибек-Хаджи, который духовенством был провозглашен имамом Чечни. Алибек-Хаджи стал вождем основной массы горцев, потому что был близок и понятен ей, связан с нею плотью и кровью.

В пьесе Алибеку 45 лет, у него есть семья: жена Ану, сын Аласхан и дочь Зайнап.

С разных разных концов горной Чечни к Алибеку стекаются сподвижники. В разговорах собравшихся в полной мере вскрывается колонизаторская сущность царизма в Чечне. Они говорят о жестокости царской администрации, ссылках безвинных людей в Сибирь, унижениях достоинства свободолюбивого горца. Один из героев пьесы, Ума Дуев, говорит: «Мы приготовились: или победить, или умереть в борьбе...»

Стратегия повстанцев такова: захватить царские крепости, находящиеся в горах Чечни, и всеми объединенными силами ударить по крепости Грозная, где сосредоточены основные силы противника.

С военной и политической стороны Алибек-Хаджи выбрал для выступления наиболее удачный момент, но оно не могло иметь успеха: силы были неравны.

Суд приговаривает Алибека-Хаджи и его сторонников к казни. Настоящим приговором царскому строю звучит последнее слово Алибека-Хаджи, произнесенное им на суде.

«Алибек-Хаджи Зандакский» – пьеса историческая. Если к содержанию пьесы подходить с точки зрения методологии, существовавшей в советском литературоведении, то она имеет ряд существенных недостатков: в ней не показана связь восстания горцев с русским освободительным движением, слабо раскрыта роль народных масс в восстании. Народ не показан как главная движущая сила истории.

Мусульманское духовенство и кулаки были крайне недовольны лишением их былых привилегий, привлечением к управлению государством бедняцких и середняцких слоев. Они организовывали в разных селах и аулах антисоветские выступления, всячески старались дискредитировать в глазах бедноты новую власть. О событиях подобного характера повествует драма Магомета Яндарова «Макажоевский имам».

Драма «Макажоевский имам» была написана в 1928 году и поставлена на клубной сцене участниками драматического кружка Грозненского рабфака. В основу драмы легли реальные события, которые в 20-е годы имели место в Макажоевском районе Чечни.

В качестве главных героев в драме «Макажоевский имам» выведены кулаки: Абдулла, Муца, Бакархаджи, Юсуп и др. Заодно с ними и аульный мулла Шуаип. Надеясь справиться с местными большевиками, кулаки провозгласили своим «имамом» Сайпуддина, объявившего, будто ему свыше предназначено возглавить борьбу против большевиков.

Автору драмы особенно удались отрицательные характеры. Их индивидуализации он достигает как внешним описанием, так и речевой характеристикой. Но это – не всесторонняя психологическая индивидуализация, а односторонняя, «социальная». Подобного рода недостатки были характерны почти для всех произведений чеченской литературы 20-30-х годов. Социальное происхождение героя было существенным критерием для его характеристики.

Идеи партии в драме «Макажоевский имам» проводят комсомольцы. Здесь они выступают как основная опора Советской власти.

Комсомольцы Исраилов, Масхал, Асхаб, Усман разоблачают «имамство» Сайпуддина и истинные цели кулачества и духовенства, они способствуют организации разгрома «восстания». Нельзя сказать, что образы комсомольцев удались автору – они страдают прямолинейностью, схематичностью.

Из положительных героев более полнокровным и правдивым предстает в драме образ бедняка Ножны. Ножна – сторонник и строитель новой жизни, он вступает в словесное единоборство с главарями готовящегося восстания, смело говорит им в глаза правду, но не решается разоблачить их перед всем народом. Автор правдиво показывал половинчатость его психологии.

Пьеса «Макажоевский имам» Магомета Яндарова интересна как первое произведение в чеченской драматургии о реальной классовой борьбе в ауле, о сложностях условий коллективизации и расстановке противостоящих сил.

В 20-е годы в чеченской литературе зарождается и жанр комедии. Его зачинателем в чеченской литературой явился Иса Эльдарханов.

Материалом для сюжета первой комедии Эльдарханова «Молодая жена старика» (1923) послужил фольклорный рассказ. На титульном листе комедии сам автор отмечал: «Написана на основе чеченских рассказов». Создавая образы старого хитрого мужа и его ветреной юной жены, увлекающейся чужими мужчинами, автор использовал приемы, характерные для устного народного творчества.

Содержание пьесы показывает мудрость и находчивость, присущие простому народу. Комедия создана в ярко-выраженной национальной форме.

В другой своей пьесе («Шейх-Махсум», 1928), Иса Эльдарханов сделал попытку изобразить советскую действительность в Чечне середины 20-х годов. Персонажи пьесы представляют собой все слои населения того времени: бедноту, богатеев, духовенство, купечество.

Интересной особенностью пьесы является то, что в ней реальное переплетается со сказочным, условным.

И. Эльдарханов верно уловил тенденции новой жизни, рождение ею нового человека. В этом большая заслуга автора.

Пьеса «Шейх-Махсум» явилась свидетельством заметного творческого роста драматурга. И. Эльдарханов стал удачнее, по сравнению с первой пьесой, строить диалоги. В новой пьесе лучше проявляются характеры действующих лиц.

Речь своих героев автор богато насыщает фольклорными образами, яркими оборотами, афоризмами, пословицами и поговорками.

Отличительная черта новой пьесы И. Эльдарханова – ее открытая злободневность. Драматург увидел и изобразил в своей пьесе процесс социального расслоения чеченского аула, антагонизм между богатыми и бедными, между сторонниками и врагами Советской власти.

Как один из зачинателей чеченской драматургии И. Эльдарханов в своих пьесах не избежал недостатков и просчетов, характерных для ее начального периода.

Чеченская драматургия, как и вся молодая литература, прошла в 20-е годы сложный этап зарождения. В первую очередь писатели учились у народа, осваивая устное народное творчество. Но фольклор, даже исключительно богатый, не мог стать единственным источником полноценной художественной литературы. Поэтому чеченские драматурги учились у литератур, имеющих богатые письменные традиции.

К концу первого этапа развития чеченской драматургии в ней начали формироваться нормы литературного языка. Процесс этот проходил довольно сложно, так как в чеченском языке было много диалектов. Нельзя сказать, что процесс формирования литературного языка, начавшийся в 20-е годы, завершился к нашему времени. Полемика о литературном языке имеет место и сегодня.

Первые чеченские драматурги широко использовали в своем творчестве изобразительно-выразительные средства народного языка, подхватывали неологизмы, которые рождались явлениями новой власти, но они еще в достаточной мере не умели индивидуализировать характеры средствами языка, по этой причине в пьесах преобладала «социальная» характеристика.

Чеченская драматургия с первых же шагов попыталась ответить на самые злободневные, животрепещущие вопросы времени, главным из которых в новых условиях был вопрос избавления народа от «вредных пережитков прошлого».

Если, например, русская литература считала своим первым долгом показать борьбу за Советскую власть и героику труда 20-х годов, то чеченская действительность «требовала» самой активной борьбы за человеческую душу, за очищение ее от «пороков» прошлого, пороков, мешавших строительству новой жизни.

Борьба с кровной мезьей, разоблачение шарлатанства всяких знахарей, духовное освобождение человека, борьба с безграмотностью народных масс, вовлечение их в совместную общественную жизнь, перевод сельского хозяйства на социалистический путь развития – вот что, прежде всего, волновало чеченскую драматургию. Все остальные проблемы отодвигались на второй план. Не случайно поэтому, что в чеченской драматургии периода зарождения, мы не найдем ни одного героико-революционного произведения, ни одной пьесы о пафосе строительства новой жизни. Эти вопросы поднимались только в 30-е и последующие годы.

Следует отметить, что не все проблемы, которые затрагивались в пьесах отмеченного времени, были вызваны самой жизнью чеченского народа. То, что советская идеология, не вникая в суть явления, объявляла «пережитками прошлого», часто были народными традициями и обычаями, без которых не мог сложиться чеченский этнос.

В многовековой истории чеченцев было много трагических и сложных периодов. Традиции, унаследованные от предков, помогали народу пережить эти тяжелые времена, помогали сохраниться как этносу, помогали не утратить свою национальную культуру. При внимательном изучении национальных традиций и обычаев, дошедших до наших дней, становится понятным тот рациональный смысл, который заложен в них. Хорошо об этом сказал Ахмад Сулейманов, известный чеченский этнограф, поэт: «Как вода, просачиваясь в землю, находит себе известный путь, так естественным путем складываются у любого народа его традиции. Они оттачиваются веками. . . . Рождение традиций подсказано самой природой. Они появились не вдруг, не с неба упали – они вырабатывались, шлифовались, как и зоркость глаз, чуткость пальцев. Их рождение диктуют условия жизни. . . .» («Культура мира в традициях и обычаях народов Северного Кавказа». – Назрань, 2013, с.149).

Но коммунистическая идеология, которая была на вооружении у Советской власти, не желала считаться с закономерностями, диктуемыми самой природой народной жизни. Установка отвергнуть все «старое» и создать все «новое», в том числе и новую мораль, новую нравственность, новую культуру приводила литературу к схематизму, поверхностному изображению жизни, к ее искажению.

Общим недостатком творчества первых чеченских драматургов следует отметить то, что о Советской власти и ее делах, о победе новых общественных отношений между людьми в их пьесах больше говорится, а не показывается.

Начальный этап чеченской драматургии отчетливо показал наличие естественной связи письменной драматургии с ее народными источниками, поднял важные темы из жизни народа, выявил сильные и слабые стороны мастерства первых драматургов и явился необходимым звеном на пути дальнейшего становления чеченской драматургии.

Хасан Гапураев**Телохранитель шейха**

Вспомним фильм «Угрюм-река». Есть там один герой, кавказец Ибрагим. Интересно, с кого же списан этот образ, который так близок чеченцам? Этот вопрос долго не давал мне покоя. Что-то близкое и дорогое было в этом горце. А о том, что Ибрагим чеченец, я узнал 16 марта 2005 года из передачи «Ищем выход» на радио «Эхо Москвы», с участием Шамиля Бено. Цитирую: «Сюжеты, связанные с контактами, борьбой или дружбой русских с мусульманами, православных с мусульманами, проходят красной нитью через всю культуру. Начинается от Пушкина – с его «Пророком» или «Подражанием Корану». И через Лермонтова – «Валерик», Бестужева-Марлинского, Льва Толстого, ну и до Шишкова – «Угрюм-река». Вы помните, там был образ чеченца, в «Угрюм-реке», – такой, который взял на себя вину, и не понимал, почему русский его предает, хотя он его братом назывался».

Спору нет, в Сибири прошла жизнь не одного горца. Туда в царское время ссылали за всякое неповиновение властям. И не одна буйная голова нашла приют на золотых приисках или на Колыме, в той самой бескрайней Сибири.

В том же 2005 году появилась возможность удовлетворить мое писательское любопытство, когда был организован «Поезд дружбы» от Сахалина до Балтики. Первым из журналистов республики я записался в экспедицию и не прогадал. После каждой остановки в городах Сибири, таких как Красноярск, Иркутск, Новосибирск, я интересовался историей фильма и судьбами чеченцев, которые оказались на Ленских и Ангарских золотых приисках. Нашел станцию «Зима», где в ссылке побывала семья знаменитого абрека Зелимхана. Слушал рассказ, как в Северный лагерь было доставлено 100 чеченских мулл, сосланных на каторгу. Начальник лагеря дал указание на их глазах прирезать свиней и накормить исхудалых арестантов мясом. Но все сто мулл, как один, отказались от еды и в течении недели один за другим умерли.

Много чего узнал о месте ссылки чеченского поэта Арби Мамакаева. Своими глазами видел причал, где в буфете работала Мая, на набережной реки Лена. Помните песню в исполнении Валида Дагаева: «Ленинградехь кхиъна йо1». Даже в родном поселке писателя Виктора Астафьева Песчанка искал цирюльню Ибрагима. Вот отрывок из «Угрюм-реки», где писатель Вячеслав Яковлевич Шишков о нем пишет весьма колоритно:

«На всполье, где город упирался в перелесок, стоял покосившийся одноэтажный дом. На крыше вывеска:

СТОЙ. ЦРУЛНА. СТРЫЖОМ, БРЕИМ, ПЕРВЫ ЗОРТ

Хозяин этой цирюльни, горец Ибрагим-Оглы, целыми днями лежал на боку или где-нибудь шлялся, и только лишь вечером в его мастерскую заглядывал разный люд.

Кроме искусства ловко стричь и брить, Ибрагим-Оглы известен люду городских окраин как человек, у которого в любое время найдешь приют. Вечером у Ибрагима клуб: двадцатники, – так звали здесь чиновников, – мастеровщина-матушка, какое-нибудь лицо духовного звания, старьевщики, карманники, цыгане; да мало ли какого народу находило отраду под гостеприимным кровом Ибрагима-Оглы. А за последнее время стали захаживать к нему кое-кто из учащихся.. Отнюдь, не дешевизна еды прельщала их, а любопытный облик хозяина, этого разбойника, каторжника. Пушкин, Лермонтов, Толстой – впечатления свежи, ярки, сказочные горцы бегут со страниц, и манят юные мечты в романтическую даль, в ущелья, под чинары. Ну, как тут не зайти к Ибрагиму-Оглы? Ведь это ж сам таинственный дьявол с Кавказских гор. В плечах широк, в талии тонок, и алый бешмет, как пламя. А глаза, а хохлатые черные брови: взглянет построже – убьет. Вот черт!

Но посмотрите на его улыбку, какой он добрый, этот Ибрагим. Ухмыльнется, тряхнет плечами, ударит ладонь в ладонь: алля-алля-гей! – да как бросится под музыку лезгинку танцевать. Вот тогда вы полюбуйтесь Ибрагимом...

Заглядывал сюда с товарищами и Прохор Громов».

Так и не узнал я про Ибрагима в этой поездке ничего. Хотя вместе с Дукувахой Абдурахмановым написал книгу про этот круиз «Миссия мира или от Сахалина до Балтики “, объемом в 550 страниц. Здесь не хватало повести об этом отважном горце. А разгадка ходила рядом. Скорее меня запутал тот факт, что в фильме и в романе Ибрагима убивают. Так решил всемогущий автор. Что самое интересное, лет 20 в моем личном архиве, оказывается, я хранил фото этого человека, не зная, что он и есть тот самый легендарный Ибрагим. Просто Вячеслав Шишков, в угоду властям, – а роман писался, когда чеченцы еще были в опале, – своему герою дал имя Ибрагим. На самом деле это был житель Цацан-юрта, а впоследствии телохранитель шейха Баматригей-Хаджи(1овда) Митаева – Исмаил Джамбеков, по прозвищу «Исмаил Высокий».

Что примечательно, разгадал эту загадку не я, а мой троюродный брат, врач по профессии, Хасмагомед Безиев. Он тоже, вот уже много лет, как и я, идет по следу шейхов Митаевых. Собирает фотографии, рассказы и документальные свидетельства, устно переданные из поколения в поколение об этих святых. Хасмагомед собрал колоссальный полевой материал даже на три романа. Главное, он знает имена современников 1овды и Али Митаевых, их близких друзей, семейные узы.

Года три назад мы на машине Безиева ехали на работу в Грозный и разговорились на счет одной фотографии, где изображена первая, скорее вторая жена 1овды – Мюслимат. Она мать Умара и Али Митаевых. Вот тут и поделился своими открытиями Хасмагомед:

– Знаешь, кто первым в Чечне из букового сруба сделал в Цацан-юрте сибирскую баню?

У меня перехватило дыхание, но моторно сработавшая мысль сразу нашла ответ:

– Исмаил Джамбеков.

– Точно.

Вдруг Хасмагомед замолчал. Мне показалось, что остановилось время. Я весь был во внимании. Он чуть притормозил машину и с трассы Баку-Ростов свернул на Грозный, и продолжил:

– А откуда он знал про сибирские бани, знаешь?

– Нет.

– А Ибрагим помнишь из фильма «Угрюм-река»?

Это уже был удар в «лоб»: «Ай, да Хасмагомед! Какой ты молодец!» – сказал я про себя. В это время он рассказывал о дочерях Исмаила. Называл их имена, места, где они проживали и за кем были замужем. А я дальше не слушал. В моей памяти всплыл высокий, стройный телохранитель Ювды, которому от силы было тридцать лет на ранних фотографиях, снятых во время первой ссылки Баматгирея-Хаджи в Херсон, остальные снимки сделаны во Владикавказе, в Калуге. Пристав Веденского округа князь Каралов удивлялся грамотности телохранителя Баматгирея-Хаджи, который без всякого акцента говорил на русском языке и так точно переводил смысл умных речей шейха.

Полковник, а потом и генерал-майор Каралов как-то наводил справки о личности этого джигита через канцелярию Наказного Атамана Терской области. Но ответ так и не пришел. Царская охранка редко бралась за биографию сосланных на каторгу в Сибирь. Они знали, что оттуда мало кто возвращался. Да и наведение справок дорого обходилось казне. Если не послать спецкурьера, пьяный писарь мог забыть что угодно. Жандармерия была склонна на первых порах видеть в нем агалыка – кунака Терского казака, так как Баматгирей - Хаджи был из тейпа гуной, а Исмаил Джамбеков представлял его интересы.

Было бы смешно думать, что царская охранка совсем потеряла из виду такого доброго молодца. Любимца публики золотых приисков, где, кстати, автор романа «Угрюм-река» Вячеслав Шишков работал инженером карьерных разработок. Писатель потом в своих публичных выступлениях признается, что он рожден был для этого романа, и написан он ради чеченца Исмаила, имя которого он вынужден был изменить в угоду цензуре тех лет, чтобы показать его честность, преданность, благородство и великодушие.

А как попал на эти прииски Исмаил Джамбеков? По версии писателя В.Шишкова это случилось так:

«– Вот, Ибрагим, – сказал ему Петр, – доверяю тебе сына... Я про тебя в городе слышал... Можешь ли быть вроде как телохранителем?»

– Умру! – захлебнувшись чувством преданности, взвизгнул горец. – Ежели доверяешь, здохнэм, а нэ выдам... Крайность придет – всех зарэжим, его спасем... Цх! Давай руку! Давай, хозяин, руку. Ну! Будем кунаки...

Ибрагим пил чай до шестого пота. Он всегда угрюм и молчалив. Но сегодня распоясался: хозяин оказал ему полное доверие, почет.

Ибрагим, обтирая рукавом синего бешмета свой потный череп, говорил:

– Совсэм зря..., каторгу гнали...

– За что? – враз спросила вся застолица. Ибрагим провел по усам рукой, икнул и начал:

– Совсэм зря... Сидым свой сакля, пьем чай... Прибежал один джигит:

«Ибрагим, вставай, твой брат зарэзан!» Сидым, пьем. Еще джигит прибежал:

«Вставай, другой брат рэзан!» Сидым, пьем. Третий прибежал: «Бросай скорей чай, твоя сестра зарэзан!» Тогда моя вскочил, - он сорвался с места и кинулся на середину кухни, – кынжал в зубы, из сакля вон, сам всех кончал, семерым башкам рубил! Вот так! – черкес выхватил кинжал и сек им воздух, скрипя зубами.

Все, разинув рот, уставились в дико искажившееся лицо горца.

Вскоре Прохор с телохранителем отправился в безвестный дальний путь».

В первом случае речь идет о том, как Исмаил Джамбеков стал телохранителем самого Вячеслава Шишкова и вместе с ним верхом объездил таежный край. Второй рассказ о ночном налете на Цацан-юрт головорезов царского генерала Якова Петровича Бакланова.

Так и попал Исмаил Джамбеков на золотые прииски. Тут познакомился с инженером, исследователем Сибири, а потом и писателем Вячеславом Шишковым.

Отбыл свои десять лет каторжных работ, будучи телохранителем купца Прохора Громова, как он пишет в романе, скорее всего, самого инженера Вячеслава Шишкова. По прибытии домой царская охранка установила за ним тайную слежку. Так как писатель проводил своего друга с большими почестями, подарив ему несколько золотых слитков. Зная, что ему не будет покоя, он пришел к шейху Баматгирей-Хаджи. Но прежде еще два года жил в Цацан-юрте. Он был из тейпа ширди. Впервые на Кавказе Исмаил соорудил сибирскую баню из сруба бука.

Шейху очень понравился трудолюбивый и не знающий уныния парень. Часто он рассказывал Митаеву, как добывается золото, какое огромное государство у русского царя. Как он через дебри сибирской тайги пробирался с исследователем и инженером до далеких тунгусских стойбищ. О нравах сибирских казаков, русских и других народностях, с кем приводилось встретиться. А однажды этого бывалого человека вопрос шейха застал врасплох. Ёвда спросил у Исмаила:

– А с золотом, что ты привез, что будем делать?

– Пустим на свои нужды, – после небольшого замешательства ответил он. Все же от вопроса не удержался:

– Ради Аллаха скажи, Ёвда, откуда узнал? Я про золото никому не говорил.

Шейх рассмеялся над его наивностью и ответил:

– Исмаил, какой из меня шейх и эвлия, если я не буду знать даже про золото своего друга?!....

Исмаил понял свою оплошность и на второй день съедил с кучером шейха Замой в Цацан-юрт и достал из тайника 16 килограммов золотых слитков. Это был личный подарок Исмаилу от писателя Шишкова.

Потом Исмаил, действительно, пустил свой капитал на нужды мюридов: построили ручную лесопилку, черепичный завод и первым делом купил в подарок шейху новый фаэтон... Разумеется, от дохода предприятий у Исмаила была своя особая рента. И до конца своих дней Джамбеков оставался верным дому шейхов Митаевых..

У Исмаила были две дочери. Оба дожили до глубокой старости и рассказывали интересные вещи из жизни своего замечательного отца. Его приключений в Сибири и рядом с шейхом хватило бы на несколько жизней.

Это Исмаил Высокий привез в Калугу к шейху дочь Циолковского Татьяну, которая проводила парад аэропланов летом 1912 года в подмосковном Тушино. Маленький самолетик никак не заводился. Парад летательных аппаратов был на грани провала. Пилот старался завести, но у него ничего не получалось. Юная красавица беспомощно бегала от пилота к директору аэростадииона. Публика требовала возврата денег. Тогда и вызвался помочь девушке горец, случайно оказавшийся здесь.

– Зачем ты, Исмаил, вмешался в эту историю, – сказал Баматгирей-Хаджи, когда Татьяна сходу бросила под его ноги свой белый шарф и попросила помочь своим провидением завести самолет.

Шейх понял, что Исмаил уже успел рассказать ей о горских традициях. Теперь нельзя было отказать ее просьбе и Ёвда поехал вместе с ними на место. Обошел планер, читая молитвы, и сказал:

– Исмаил, скажи пилоту, пусть теперь заведет.

Вскоре заурчал мотор, и маленький самолетик взмыл вверх. Позже дочь Циолковского пригласила Исмаила со своим волшебным стариком в гости. Конечно, калужские градоначальники, да и сам Сергей Дмитриевич Горчаков – губернатор Калуги, не раз приглашал Баматгирей-Хаджи на разные торжества. Так они вместе с другими шейхами прожили годы ссылки, будучи вольно-поселенными в доме купца Домогацкого. Этот дом в 1989 году мы сняли на видеокассету. Он был из сруба, но хорошо сохранился..13 сентября 1914 года Ёвда ушел в иной мир. Тяжелые дни настали для Исмаила Высокого.

С помощью второго Исмаила (а тот имел прозвище – Низкий из-за своего маленького роста и был из селения Гелдагана) они доставили тело шейха до станции Аргун. Как и было обещано Митаеву царем Николаем Вторым, для этого был выделен спецвагон.

После кончины шейха, Исмаил Высокий года два жил у шейха Али Митаева. Он уже был в годах и Али разрешил ему уехать в родное село. Джамбеков снова приезжает в Цацан-юрт. Занимается богоугодными делами. При встречах мюридов рассказывает о жизни великого шейха Ювды. Часто в своих молитвах просит Аллаха, чтобы к нему смерть пришла тогда, когда он будет рядом с водой. Видимо, осталась в памяти сибирская река Витим, где промывали золото. Да и Баматгирей-Хаджи (Да будет им доволен Аллах!) ему сказал:

– Смерть у тебя будет почетной. Доживешь до глубокой старости. И будешь убитым несколько дней лежать в воде.

Исмаила часто видели и в обществе шейха Али Митаева. Он последнему рассказывал, как в сложных ситуациях поступал его отец, какие молитвы он читал. Когда настали времена революций и потрясений, Исмаил Высокий предавался молитвам, стал набожным человеком. Из его золотых запасов давно уже ничего не осталось. Однако у него были скопленные капиталы от доходов мануфактуры. Он еще мог себя прокормить. Любил перекупать скакунов на базаре, да и в доме, в хозяйстве тоже была скотина. Но уже не было того статного, веселого Исмаила..

Когда в апреле 1919 года над Цацан-юртом нависли грозные тучи Деникинского нашествия, Исмаил Высокий ходил обеспокоенным. Достал свою старую винтовку – пятизарядку австрийского производства. Только у него и знаменитого абрека Зелымхана были такие ружья, наточил свой длинный дедовский кинжал. Войска генерала Ляхова окружили Цацан-юрт. Старика Исмаила о видели на разных участках боя. Из-за укрытия уложит пять – шесть офицеров, внесет сумятицу в строй нападающих – и в другой конец села. И опять на мушку брал офицеров. Так и прошел для него этот тяжелый день.

Когда село было отбито мюридами шейха Али Митаева, а Добровольческая армия Деникина отошла, среди раненых и убитых Исмаила не было. Сдаться в бою он не мог. Тогда мюриды обратились к Али Митаеву. Он сказал, что Исмаила Высокого надо искать в водах реки Хул-Хулау. Да и дочь Исмаила вспомнила, что он, после намаза, просил у Аллаха дать ему смерть у воды. На пятый день, после битвы, нашли Исмаила с пробитой саблей головой в угрюмых водах Хул-Хулау. Родная речка так отмыла труп смельчака, что он был белее ангела.

Исмаил Высокий был похоронен на кладбище газавата Али Митаевым и его мюридами.

Малость ошибся автор романа «Угрюм-река» Вячеслав Шишков. Его любимый герой Ибрагим погиб не от пули, как в фильме, а от вражеской сабли. Но его любимая горная река Хул-Хулау в то утро была угрюмой. В двух лентях-патронташах Исмаила, перекинутых накрест через плечи не было ни одного патрона. Винтовка была при нем, а в правой руке так и остался зажатый остро наточенный дедовский кинжал.

Это было апреле 1919 года. С тех пор много воды утекло в Хулло. Историки не раз обращались к теме Цацан-юртовского сражения с белогвардейцами, но имя Исмаила Джамбекова незаслуженно было упущено, так же как и имя легендарного шейха Али Митаева. Эти герои были в опале. Думаю, что сейчас благодарные потомки одну из улиц назовут именем Исмаила Джамбекова, а на месте его гибели поставят памятник в честь доблести и мужества этого легендарного человека.

Как-то Азакка (Хусейн – сын шейха Али Митаева) сказал, что Исмаил Джамбеков заслуживает книги мемуаров о нем. Это был настоящий образец истинного чеченца: смел, умен, дерзок, великодушен, обаятелен... И глубоко набожный.

**Вахит Акаев,
Мадина Мамадиева**

Особенности проявления исламского возрождения на Северном Кавказе

Выражение «исламское возрождение» является синонимом выражения «золотой век ислама», сопряженного с существенными достижениями мусульманского мира в области производства, культуры, искусства, науки, техники. Этот век длился с середины VIII до конца XII века. В этот период сформировалось общемусульманское культурное пространство как часть мировой культуры, это время возникновения и развития Арабского халифата как крупнейшего государства своего времени.

Мусульманская культура, простиравшаяся от южной Испании до Китая, аккумулировала в себе лучшие научные и технические достижения индусов, египтян, греков и римлян. Возрождение ислама и его культуры можно рассматривать как интеллектуальную, социально-философскую, научную почву для всей эпохи Возрождения. Отмечая значение мусульманской культуры для мира, историк Ховард Тернер, утверждает, что мусульманские художники и ученые, принцы и рабочие создали уникальную культуру, прямо или косвенно повлиявшую на общества во всех континентах [1]. Отечественный исследователь истории и культуры ислама И. Фильштинский, сравнивая арабо-мусульманскую философию со средневековой европейской философией, пишет, что первая была значительно разнообразнее и содержательнее, чем вторая [2, с. 314].

По мере распространения ислама в мире распространялась и мусульманская культура. Свообразная мусульманская культура сформировалась и на Северном Кавказе, который в средние века оставался северной ойкуменой арабского халифата. Об этом достаточно интересные соображения высказаны в работах дагестанских исследователей, которые дали описание и анализ влияния ислама на культуры народов Дагестана, сформировавшуюся систему мусульманского образования, арабских рукописей, им принадлежащих [3]. Населенный различными племенами, народами, говорящими на многих языках, исповедующих разные религии, в том числе и монотеистические, ислам подчинил их себе, даже объединил в рамках общей мусульманской культуры. Основой такого объединения народов, принявших ислам, являлись арабский язык, ценности ислама, преодолевающие племенные, расовые различия, формирующие единое мусульманское общество (умму).

Многовековое развитие ислама и исламской культуры на Северном Кавказе приобрело свои региональные особенности. Мусульмане Северного Кавказа являются суннитами, принадлежащими к двум мазхабам (религиозно-правовым школам) – шафиитскому и ханифитскому. Шафиитский мазхаб занесен из Сирии в ходе арабских завоеваний на Кавказе, а второй - из Турции. Другая особенность регионального ислама в том, что в Дагестане, Чечне и Ингушетии ислам много веков существует в форме суфизма, последователи которого опираются на Коран и Сунну, но при этом придерживаются культа святых, почитая и посещая места их захоронений.

На Северо-Западном Кавказе ислам также имеет свою специфику, связанную с воздействием обычаев, традиций, верований тюрко-язычных и

адыгских народов, среди которых преобладает ханифитский мазхаб. Ислам здесь перемешан с большой долей элементов народной культуры, языческих верований. Ислам, бытующий среди балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, черкесов, адыгов, абазин, ногайцев заметно отличается от ислама классического, нормативного. Ислам среди этих народов менее укоренен, чем среди народов Северо-Восточного Кавказа.

Ислам на Северном Кавказе, прошедший различные адаптационные этапы в царский, советский периоды, получил название народного или параллельного ислама. Некоторые религиоведы называют его традиционным, устанавливая тем самым различие между ним и исламскими движениями и течениями, проникавшими в СССР из мусульманского зарубежья, которые являлись новыми для мусульман данной страны. Но в условиях перестройки, а также накануне и после распада СССР, они проникают в Среднюю Азию, Поволжье и на Северный Кавказ. Этот процесс следует рассматривать как проявление активности мусульманских организаций, отдельных фигур, призывающих единоверцев к участию в политических процессах в стране, где происходили коренные социально-экономические преобразования.

Процесс возрождения ислама в СССР, начавшийся с середины 80-х гг., продолжается на постсоветском пространстве и поныне. В регионах компактного проживания мусульман, в том числе и на Северном Кавказе, он был сопряжен с изданием исламских газет, открытием мусульманских учебных заведений и профессиональным изучением ислама, мусульманской культуры, печатанием религиозной литературы, строительством мечетей, появлением иностранных фондов, поддерживающих исламское образование, финансирующих совершение мусульманами паломничества в Мекку и пр. Стали оживляться и укрепляться связи российских мусульман с единоверцами из мусульманских государств. В Москве действовали международные исламские организации, осуществляющие благотворительную и просветительскую деятельность, такие организации стали появляться и в других российских регионах, в том числе и на Северном Кавказе.

Исламское возрождение – явление, способствующее позитивным переменам, имеющее конструктивный, интеграционный характер, но вместе с тем, с ним связаны дезинтеграционные изменения, негативно влияющие на культурное единство мусульман, разжигающие религиозную и межнациональную вражду.

Исламское возрождение на Северном Кавказе происходило в контексте обстоятельств, связанных со следующими фактами: а) освобождение от коммунистического диктата и формирование условий для свободного отправления мусульманами религиозных обрядов; б) проникновение нетрадиционных для региона исламских течений и их политическая нацеленность; в) возникновение конфликта между религиозной традицией и нетрадиционными для региона исламистскими ценностями.

Как один из ключевых аспектов исламского возрождения на Северном Кавказе следует рассматривать появление и распространение нетрадиционного для региона фундаменталистского, религиозно-политического движения в суннитском исламе, именуемое ваххабизм. Его идеология и практика активизируются в конце 80-х – начале 90-х годов в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкессии. Малочисленные ваххабитские группы от «просветительской» деятельности переходят к политической активности, все чаще заявляя жесткие требования. В конечном итоге это чуждое для северокавказских народов религиозно-политическое течение в исламе способствует распространению в регионе агрессивного национализма и сепаратизма.

Весной 1989 года с участием ваххабитов был разогнано Духовное управление мусульман Северного Кавказа во главе с муфтием М. Геккиевым, обвиненным в том, что он не знает Коран. Следствием провокационной деятельности ваххабитов были беспорядки в гг. Махачкала, Хасавюрт, Буйнакск, митинги с антиконституционными лозунгами, бесчинства во многих мечетях, изгнание имамов, не разделяющих их взгляды [4, с. 105].

9 июня 1990 года в г. Астрахань была основана Исламская партия возрождения для противодействия советско-коммунистическим и постсоветским структурам, а в ее программных документах отмечалась необходимость восстановления ислама среди народов СССР, очищения «советского ислама» от всего наносного и возвращения его к Корану и Сунне [5, с. 175-176].

Эта партия так и не смогла выступить в качестве религиозно-политической силы, выступающей от имени всех мусульман СССР, а позже и СНГ. С распадом СССР она распадается на региональные отделения, а ее члены, активизировавшие свои действия в местах их проживания, в том числе и на Северном Кавказе, получили название ваххабитов. На митингах, часто проходивших на улицах городов Северного Кавказа, ваххабиты заявляли, что местный ислам не является чистым, он должен быть очищен от наслоений, считали грехом посещение могил умерших, особенно зияратов святых.

В эти годы происходят вооруженные столкновения между традиционалистами, силовыми структурами и религиозными нетрадиционалистами в Махачкале, Кизил-Юрте, Буйнакске, Гудермесе, Грозном, Карачаевске. Эта ситуация приобретает свои особенности в Чечне, где ваххабиты нашли широкое поле действия в связи с сепаратистской деятельностью Д. Дудаева, А. Масхадова.

25 июля 1998 года в г. Грозный по инициативе муфтия Чечни А.А. Кадырова созывается Конгресс мусульман Северного Кавказа. На этом форуме, впервые после распада СССР, объединившем представителей традиционного мусульманского духовенства Северного Кавказа, были решительно осуждены действия ваххабитов, а ваххабизм как течение в исламе признан антиисламским и экстремистским. А.А. Кадыров признал, что ваххабизмом заражены многие властные структуры Ичкерии [6, с. 163].

Религиозные радикалы которым, безусловно, относились «северокавказские ваххабиты», представляли угрозу не только для граждан, исповедующих традиционный ислам, но и в целом для общества с мультикультурными традициями. Дезинтеграционная роль ваххабитов проявлялась в том, что они, выступая против традиционного мусульманского духовенства и бытующего народного ислама, добивались замены его «чистым исламом», что порождало конфликтные ситуации. В северокавказском регионе и за его пределами совершались теракты, к которым они считаются сопричастными. Ими ставилась задача построения кавказского халифата, и объявлялись врагами ислама все, кто не разделял их точку зрения. На Северном Кавказе, начиная с середины 90-х годов до настоящего время, погибло более 60 представителей официального духовенства, но многие совершенные преступления до сих пор не раскрыты. Между тем, в общественном мнении устойчив слух: в их раскрытии не заинтересованы силовые структуры.

В начале 2005 года в Кабардино-Балкарской Республике накопились серьезные противоречия между официальным духовенством в лице муфтията и власти, с одной стороны, и лидерами ваххабизма, с другой стороны. Трагические события, происшедшие в том году в Нальчике, подробно описаны в книге «Ислам на Северном Кавказе: история и современность. И. Текушев в ней пишет: «Конфликт между ДУМ Кабардино-Балкарской Республики и общиной, которая исповедовала обновленческий ислам (салафизм начался

гораздо раньше того времени, когда Анас Пшихачев дослужился до поста ДУМ КБР. Однако именно с его приходом противоречия в общине переросли в открытое противостояние» [7, с. 144]. Конфликт начался с того, что салафиты призывали отменить многие разорительные поминальные обычаи, вывести ислам из «похоронной» сферы и сделать его полнокровно функционирующей системой в республике.

Активное противодействие ваххабитам оказывало традиционное духовенство Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, а также местные органы власти. В целях ослабления воздействия влияния ваххабитов на молодежь принимались законы, блокирующие их деятельность, приравнивающие ее к религиозному экстремизму.

Исламское духовенство на Северном Кавказе активно в общественно-политических процессах региона, оно принимает участие в урегулировании внутррелигиозных конфликтов, способствует сохранению политической стабильности. Оно проявляет свою заинтересованность в установлении диалога между традиционным исламом и салафитами-ваххабитами. Но, начавшийся весной 2012 года в Дагестане диалог между представителями традиционного ислама (представляемых Духовным управлением мусульман Дагестана) и салафитами (ваххабитами), прерывается терактом, в ходе которого погибает суфийский шейх Саид Афанди Чиркейский, являвшейся ключевой фигурой этого диалога.

О необходимости возобновления диалога между традиционалистами и умеренными салафитами на Северном Кавказе все чаще высказываются как некоторые политические деятели, так и представители официального духовенства. В Чеченской Республике отношение к такому диалогу несколько иное в силу доминирования суфийского ислама и его государственной поддержки. Но это вовсе не означает, что здесь в молодежной среде перестали существовать салафитско-ваххабитские настроения и не должно быть «разговора» между «традиционалистами и нетрадиционалистами».

Нередко в исследованиях, посвященных этнополитическим и конфессиональным проблемам на Северном Кавказе, фальсифицируется суть противоречивых, трагических процессов, протекающих здесь. В одной из публикаций утверждается, что «кавказские этнические общины заняли в современной химерической государственности нишу антисистемы, а ваххабизм выступает в роли антисистемной идеологии» [8, с. 37]. Под химерической государственностью подразумевается – Россия, а кавказские общины, существующей в российских регионах, считаются антисистемами, пожирающими ее, а их идеологическим обеспечением – ваххабизм.

Это примитивно-абсурдное высказывание – яркий образец провокации, состряпанной в «лаборатории», где занимаются всевозможными манипуляциями, искажающими реальное положение дел, пытаясь отвлечь внимание от фундаментальных проблем, существующих на Северном Кавказе, якобы исходящих от кавказцев, «кавказских общин», составляющих антисистему, и подверженных религиозно-радикалистским химерам.

Недавно опубликовано достаточно интересное, но не бесспорное по целому ряду аспектов исследование, принадлежащее известному отечественному религиоведу И.П. Добаеву, осмысливающему процесс радикализации ислама в современной России [9]. Вместе с тем, с нашей точки зрения, ислам сам по себе не может радикализироваться, экстремизироваться, терроризироваться. Такое «качественное состояние» ему придают люди, организации, движения, прикрывающиеся исламскими лозунгами, стремящиеся реализовывать свои конкретные, часто приступные, цели и задачи.

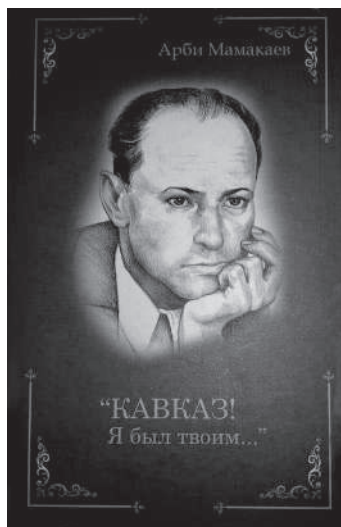
В этом контексте сомнительна научная корректность, часто вводимых в научный оборот терминов: «радикализация ислама», «политический ислам», «исламисты», «исланизм», «исламский экстремизм», сочетание «ислам» и «терроризм».

В рамках ислама существуют течения, секты, деятельность которых носят выраженный разрушительный религиозный и политический характер. Относить их практику и идеологию к исламу, по меньшей мере, некорректно. Отсутствие четкого определения термина «политический ислам», «радикальный исланизм» в методологическом отношении запутывает суть последующих рассуждений, построенных на этих конструктах. Исходные понятия должны быть четко определены, а на их основе строиться вся последующая логика изложения. Подобным анализом невозможно разобраться в реальных угрозах, существующих на Северном Кавказе, а между тем они имеют глубокую социально-экономическую, политическую основу.

Их решение позволит добиться интеграции многоконфессионального и многонационального российского общества. Что касается радикализма, экстремизма ваххабитов, то эти явления, будучи специфическими угрозами для общества, государства, являются вторичными, надстроечными. Блокирование их деятельности связано с использованием комплекса мероприятий правового, политико-идеологического, духовно-культурного характера при одновременном решении проблем социально-экономического улучшения благосостояния людей, преодоления коррупции, установления социальной справедливости.

Литература:

1. Тамух Сурайя. Исламские ученые внесли большой вклад в науку // <http://www.islamvevrazii.ru/st10.php>
2. Фильштинский И.М. История арабов и Халифата (750-1517 гг.). – 3-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2008.
3. Ислам и исламская культура в Дагестане. – М., 2001; Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). – Мхачкала, 2005.
4. Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. – Махачкала: ГУП «Дагестанское книжное издательство», 2001.
5. Ермаков Игорь, Миккульский Дмитрий. Ислам в России и Средней Азии. – М.: «Лотос», 1993.
6. Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.
7. Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Под ред. Ислама Текушева и Кирилла Шевченко. – Прага, Medium Orient, 2011.
8. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье / Институт национальной стратегии. – М., 2013.
9. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Монография. – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014.

Книжные новинки**Он остается твоим, Кавказ!**

Сборник переводов на русский язык избранной поэзии и прозы «Кавказ! Я был твоим...» прославленного чеченского поэта Арби Мамакаева вышел в 2014-ом году под эгидой Союза писателей Чеченской Республики. Данное издание приурочено к 95-летию поэта.

В предисловии к книге секретарь правления Союза писателей России Иван Голубничий пишет: «...Сама личность Арби Мамакаева представляет огромный интерес именно как ярчайшее проявление чеченского национального характера... Он был действительно, без преувеличения, легендарным человеком, что, на мой взгляд, является одним из основных признаков значительного духовного явления.

...Говоря о поэтическом наследии Арби Мамакаева, невозможно не выделить поэму «В горах Чечни» – фундаментальное произведение, по своей композиционной структуре перекликающееся с пушкинским «Евгением Онегиным»). Эту поэму также

с большим основанием можно назвать «романом о чеченской жизни».

...Арби Мамакаев – и тонкий лирик, способный воспроизвести интонации народной песни, и в то же время глубокий мыслитель, для которого даже освященные традицией условности жизни не являются неприкосновенными догмами, если они встают на пути людей, стремящихся к личному счастью и благополучию своего народа».

К нашим иллюстрациям**Улыбка природы в картинах Дианы Ахмадовой**

Ахмадова Диана Рамзановна родилась 13 октября 1995 года в с. Мелчи Чеченской Республики. В 2012 окончила СОШ №1 в поселке Ойсар Гудермесского района.

Вот что Диана рассказывает о себе: «Любовь к рисованию у меня появилась с раннего детства. В 2008 году поступила в детскую художественную школу в Ойсаре, где и начала заниматься живописью. В основном работала над натюрмортами. В 2012 году с отличием окончила полный курс обучения в художественной школе. На данный момент учусь на третьем курсе художественного отделения Чеченского государственного колледжа культуры и искусств им. В. Татаева. Принимала участие во многих конкурсах. Имею грамоты и призы.

...В своих картинах я стараюсь использовать яркие цвета красок. Природа украшает все вокруг. Природа улыбается, но не все замечают этого, а я так люблю, восхищаюсь, радуюсь ее дарам и благодарна Всевышнему, что живу в этом прекрасном мире! Природа дарит человеку все, только надо понимать и любить ее. Природа любит нас всех одинаково, она не разделяет нас на плохих и хороших, своих и чужих.

...В колледже я научилась многому. И в этом мне помогли мои преподаватели. Хочу отметить заведующую художественным отделением Элипханову Хеди Байсултановну – ее доброта, отзывчивость, ее умелый подход к каждому студенту вселяет надежду и уверенность в себе. Спасибо ей огромное!..»

Диана мечтает о своей персональной выставке, и мы уверены, что это событие в ее жизни не за горами.

На страницах номера представлены следующие работы художницы: 1 стр. – «Сакура», 2 стр. – «Натюрморт с кувшином», 3 стр. – «Осень», 4 стр. – «Весеннее утро».

Саламбек Алиев

Сведения об авторах и переводчиках

Шамсуддин Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). Член Союза писателей РФ (1992).

Ильмади Цоккуев (р.1949). Среднюю школу окончил в с. Саясан (ЧИАССР). Работал учителем начальных классов в Замай-Юртовской восьмилетней школе. Стихи пишет с семидесятых годов. Печатался в районной и республиканской газетах, альманахе «Аргун», а также в коллективных сборниках «Рассвет», «Антология чеченской поэзии». Живет в станице Шелковская.

Хеда Мизаева (1993). Родилась в г. Грозный. Окончила городскую гимназию № 12. Студентка 2 курса факультета экономики и управления ГГНТУ. Стихи пишет несколько лет. Ей близко творчество современных молодых российских поэтов (Стефания Данилова, Вера Полозкова, Виктория Миловидова и др.). Публикуется с 2014 года (журнал «Вайнах» №5).

Гилани Индербаев (1938). В 1964 году окончил историко-филологический факультет ЧИГПИ. Кандидат филологических наук, доцент ЧГПИ. Автор более 50-ти научных статей, сборника литературно-критических статей «Отражение времени» (2007), монографии «Литература народов СНГ» (2011). Член Союза писателей России. Дважды награжден дипломами Региональной общественной организации «Интеллектуальный центр Чеченской Республики» (2006 и 2013). Заслуженный учитель ЧР.

Вахит Итаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Автор фантастического романа «Майдан предков», вышедшего в Москве в 2007 году.

Вахит Акаев (1952). Родился в г. Ленгер Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. Ученый, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, доктор философских наук, профессор.

Мамадиева Мадина, в 1998 году окончила ЧГПИ по специальности педагогика и психология. В настоящее время работает ассистентом кафедры философии ГГНТУ им. академика М.Д. Миллиошикова, заочно учится в аспирантуре Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета. Автор ряда научных работ, посвященных анализу религиозно-культурных проблем на Северном Кавказе.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.